

МАРИНА ОРЛОВА

ГОРОДСКИЕ ЛИСЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

1. ПРИМАНКА

18+

Марина Орлова
ГОРОДСКИЕ

ЛИСЫ. 1. Приманка

Серия «Любовь под запретом», книга 3

<https://litres.ru/73397339>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лета мечтает о приключениях, но вляпывается лишь в проблемы.

Да и какие приключения в их рабочем районе? Жизнь расписана наперёд, каждый день одно и то же: старая общага, подработка на кассе, подружки разъехались, а парни во дворе предпочитают более сговорчивых девушек.

Единственный вариант подняться - попасть в местную банду, куда Лету не спешат брать.

Тут-то и начинаются приключения - или проблемы: парень из чужой банды предлагает Лете необычную подработку. И чужак нравится ей всё больше...

Но можно ли любить на улицах, где все привыкли воевать?

*** ПЕРВАЯ КНИГА СЕРИИ ***

* Ромео и Джульетта из враждующих банд

* фиктивные отношения

* у каждого свои секреты

- * интриги вокруг
- * рабочие окраины против циничной столицы
- * эстетика панелек и дворов 90-х
- * остросюжетные события
- * эмоциональные повороты
- * счастливый финал

Содержание

зазор / ворон	5
1. Цэ-Мэ-Мэ	12
2. Рыжий с шоблы Лешего	30
3. Кто такой Джанки?	52
4. Предложение	67
5. Первое свидание	77
6. Проверка	91
7. Невидимая связь	118
8. Нора Джанки	135
9. Завтрак	143
10. Комиссионка	158
11. Юбилей Пилви	171
12. Побег	183
13. Обвинения	194
14. Шобла Камня	213
15. Шитьё	231
16. Шурок	257
Конец ознакомительного фрагмента.	258

ГОРОДСКИЕ ЛИСЫ. 1. Приманка

*Даниилу Миронову а.к.а. Yoshumidzu
— с благодарностью
за музыку и вдохновение*

зазор / ворон

Тусклые бусинки глаз наблюдали за девушкой, крадущейся внизу, по территории заброшенного завода. Совсем молодая — мелкая, тощая, мяса всего ничего. Опасно-яркая: красная кофта пламенела на солнце, как мухомор, зелёные волосы колыхались на ветру, как едкие водоросли.

Раньше ворон и не подумал бы такую есть, на его вкус она выглядела хилой, болезненно-бледной и уж точно столь же ядовитой, как местный воздух и ржавчина, оседающая на перьях. Но с тех пор, как его родной лес полностью высох, ворон стал не такой привередливый.

Казалось, что девушку преследуют: она неслышно кралась по ломанным и покосившимся от старости серым квадратным плитам, осторожно огибала кучи мусора и кирпичного крошева, жалась к стенам, то и дело озиралась. Однозначно добыча, слабая и трусливая. То, что нужно.

Ворон всегда делил лесных обитателей на хищников и добычу. Жизнь была понятна: добычу нужно есть, хищников — избегать. Затем лес начал умирать, с каждой весной листьев на деревьях распускалось всё меньше, а ветки стали серыми и ломкими. Два года назад лес погиб окончательно. Сначала над ним повисло едкое облако химии, из-за которого почти все птицы погибли, затем хлынули потоки воды, затопившие окрестности. Это и спасло ворона: вода смыла химию, приглушила мерзкую вонь, так что он смог окрепнуть и вновь начать охотиться.

Рядом с погибшим лесом был огромный город, куда ворон направился в поисках еды. Покружив над непривычно-ровными линиями улиц, он быстро понял, что в этом лесу каменных труб и колючих металлических веток жизнь устроена так же, как и в обычном.

Местных хищников можно было отличить по химическому запаху и по чёрному цвету. Одни — люди в чёрной одежде — носили с собой металлические предметы, полыхающие огнём и воняющие кислым дымом, от которого у ворона свербело в ноздрях. Другие выглядели как люди из матового чёрного металла, они двигались механически размеренно, вспыхивали голубоватыми молниями электрических разрядов и пахли так же, как пахло здесь внутри завода, — жирной машинной смазкой. Третьи — чёрные летающие шары, от их монотонного жужжания у ворона болела голова. В общем, опасными были любые хищники, как всегда в лесу.

Тем не менее, несколько раз ворон видел, как люди напали на металлических хищников. И летающих, и человекоподобных сначала сбивали на землю, а затем забивали электрическими прутьями. Мёртвые механизмы оставались валяться на асфальте, из них текла густая чёрная жижа. Глупые голуби подходили к блестящим лужам, чтобы попить, но вскоре падали, неловко дёргались и били крыльями, пачкаясь в липкой жидкости, пока не умирали тоже.

Насмотревшись на городскую жизнь, ворон вернулся на окраину — к мёртвому лесу и пустующим заводским цехам. Пусть здесь воняло отравой, но зато не было хищников и почти не было людей. Тихо и спокойно, самое то для гнезда, а за едой можно было слетать в город, к человеческим свалкам и скоплениям голубей. Голуби — лёгкая добыча.

Но сейчас еда сама пришла к нему. Ворон, затаившийся в узкой щели под самой крышей кирпичного здания, цепко, не отвлекаясь, следил, как внизу зелёноволосая девушка пробирается по заводскому двору. Она явно шла к чему-то интересному, так что или укажет ворону, где это интересное находится, или умрёт по пути, и тогда ему перепадёт свежее мясо. Птица слегка пошевелила крыльями, в нетерпении разминаясь, чтобы — когда настанет момент — рвануть к добыче.

Вскоре девушка дошла до огромной лужи, перегораживающей территорию от кирпичного здания завода до такой же тёмно-красной ограды. Это был широкий участок под-

топленной земли, словно неподалёку прорвало трубу. Грязно-коричневая вода слабо воняла тем самым ядом, который два года назад отравил лес. На её поверхности скопился мусор. Два года назад, когда ворон здесь поселился, лужа выглядела точно так же и с тех пор ни разу — даже летом — не высыхала.

Девушка поискала обход, но его не было, лужа полностью преграждала путь. Благо, она была неглубокая, тут и там под слоем коричневой воды светлели бетонные квадраты плит.

Решившись, девушка подступила к самому краю и, примерившись, широко шагнула на чуть выступающую покосившуюся светлую плиту. Взмахнула руками, удержала равновесие. Подняв голову, оценила расстояние до противоположного берега, где в лужу спускалась насыпь из битого кирпича, бетонного крошева и ржавых металлических деталей.

Девушка ловко прыгнула на другую плиту. Ворон моргнул.

Любопытно, куда же она идёт? Впереди оставалось лишь одно огромное светло-бетонное здание, в просторных залах которого пусто и гулко, разве что крысы водятся, но и у тех мясо горькое. Ворону казалось, что люди предпочитают еду повкуснее, а крыс он и без этой девушки найдёт. А ещё дальше блестел на солнце широкий разлив Затоба — той прозрачной, по-морскому горькой воды, которая два года назад залила окрестности. Там уж точно ничего интересного нет. Может, не было толку следить за этой девушкой? Во-

рон оценивающе посмотрел на зелёные волосы. Что, если она уже настолько отравлена и больна, что ничего не соображает, бредёт наугад, а он лишь теряет время?

Тем временем девушка примерялась к следующей плите: та была далековато и прикрыта мусором.

Наконец девушка решилась, прыгнула, приземлилась — и вдруг резко ухнула вниз. С громким плеском бухнулась в воду, с головой скрылась в грязно-коричневой жидкости. Ворон испуганно и напряжённо замер, вывернув голову, наблюдая, как предательская плита упруго выскочила обратно на поверхность воды, оказавшись не бетоном, а куском пенопласта. Теперь девушка ворона больше не занимала — есть её нельзя, вымокла в отраве, — а вот знать местные ловушки было необходимо.

Вскоре голова показалась среди колышущегося на поверхности воды мусора: глаза были зажмурены, зелёные волосы облепили лицо, по которому сбегали дорожки коричневой воды. Девушка барахталась в мутной грязи, фыркала, отплёвывалась и слепо крутила головой, пытаясь понять, где берег. Наконец неуверенно поплыла вперёд, к противоположному краю водоёма. Теперь было понятно, почему насыпь из битого кирпича там обрывалась настолько резко.

Девушка доплыла, ухватилась за торчащую из кучи кирпича ржавую арматуру. Потянулась наверх, цепляясь за спасительную железку, параллельно отплёвываясь и приоткрыв один глаз в надежде разглядеть ещё какую-нибудь опору. По-

ставила колена на россыпь битого кирпича, поморщилась от боли. Рванувшись вперёд, схватилась за другой прут подальше, потянулась — и казалось, что уже почти выбралась...

...Но ржавый прут вдруг неожиданно легко отделился от кучи и остался в руке, девушка по инерции качнулась назад, неустойчивая куча обломков под её коленом поехала, осыпаясь... В следующее мгновение она, испуганно вскрикнув, снова обрушилась в воду. Водоём ощутимо всколыхнулся, плавающий мусор на поверхности закачался.

И тут ворон застыл в тревожном недоумении: количество воды в луже начало уменьшаться, потому что её — вместе с мусором и барахтающимся человеком — стало быстро засасывать вглубь. Показались мокрые тёмно-серые стены, уходящие вниз всё глубже и глубже: лужа оказалась просторным бетонным колодцем.

Через несколько секунд в глубине колодца натужно чавкнуло, словно подавившись, на поверхность всплыл пузырь воздуха — и всю массу воды резко выплюнуло назад. Девушка взмахнула руками, стараясь ухватиться за кирпичную насыпь, но неудачно, и её тут же снова потянуло назад, прочь от берега, а жалобный вскрик потонул в тягучем пронзительном вое, поплывшем над территорией завода.

Ворону казалось, что вой идёт из воды, что это не просто ловушка — там, на дне, пробудился огромный хищник, именно от его движений вся поверхность водоёма ходит ходуном. Птица окаменела от ужаса. Чудовищный звук, рву-

ций голову, гнал наружу, из убежища, требовал бить крыльями и метаться бессмысленно, может, даже кинуться в воду, но ворон изо всех сил держал себя на месте.

Муть в колодце продолжала ритмично колыхаться, болтая девушку туда-сюда, издевательски бросая на край колодца, но не позволяя зацепиться там, сразу же отгаскивая прочь от спасительного берега. Девушка уже кричала плачуще, замолкая в те моменты, когда с головой уходила под грязно-коричневую воду — такие паузы становились всё дольше, и было очевидно, что скоро зелёные волосы исчезнут в глубине окончательно.

В конце концов, не выдержав устрашающего воя, ворон сорвался с места, взлетел как можно выше — с облегчением понимая, что неведомый жуткий хищник не дотянулся до него, — и, заложив вираж над заводом, рванул искать новое убежище.

1. Цэ-Мэ-Мэ

Пронзительный вой сирены переполнял голову Леты, во рту был кислый химический вкус, нос не дышал, а ноги неумолимо затягивало всё глубже, в колышущуюся грязь. В сознании билась единственная мысль: «Хватайся, ХВАТАЙСЯ!» — хотя девушка уже не была уверена, в какой стороне берег и есть ли там, за что ухватиться. Глаза щипало, они слезились и не хотели открываться.

Но она всё ещё не смирилась, не верила, что это конец, всё ещё билась в грязи, пользуясь любым глотком воздуха, чтобы продержаться ещё немного.

Секунды утекали, сирена выла, а грязная вода вокруг всё ещё качалась — методично, то засасывая девушку вглубь колодца, то выплёвывая на поверхность. Силы Леты убывали, руки уже дрожали от напряжения, хаотично шаря вокруг, стараясь нащупать хоть какую-то опору, зацепиться за мусор на поверхности воды, хоть за что-нибудь...

...Как вдруг запястье сжали чьи-то пальцы — крепко и больно. Лета жалобно булькнула. Движение воды вновь потащило её в глубину, но тот, кто держал её запястье, не отпустил, а потянул к себе. В какой-то момент Лете показалось, что её вот-вот разорвёт: рука останется у неведомого спасителя, а тело всё же засосёт вглубь водоёма и там намотает на металлические детали насоса.

Однако в следующую секунду насос передумал, обиженно выплюнул воду, Лету вытолкнуло грудью на твёрдую насыпь, её руку упорно тянули, вытаскивая на берег, и девушка, не открывая щиплющих глаз, изо всех сил старалась помочь неизвестному спасителю. Карабкалась вверх по осыпающейся в воду куче как могла проворно, без колебаний царапая ладонь и сбивая колени об острые кромки кирпичей, давясь кашлем, рвано всхрипывая на вдохе, заливаясь слезами — и от боли, и от пекучей химической воды, и от облегчения, что её спасли.

Когда Лета наконец-то отползла от воды и почувствовала под коленями ровные бетонные плиты, она неловко поднялась. Слегка дёрнула свою руку, чтобы освободиться, но таинственный спаситель и не подумал отпускать её запястье, даже наоборот, уверенно потянул за собой.

Куда он её тащит? Он здесь один или с компанией? Присутствия других людей Лета не заметила, голосов не было слышно. Это хорошо: если парень опасен, то пусть лучше он будет один, чем с такими же отбитыми на голову друзьями.

Спасение спасением, однако теперь Лете совершенно не понравилось, что её ведут неизвестно куда, так что она дёрнула руку сильнее, но снова бесполезно. Более того, пальцы на её запястье сжались так, что девушка еле удержалась от стоны, а рядом раздался негромкий мужской голос:

— Тиш ты!

Лета внутренне замерла, словно всем телом вслушиваясь

и анализируя. Голос был хрипатый и грубый, словно простуженный, но молодой — одного возраста с ней. Девушка попыталась приоткрыть глаза, но сквозь обильно текущие слёзы было видно лишь смутную фигуру: парень в тёмной одежде, ростом слегка выше неё. Одежда обычная, не милицеская униформа. В то же время от незнакомца не было характерной вони, как от бездомного. Значит, оставался лишь третий вариант, зачем неизвестному парню ошиваться в заброшенном ЦММ.

Территория ЦММ принадлежит Лешему, поэтому очень вероятно, что парень — из Лешевской шоблы. Может, цеха не такие уж заброшенные, и не просто так Лету отправили сюда «посмотреть». А может, это всего лишь местный сторож, поставленный для порядка, — дремал где-нибудь на солнышке, а потом его разбудила сирена. Ведь больше-то Лета не видела ни людей, ни техники.

Ковыляя по разбитым плитам вслед за парнем, Лета обдумывала, что делать. Особых проблем за вторжение на чужую территорию быть не должно. Она просто ходила-гуляла, ничего не фотографировала, с собой никаких криминальных вещей не имеет, а что её отправили сюда разнюхать ситуацию в пользу шоблы Камня — с которым у Лешего взаимная нелюбовь — так это она не скажет. Татуировки-то у неё нет. Не признается и всё. Скажет, что с соседнего района. Что просто заблудилась. Хотя как можно заблудиться на километры вглубь нежилой окраины города?! Проклятье, по-

чему она не придумала правдоподобную версию! Поверила, что здесь никого не будет, что задание простое — всего лишь зайти и посмотреть...

Ну и ладно, авось обойдётся, даже если её потащат к мичману — разбираться официально. За порядком обычно следят мужчины, а какой мужчина будет всерьёз разбираться с промокшей трясущейся девчонкой, которая льёт слёзы — после «купания» в грязной воде они сами текли ручьём — и бормочет, что просто заблудилась? Поморщится, да и отпустит.

Как назло, глаза ещё эти слезятся! Не видно ничего!.. Но тут Лету перестали тянуть. Она послушно остановилась, дрожа в мокрой одежде — повезло ещё, что конец мая, тепло, — и прислушалась к окружающим звукам, стараясь понять, что происходит. Голосов людей слышно не было. Вой сирены стал тише. Скорее всего, они отошли на расстояние пары зданий, высокие заводские цеха перекрывают звук. От налетевшего прохладного ветерка Лета поежилась. Ветер характерно пах стоячей водой и чем-то подгнившим...

А ещё вызвал тихий плеск воды совсем рядом.

В груди Леты противно зашевелился страх. Зачем незнакомец привёл её к Затопу? А может... Может, парень вовсе и не из шоблы Лешего? Ведь оставался ещё четвёртый вариант, о котором Лета не хотела думать.

Нельзя исключать, что незнакомец здесь сам по себе, за собственный — ещё неизвестно какой — интерес. И это ху-

же. Всё-таки в шобле есть устав, ответственность, понятие чести, и люди стараются этому соответствовать. А такой вот одиночка на окраине города может оказаться кем угодно. Конечно, Лете совсем не хотелось разбираться с людьми Лешего по уставу, но будет гораздо хуже, если незнакомец сделает с ней *что угодно* без устава и без свидетелей.

А он явно что-то задумал: в следующий момент Лету пихнули в плечо, от неожиданности она потеряла равновесие, шагнула — и по щиколотки вляпалась в холодную воду. Внутри взвилась паника, девушка мыкнула протестующе, попятилась, стараясь вернуться обратно на сухую поверхность... Но теперь парень уже обеими руками принялся бесцеремонно пихать её глубже в воду, приглушённо бормоча:

— Лезь давай! Хошь без глаз остаться?

Лета на всякий случай продолжила упираться — боязно, когда ничего не видишь, — но принялась лихорадочно сообщать. Незнакомец толкал её не так уж сильно. То есть сильно, конечно, но не так, словно хочет убить. И если подумать — было бы странно спасти девушку из колодца лишь для того, чтобы сразу же утопить по соседству. Плюс он прав: вода в пожарном колодце была явно опасная, хорошо бы смыть её как можно скорее. Если суммировать все эти соображения, было похоже, что парень привёл её к Затопу умыться. Хотя тоже странный: мог бы сказать словами, а не заталкивать её в воду. Ну ладно, хорошо, Лета решила ему довериться.

Поэтому в следующую секунду она резко прекратила со-

противляться пихающим её рукам и сама смело направилась вперёд. Шаг, другой — вода стала выше и плеснула по икрам, — а на следующем шаге под кроссовком ничего не оказалось. Лета взмахнула руками, испуганно пискнула — за её спиной раздалось разочарованное: «Бля, да куда ты!..» — и ухнула вперёд.

На долгую секунду её сердце остановилось — ожидая падения на бетонные плиты...

... Однако в следующее мгновение Лета бухнулась в воду с громким плеском — и ушла в глубину. Холод сомкнулся над головой, наполнил рот, потёк глубже... От испуга девушка даже открыла глаза, забила руками-ногами, высунула голову из воды, вдохнула с хрипом... Инстинктивно отплыла прочь, подальше от незнакомца. Зависла здесь, шевеля в воде руками и ногами. Оставалось понять, что делать дальше.

Эта вода была тоже не очень-то чистая и по-морскому солоноватая, но всё же вскоре Лета смогла проморгаться. Глаза всё ещё резало, однако сквозь слёзы уже смутно было видно окружающее. Это действительно была затопленная часть ЦММ. Видимо, раньше здесь был сильный перепад высоты — промышленный бассейн для охлаждения или канал для слива отходов, — а теперь этот нижний ярус превратился в огромное глубокое озеро. Тяжёлые, насквозь промокшие кроссовки тянули ноги Леты вниз, в тёмную глубину.

Зато девушка смогла сориентироваться. Слева безбрежная вода блестела в солнечных лучах. Там запад, где Затоп

тянется на многие километры и в конце концов сливается с морем.

За спиной виднелся пологий берег: коричневый без намёка на зелень, а из воды постепенно выступали мёртвые деревья Сухого леса. Очевидно, там грязь по уши, через прибрежное болото и не вылезешь.

Справа — массивные и высокие бетонные плиты. Не забраться.

Проклятье, некуда бежать! Оставалось лишь пространство впереди — сам ЦММ, та сторона, откуда она упала. Там возвышалось промышленное здание из серого бетона: стены на ярком солнечном свете казались почти белыми, на удивление целые стёкла ярко блестели. В тени у подножия здания тянулась узкая бетонная площадка, и там сидел на корточках парень в тёмной одежде — очевидно, тот самый обладатель цепких рук и хриплого голоса, — который наблюдал за её купанием. Сквозь муть в глазах его было видно лишь в общих чертах, но Лета разглядела, что нижнюю часть его лица скрывает чёрная повязка или бандана. Девушка покосилась по сторонам, но других людей на светлом фоне бетона не заметила.

Вернулась взглядом к неподвижной тёмной фигуре. Может, всё же попробовать уплыть от него? Но нет, это без вариантов... Так что лучше не раздражать незнакомца попыткой побега.

Лета пару раз нырнула, смывая химию с лица, и направи-

лась к бетонной площадке.

Подплыла. Часто моргая, уставилась на высокий край, не уверенная, как туда забраться. В расфокусированном поле зрения возникла загорелая рука, и Лета, поколебавшись, ухватилась за неё. Парень одним движением затянул её наверх, и через пару секунд Лета уже стояла на ногах, заливая светлый бетон потоками воды. Сердце тревожно колотилось, после всех этих «купаний» мысли метались хаотично. Одно девушка понимала чётко — нужно показать незнакомцу, что она уверена в ситуации и ничего не боится. Так что Лета, склонившись, тряхнула мокрыми волосами, смахнула побежавшие по лицу капли и сдавленным голосом — после кисло-химической воды в горле першило, — однако вполне твёрдым тоном выдала первую пришедшую в голову реплику:

— Трахаться не буду!

Как только ляпнула эти слова — тут же поняла, что зря. Вечно она сначала говорит, потом думает! Нужно было оставить лазейку для флирта — чтобы прощупать почву, усыпить бдительность. Парней злит, когда им с ходу резко отказывают.

Вот и голос над её склонённой головой фыркнул презрительно:

— Ты ся видела? Нужна ты мне.

Так-то да, выглядела она сейчас как помойная крыса, вымокшая в Затопе. И воняла, очевидно, не лучше. Тем не ме-

нее, реплика парня успокоила Лету: значит, его план состоял не в том, чтоб отмыть её от грязи, а потом изнасиловать. И то облегчение.

Второе облегчение — что глаза больше не пекло. Терпимо. Лета поморгала и украдкой покосилась на незнакомца. Коричневые ботинки с высокой шнуровкой были мокрые и блестели каплями воды — очевидно, потому что парень лазал за Летой в водоём. Рабочие штаны из тёмно-коричневой плотной ткани. Чёрное худи с капюшоном, чёрный рюкзак. Нижнюю часть лица парня в самом деле скрывала бандана — не просто чёрная, а с россыпью белых точек кода: такие коды обычно являлись ссылкой, сбивающей с толку уличные камеры и роботов. Некоторые ссылки были шуточные и вели всего лишь на закольцованную поп-песенку, другие — более агрессивные — перенаправляли на вирусы и заставляли камеры зависнуть намертво. Любопытно, что зашифровано на бандане этого парня?

В этот момент глаза опять защищало и заволгло слезами, Лета сморщилась от боли, непроизвольно подняла руку, чтобы потереть...

— Не трожь! — бросил парень. Снял со спины рюкзак, чем-то зашуршал. — Руки дай.

Лета, подслеповато щурясь, разглядела у него в руках литровую бутылку. Внутри плескалось прозрачное содержимое. При мысли о том, что это питьевая вода, у Леты аж в горле пересохло от желания: девушка вдруг остро почувствовала,

насколько после кислой жижи из пожарного колодца её мучает жажда.

Подставила исцарапанные ладони. Парень полил. В первые секунды ранки зашипало.

— Пить можно? — уточнила Лета на всякий случай.

— Ага.

Девушка протёрла глаза, затем всё лицо. Когда парень налил ещё, выпила с жадностью, слизнув с ладоней даже капли. Кажется, выпила бы целую пятилитровую канистру.

Но парень больше не предложил. Присел к плотно набитому рюкзаку и начал упаковывать туда бутылку. Правильно, нечего раскидываться ресурсами, и так щедро поступил. Лета вдруг обратила внимание, что сирены больше не слышно. Вокруг царила тишина — ни человеческих шагов, ни пения птиц, вообще ничего. Только парень перед ней шуршал вещами в рюкзаке.

Лета ненавязчиво оглядела его, пока он отвлёкся. Чёрный цвет банданы явно шёл к его загорелой коже, усыпанной веснушками до такой степени, что они встречались даже на лбу. Коротко бритые волосы были тёмные, с рыжим отливом. Лета покопалась в памяти, надеясь на чудо, — вдруг всё же всплывёт знание о каком-нибудь Рыжем из шоблы Лешего. Но чуда, конечно, не произошло: даже в своём районе, где жила с детства, Лета знала в лучшем случае треть людей, а район Лешего на другом конце города, да и людей у него больше. К тому же очевидно, что парень мелкий — лет во-

семнадцать, как и ей. В таком возрасте он наверняка всего лишь рядовая шестёрка, с чего бы ей про него слышать?

Но в том, что парень состоит в шобле, Лета была почти уверена: по его хозяйским повадкам, чётким уверенным действиям, а также по специфической «крутой» манере речи — расслабленной, тягучей, когда часть звуков проглатывается, словно говорящему лень тратить на них своё драгоценное время. Лета покосилась на левую руку парня, надеясь увидеть тыльную сторону запястья — обычное место для татуировки шоблы, — но под рукавом было не видно.

В этот момент парень закончил паковать рюкзак, и Лета торопливо отёрнула взгляд от его руки, чтобы скрыть своё неподобающее любопытство. Она-то сама не в шобле, то есть, говоря по-простому, её уровень в социальной иерархии — «никто и звать никак».

Парень поднялся, и Лета, инстинктивно реагируя на движение, взглянула ему в глаза. Успела подумать, что они красивые — словно бы насмешливые, с приподнятыми уголками, как у того эльфа-проказника из её любимой книги сказок.

...И тут в глубине этих светло-карих глаз мелькнули солнечные блики — две жёлтые искры.

Эти лишь на мгновение сверкнувшие искорки оказали на Лету очень странное воздействие — её словно оглушило. Загипнотизировало. Весь мир исчез, сузился — до карих глаз перед ней, в которые Лета и уставилась, приоткрыв губы в

радостной полу-улыбке.

Парень в ответ посмотрел настороженно. Зыркнул по сторонам — на что это она так лыбится? — но вокруг не было ничего, заслуживающего радости.

— Ты чё?

От звука его голоса Лета вздрогнула, пришла в себя — но лишь затем, чтобы потянуться обеими руками к его лицу. Парень недоуменно нахмурился, отклонился назад, но Лета, не обращая внимания на его реакцию, всё же дотянулась и беспардонно сдёрнула с него бандану. С жадностью оглядела открывшиеся черты. Веснушки были рассыпаны всюду — и на подбородке, и на носу, и на скулах. На правой скуле к тому же обнаружился свежий синева-бордовый синяк. Но больше всего внимание Леты привлекли губы парня: их приподнятые уголки, казалось, были готовы в любой момент сложиться в ироничную усмешку. И Лета знала, что уже видела эту усмешку раньше — бессчётное количество раз.

Её собственная улыбка стала мечтательной, словно девушка увидела перед собой давно потерянного друга и от счастья не верит своим глазам. Вглядываясь в лицо парня восторженно распахнутыми глазами, она выдохнула:

— Ни... чё...

Однако парня её экзальтация очевидно не обрадовала, и он разочарованно закатил свои красивые эльфийские глаза.

— Вот бя. — Он постановил сам с собой: — Ширанутая. Ясен хрен, кто ещё полезет в Лужу. О-ой...

Он одной рукой сжал челюсть Леты и бесцеремонно повернул её голову к солнечному свету, а другой оттянул левое веко, вглядываясь в зрачок.

— Пусти! — девушка попыталась вывернуться, но это не удалось. — Ничего я не ширанутая. Просто думала, что там неглубоко.

— Пф, «думала» она! — презрительно усмехнулся парень. — Думала-думала и в пожарку влезла. Вот молодец. — Оглядев её лицо, цыкнул. Но всё же наконец-то отпустил. — Звать как?

Лета на всякий случай отступила на шаг.

— Ты меня не знаешь?

Парень по-прежнему смотрел ей в глаза.

— А должен?

— Лета. Лета с Третьей линии, — она выдавала торопливо, таким тоном, словно была уверена, что имя ему знакомо. — Александр.

Однако парень после короткого раздумья качнул головой.

— Впервой слышу.

— И... — нерешительно выдохнула она упавшим голо-

сом, указала пальцем на своё лицо, — так не знаешь?

— Неа, — прозвучало быстро и уверенно.

— Ясно... — Из девушки словно вынули батарейку: она вся потускнела, плечи повисли, печальный взгляд опустился к земле. — Извини.

— С чего я должен тебя знать? Виделись где?

Лета бросила ещё один быстрый взгляд на лицо парня — словно бы с последней надеждой... И покачала головой.

— Я просто ошиблась.

— Мм. — Парень помолчал. — С Щучек, значит. И кто ж у вас там мичман, на Третьей линии? ¹

Вот же чёрт... Лете захотелось взвыть от собственной тупости. Её даже и не спрашивали — а она сама проболталась, что из чужого района! Аргхр, всё это тупое дежавю! Надо же было так облажаться...

Это дурацкое, оглушающее чувство и раньше ставило её в неловкие ситуации — когда на улице радостно здороваешься с человеком, спрашиваешь о делах, а он говорит, что вы не знакомы, и торопится свалить побыстрее. Но никогда раньше дежавю не охватывало её с такой неодолимой силой. К тому же сейчас ситуация была максимально неподходящая! И как итог — Лета потеряла контакт с реальностью и наговорила лишнего. Даже настоящую фамилию назвала, вообще уже! Что ж, молодец, Алéтейя Александр. Объясняйся

¹ В конце этого тома есть карта города, словарь и объяснение про чины (кто такой мичман и т.д.)

теперь, что ты, дура с Третьей линии, забыла в ЦММ. Хорошо хоть, не полезла к этому парню обниматься, а то ведь и такой порыв мелькнул в первые секунды, когда она увидела его глаза — настолько знакомые.

Виновато повесив голову, Лета буркнула:

— Доктор у нас мичман.

Хотела было дальше молчать, чтобы не уронить себя в глазах этого парня ещё ниже — хотя куда уж ниже, — но не сдержалась и забормотала уныло, не особо-то веря, что веснушчатый её отпустит:

— Я ничего не видела. Вообще ничего. Так любому и скажу — ничего в Цэ-Мэ-Мэ нет, ни людей, ни техники. Ну так, бомж какой-то был, незнамо чей, а больше никого не видела.

В ответ на это заявление парень рассмеялся от души — с такими хрипатыми обертонами, что, казалось, смех в любой момент может перейти в кашель. Однако нет, откашливаться веснушчатый не стал, а вместо этого сказал:

— Вот спасибо.

— Ну так и есть, я ж не знаю, чей ты, а ты мне не говори. — Лета было засмотрелась на ямочки на щеках парня, проступившие от улыбки, но тут же спохватилась: — Не, ты только не обижайся.

— Да мя сложно обидеть, — парень всё ещё улыбался. Шмыгнул носом. Почесал переносицу. — Ладн, чё делать-то с тобой?

Лета промолчала, виновато потупившись. Парень тоже

молчал. Думал. В конце концов сказал:

— Вот что, Лета с Третьей линии. Некогда мне ты валандать, так что... Если дашь слово, что свалишь по-тихому и больше я тебя не увижу?..

Он вопросительно склонил голову к плечу, и девушка तोропливо закивала, не веря своему счастью. С чёлки потекли капли, и Лета вытерла лоб.

— Уговор. У нас в районе спроси любого, я слово держу.

— Прямо любо-ого? — протянул парень с ироничной улыбкой. Смерил Лету взглядом. Задумчиво продолжил: — А мож, и спрошу. Что ты за рыба такая. Но имей в виду: узнаю, что про это болтаешь, — язык укорочу в два счёта.

— Справедливо, — выдала Лета твёрдым голосом, для убедительности ещё и кивнула. — Без претензий.

Они постояли друг напротив друга. Девушка ждала явного разрешения уйти.

Наконец веснушчатый сказал:

— Что встала? Вали давай.

— Ага. — Лета с готовностью шагнула назад, на всякий случай быстро оглянулась через плечо, и продолжила отходить спиной. — Спасибо. Ты не пожалеешь.

Хотя её верхняя одежда уже слегка подсохла на ветру, но бельё липло к телу противной мокрятиной, а кроссовки терпко чавкали на каждом шаге.

— Уже жалею. — Парень внимательно наблюдал за её отходом. Повысил голос: — Туда вон иди, крюком через лес.

Попадёшь кому ещё — я тебя не знаю и раньше не видел.

— Поняла. Не вопрос.

Отойдя шагов на десять, Лета наконец-то развернулась и с колотящимся сердцем зашагала прочь по залитому светом бетону.

2. Рыжий с шоблы Лешего

Спустя неделю веснушчатый парень нарисовался вновь. Прямо в их дворе!

Поскольку вечер был солнечный и жаркий, Лета вышла посидеть на свежем воздухе — чисто по-домашнему, в удобных штанах и любимой футболке. Соблазнять в их дворе всё равно некого. Да и в любом случае после «купания» в грязной воде у неё кожа по всему телу стала неприятно шершавая, какая-то грубая, местами шелушилась пятнами, а на сгибах суставов пошла язвочками. Со стороны вроде и не бросалось в глаза, но соблазнительницей Лета себя уж точно не чувствовала.

Так что она сидела на допотопной ржавой качели, болтала ногами и наслаждалась целым пакетом сухого кошачьего корма с лососем — этот был её любимый, со сладким привкусом.

И вдруг её взгляд зацепился за парня, который через арку зашёл в их двор и остановился на входе, осматривая девятиэтажки по бокам.

Не может быть!

Что он здесь делает?

Или это не он?..

Лета пригляделась. Штаны такие же тёмно-коричневые, худи тёмно-зелёное, но того же свободного фасона, чёрные лямки рюкзака. Уверенная осанка, руки в карманах. Волосы издалека показались просто тёмными, однако, когда парень повернул голову, на солнце сверкнули тёмно-рыжим, и сомнений не осталось.

Закончив озирать окрестности, парень вальяжно направился напрямиком к Лете — по диагонали, через весь двор, показательно игнорируя настороженные взгляды местных, как обычно собравшихся в центре двора вокруг «мужских» скамеек и столов для домино.

Лета напряглась. ЦММ она ни с кем не обсуждала, так что в этом отношении незнакомец ничего предъявить ей не мог. Но зато проблемы мог вызвать сам тот факт, что парень

явился в их район.

Вообще, считалось, что все обитатели Порты — вместе за общее дело. И официальной швары между Камнем и Лешим никогда не было. Однако каждый раз, когда заходила речь о Лешем, тон Камня становился таким многозначительным... словно бы с намё-ёками... Этот тон очень явно говорил: «В силу своих высоких моральных качеств я не хочу ни о ком говорить плохо, но *мы-то с вами понимаем*, что это за человек». Таким образом, все местные парни знали, что Леший — плохой, хотя никто не знал почему. Естественно, на этом фоне они вполне могли решить, что проучить Лешевского чувака — дело принципа.

И даже если не считать этого, веснушчатый мог публично поднять тему похождения Леты в ЦММ, а ей совсем не улыбалось, чтобы эту историю услышали местные, особенно Доктор, который её туда и отправил.

Девушка ненавязчиво зыркнула по сторонам. Все сидели по своим обычным скамейкам. Мужская половина, от мелких пацанов до пожилых мужиков, — в центре двора. Компания девушек — рядом под стеной дома, так, чтобы под прикрытием тени наблюдать за всеми, особенно за парнями. Взрослые женщины — в том шумном и оживлённом углу, где расположилась новая детская площадка. Там качели были ярко-жёлтые, недавно покрашенные, в отличие от той сорокалетней ржавой рухляди, где сидела Лета.

Однако ни в одном углу двора не было видно любимой

красной футболки Доктора. Фух, уже облегчение.

В отсутствие мичмана за порядком следили шуги — народные дружинники. Значит, следующий вопрос — трезвый ли сегодня Шоха. Если учесть, что Лета до сих пор не слышала его громко-развязного смеха, а то и пальбы в воздух, можно было надеяться...

Не веря своей удаче, Лета осмотрела центральные «мужские» скамейки более внимательно и убедилась, что Шохи там тоже нет, зато есть Чучхе — шуга из соседнего двора, который заодно бывал и у них, потому что у него здесь девушка. Это было прям везение, потому что Чучхе — образец адекватности: и сам спокойный, и беспредела не допускает.

Лета его неплохо знала. Познакомились они четыре года назад: Лете было четырнадцать и летом после восьмого класса она подрабатывала в круглосуточном продуктовом подвальчике на соседней линии, а Чучхе было семнадцать, и у него ещё не было этого ярко-розового шрама через полголовы. Тогда как раз была история с Курильщиком, маньяком, который девушек насиловал и душил, и вот пока его не поймали, Чучхе по два раза за ночь заглядывал к ним в подвальчик, проверял, всё ли в порядке, а Лете ещё и перцовый баллончик выдал и объяснил, как им пользоваться. Понятно, что друзьями они от этого не стали, сейчас почти не разговаривали, но по старой памяти Лета иногда просила Чучхе встретить её с работы, если смена заканчивалась среди ночи. К сожалению, в своём дворе просить о подобном было

некого: безопасность её незначительной персоны никого не волновала.

Чучхе

В общем, Чучхе — нормальный, так что Лета, успокоенная, закинула в рот горсть кошачьего корма и вернулась к созерцанию окон напротив, где отражались пронизанные солнцем тучи.

А вскоре пейзаж заслонила веснушчатая физиономия — парень остановился в шаге от неё. Лета посмотрела на него спокойно, на этот раз без заискивания, ведь теперь бояться было нечего. Сейчас она заметила, что одежда на парне ношенная, потрёпанная: сгибы швов потёртые, а на груди кое-где мелкие дырки от сигарет. Тяжёлые шнурованные ботинки — те же, что в прошлый раз, — на фоне её босоножек выглядели внушительно. Стоял парень равномерно, на обеих ногах, так и не вынув руки из карманов, и в целом казался уверенным в себе и по-крутому расслабленным. Ишь, какой... Одно дело — красоваться в своём районе перед испуганной девчонкой, но вот так зайти в чужой двор — не у каждого хватит смелости. Лета про себя отметила, что это хорошо: когда видишь тревожно озирающегося чувака, к нему так и хочется подойти — уточнить, чего это он трясётся, наверное, есть причины? А если веснушчатый ведёт себя так, словно имеет право ходить по этому двору, то окружающие вполне могут решить, что так оно и есть.

— Хэй, Лета с Третьей линии. — Голос у парня был такой

же охрипший, как в прошлый раз.

— Хэй, незнамо кто. Далековато зашёл.

Веснушчатый оглядел её оценивающе:

— А ты смелая, когда сухая.

— Я на своей территории, — Лета взмахнула пакетом корма, обводя окрестности. — Смотри, тут Лешего не любят.

— Ох ты ж крутая, — издевательски протянул парень, — чисто килька в томате. Долг-то не жмёт, не?

Лета смутилась. Вспомнила, что действительно должна парню — он так-то ей жизнь спас и даже отпустил без условий. Так что и она приглушила голос, сделала тон попроще:

— Я просто к тому, что не лезь в бутылку к нашенским. Я-то прикрою, но...

Она зыркнула в центр двора, и веснушчатый тоже бросил туда взгляд искоса. Мужики постарше увлечённо стучали доминошками, однако некоторые из молодых недвусмысленно смотрели в эту сторону, ожидая развития событий. Лета встревоженно искала взглядом Чучхе. Найдя, показала ему большой палец, шуга кивнул, и девушка успокоилась: без разрешения старшего — мичмана, шуги, в общем, какого-либо хранителя порядка — парни к чужаку не полезут, даже если кулаки чешутся. Словно в подтверждение, Чучхе что-то сказал малолеткам, глядящим в сторону Леты, и те отвернулись, продолжили разговор между собой.

Убедившись, что агрессивных намерений в их сторону нет, девушка тихо продолжила:

— Ты ж понимаешь, у меня чина нет, не сильно они будут меня слушать. Так что аккуратнее. Я к этому.

Помолчали. Веснушчатый смотрел ей в лицо, но Лета решила это игнорировать — пусть смотрит, раз хочется, — и подняла взгляд на облачное небо. Тучи сгустились, воздух жаркий, душный — скоро ливанёт.

Наконец парень сказал:

— В общем, я спросил за тя. Говорят, честная. А ещё говорят, что у твоих предков денег негусто, так что за всякую работу берёшься.

— Не «всякую», — Лета вздёрнула нос. — *Таку*не беру. Веснушчатый снова помолчал.

— Сесть можно?

— Ну типа.

Лета приглашающе махнула на соседнее сиденье качели. Парень оседлал доску лицом к ней и, вытянув ноги, поставил ботинки под её доской, вплотную к её босоножкам. Лета снова решила игнорировать это давящее внимание. Слегка качнулась — задев ногой ботинок парня, потому что нечего совать вот так впритык — и закинула в рот следующую горсть корма. Звучно хрустнула.

— Ну да, шерсть у тя что надо, — усмехнулся веснушчатый.

Лета покосилась на него с недоумением, затем догадалась проследить за его взглядом — на пакет корма в её руке. Под крупными буквами «лосось» мельче значилось: «для здоро-

вой шерсти».

— Мм, — ответила неопределённо. Снова уставилась на окна дома впереди. — Так что хотел?

— С чего ты ждала, что я тебя знаю? Там.

— Неважно. Это личное.

— Важно, если я хочу дать тебе работу.

— А я, может, не хочу брать твою работу.

Демонстративно разглядывая окна верхних этажей, девушка оттолкнулась ногой от земли, качнувшись сильнее, — от этого соседнюю доску тоже дёрнуло, и ржавые сочленения качели закрипели пронзительно.

Однако в следующий момент её сиденье резко остановилось, и Лету инерцией толкнуло вперёд, потому что парень перехватил её доску, прекратив это скрипучее движение. Наклонился к уху девушки, угрожающе понизил голос:

— Чё-то я тогда решил, что ты ничёшная, а теперь думаю — зря на тормозах спустил. Мож, сейчас с тебя долг спросить? Кто, ты говорила, тут мичман? Доктор?

Блин! У Леты внутри всё сжалось в страхе, хотя внешне она постаралась этого не показывать. Живо представила, как парень сейчас пойдёт к скоплению народа в центре двора, объявит, что пришёл спросить долг с Леты Александэр, и потребует местного мичмана — разбираться в ситуации. Лете абсолютно не улыбалось, чтобы веснушчатый перед всем двором и самим Доктором в придачу красочно рассказывал о её позорных похождениях: что шнырка из неё никудышная,

что она спалилась в ЦММ — куда Доктор вообще-то отправил её разнюхать втихаря, — что она по-дурацки шлёпнулась в воду и пришлось её вытаскивать, а теперь нагло отказывается вернуть долг. Да все будут ржать над ней! Эта история точно *подмочит* её репутацию, и работу ей больше никто не даст. По крайней мере интересную — что-то большее, чем подменить соседку на кассе круглосуточного универсама.

А ведь ещё был и долг — который в тот раз парень великодушно не стал с неё требовать. По уставу, если твою жизнь спасли — значит, получили на неё право. Могут в качестве оплаты потребовать услугу с риском для жизни, а если не хочешь рисковать — должен откупиться деньгами. Тогда уже дело решает мичман: как он оценит жизнь должника, такую сумму и надо будет выплатить. И понятно, что сумма эта была обычно немаленькой — цена жизни как-никак!

В общем, Лете однозначно не стоило нарываться и доводить до суда мичмана, а лучше было договориться с веснушчатым по-тихому. Тем более, что парень требовал не чего-то сверхъестественного, а всего лишь нормальной беседы. Так что Лета прекратила строить из себя королевишну, тоже повернулась на качели лицом к парню, наклонилась к нему и забормотала приглушённо:

— Просто у вас, может, нормально с чужими триндеть, а у нас такое не сильно любят. Сейчас уйдёшь, а с меня спросят — что за чувак, о чём так миленько щебетали? — Лета провела взглядом по лицу с веснушками, словно и сама се-

бя спрашивая, что это за чувак и какие между ними отношения. — И что я скажу? Какие у меня дела с Лешим? Камень реально его не любит.

Парень в ответ тоже оглядел её лицо — их разделял всего десяток сантиметров, — и в итоге остановился на губах.

— Я тут не за Лешего. Сам за себя.

— Да никто не будет разбирать! — сквозь зубы пробормотала Лета и зыркнула в сторону «девичьей» скамейки. Сидящие там три девушки шептались, недвусмысленно плясь на их парочку, — ещё бы, какой-то чужой парень, интересно же. Лета неохотно продолжила: — Ладно. А говорить не хочу, потому что дело тупое. Не о чем там говорить. Пару лет назад меня башкой приложило. После этого стало коротить. Иногда кажется, что узнаю что-то, хотя раньше не видела. Или, наоборот, не узнаю, хотя точно видела это раньше. Вещи, там, людей...

— Не помнишь?

— Да нет! Я знаю, что помню и не помню. Ну, в основном знаю. А вот эмоции... Блин, как объяснить... Вот вижу что-то в первый раз, а кажется, будто раньше уже видела. Хотя на самом деле не видела. Ой, да херня, короче! Это другому человеку не объяснишь.

— И?.. — парень непонимающе нахмурился. — Что про меня-то?

— Ну, то же самое. — Лета уткнула нос в пакет с кошачьим кормом, порылась там, выбрала кусочек, сунула в рот,

похрустела. — Показалось, что видела тебя раньше. Точнее... Ну, будто ты мне снился. Да я знаю, что это фигня! Просто не могу это контролировать. Такое сильное чувство, вот накрыло и всё. Как будто прям точно снился, вот именно ты. Ну я и спросила — вдруг. Вдруг знаешь меня. Может, где-то пересекались, а я забыла? Но, получается, что нет. Опять померещилось, значит. — Она зло хмыкнула, от смущения склонила лицо. Пакет хрустнул в сжавшихся пальцах. Тон против воли вышел раздражённый: — Короче, что ты хотел? Или теперь уже передумал?

Парень в ответ промолчал, Лета покосилась исподлобья — и увидела, что его изучающий взгляд скользит по её телу. Вообще-то ощущение дежавю насчёт веснушчатого не прошло, оно было и сейчас: пусть не такая оглушающая вспышка, как в прошлый раз, но всё ещё навязчивая уверенность, что она знает этого парня. Что он — тот самый, который не раз ей снился, и там, во сне обнимал её так тепло, по-настоящему, и целовал в шею, и шептал, что будет любить всегда... Эти сны случались с ней редко, но каждый раз они были такие яркие, подробные, с мельчайшими деталями, с живым теплом прикосновений, и казались даже более настоящими, чем явь. Каждый раз утром Лета плакала от сильного чувства потери, от мысли, что на самом деле этого человека не существует, она никогда его не встретит, и все эти ощущения во сне — лишь выдумки её мозга... И, может, больше он никогда ей и не приснится...

Но теперь мозг Леты настойчиво внушал ей, что парень перед ней и есть тот самый. Вот только её это совсем не радовало: ясно же, что это очередной обман дежавю, а на самом деле веснушчатый её не помнит и не знает. К тому же он может оказаться вовсе не таким замечательным, как парень из её снов, а каким-нибудь хитровыделанным обманщиком, подлецом и сволочью. Нельзя ему доверять.

В общем, с очарованием дежавю было трудно бороться, но вот этот взгляд парня, словно оценивающий её тело, очень даже помог — и Лета рывкнула:

— Я сказала! *Так*не работаю.

— Уймись. Не «так».

— Так а чё пялишься? Как будто думаешь подложить меня под кого-то... Да и вообще, знаешь, пошёл ты!

Лета вскочила, но из-за высокого сиденья быстро слезть с качели не вышло, а за то мгновение, когда она задержалась, раскорячившись с доской между ног, парень быстро схватил её за локоть и дёрнул обратно вниз, рыкнув:

— Сядь!

От неожиданности — она и забыла, какие у него цепкие и сильные руки, — Лета шлёпнулась обратно, больно приложившись о твёрдое сиденье. Но ладно, показала серьёзность своих принципов — и хватит. Отказаться от предложения она всегда успеет, сначала нужно узнать, в чём это предложение состоит. Всё же — несмотря на абсурдность её притяжения к этому парню, ведь умом Лета прекрасно понимала,

что это лишь иллюзия, — сердцем её тянуло к нему, и хотелось поговорить подольше. Мало ли...

Однако их разговор на повышенных тонах мог привлечь внимание. Лета оглянулась на Чучхе, сидящего в компании других парней из шоблы, с облегчением убедилась, что никто в их сторону не смотрит, и повернулась обратно к веснушчатому, собираясь продолжить разговор. Но парень теперь тоже смотрел в центр двора — с таким наэлектризованным вниманием, что Лета почувствовала, как у неё волосы на загривке встали дыбом. Что там за опасность, неужто явился Шоха со своим огромным револьвером?

Лета вновь оглянулась — и разочарованно вздохнула. Беда пришла откуда не ждали: она-то смотрела на Чучхе, официального хранителя порядка, а вместо этого от дальней скамейки к ним направлялся Паста с парой своих приятелей.

Так-то номинально Паста — никто, шушера на подсосе. Нет чина в шобле — значит, нет и права лезть к чужаку, тем более, когда во дворе присутствует куча более авторитетных людей. Однако по факту все знают, что Паста — любимчик Доктора. Мичман ещё месяц назад перед всеми объявил, что на юбилей Пасты — когда ему стукнет восемнадцать, — устроят торжество за счёт общака, примут его с почётом, а там, глядишь, и шугой назначат. И теперь, по ходу, у Пасты так закружилась голова от звёздной болезни, что он лез где надо и не надо, уже заранее строил из себя хозяина двора и выслуживался перед мичманом.

Лета ждала губы. Что ж, возражать нельзя. Не в её положении. Её-то в шоблу не зовут. Конечно, какая с неё польза? А такие кабаны, как Паста, всюду ценятся на предмет грубой физической силы.

В глубине души Лета подозревала, что Доктор так обхаживает Пасту, потому что задумал избавиться от Шохи, с которым не ладит. Напрямую сместить неугодного шугу Доктор не имеет права, однако если на следующих выборах у людей будет выбор между алкашом Шохой, который спьяну размахивает пушкой, и молодым-деловым Пастой — очень вероятно, что симпатии склонятся на сторону последнего. Вот Доктор и нахваливает его перед всеми, даёт бонусы — чтобы в благодарность Паста стал его личным цепным псом и слушался каждого слова. Впрочем, Лета допускала, что Доктор всё же думает о благе для района: Шоха в самом деле достал своими пьянками и было бы разумно его заменить — пока он своей «спортивной» стрельбой не вышиб мозги случайному прохожему. Или себе.

Но всё-таки Лете очень не хотелось, чтобы Паста — и так уже наглый — получил чин шуги и идущее с ним в комплекте разрешение носить оружие. Нет гарантий, что он не станет ещё хуже, чем Шоха. И если последний хотя бы иногда выступал против Доктора, поддерживая баланс, то, заменив его Пастой, мичман получит вообще неограниченную власть.

Лета покосилась на приближающегося Пасту. Ишь, стрижечка свежая, белобрыса чёлка торчит залихватским ёжи-

ком. У него мать в парикмахерской, так что Паста не брил по-простому голову машинкой, как все, а щеголял салонными стрижками. Красавчик! Опустив взгляд, чтобы скрыть эмоции, Лета презрительно фыркнула себе под нос.

Паста включил режим «Что ещё за хрен явился в наш двор?»

Однако, когда парни приблизились, слезла с качели и любезно улыбнулась:

— Хэй, у нас всё нормально.

Паста даже не взглянул в её сторону, смотрел исключительно на чужака.

— Кто такой?

Веснушчатый тоже неспешно поднялся с сиденья.

— Джанки. С шоблы Лешего. Сам кто?

У Леты внутри ёкнуло сразу по нескольким поводам. Во-первых, теперь уж парень точно оказался Лешевским. Во-вторых, он сообщил об этом прямо в лицо Пасте, недоделанной звезде двора. А в-третьих, его кликуху Лета уже где-то слышала. Вот только где?.. Но ладно, об этом позже, когда конфликт утрясётся.

А пока что Паста подступил на шаг ближе, видимо, решив подавить худощавого чужака и массой, и ростом на голову выше. Процедил:

— Пастораль. Из шоблы Камня.

Лета еле удержалась, чтоб не закатить глаза: «из шоблы» он, поглядите! Да нет, ясно, что его возьмут, но ведь по факту ещё не взяли, а Паста уже бросается титулами. Вот бы сейчас пойти к хранителю устава и во всеуслышание объявить, что Паста мало того, что сам — вперёд старших — полез спрашивать с чужака, так ещё и соврал, будто имеет чин. Да за такое парни из шоблы во главе с Чучхе должны Пасте отфарцевать морду по полной — чтобы речь следил и

не болтал на ветер. Ведь весь устав держится на вере в честь и честность! На том, что они могут верить словам друг друга. А если каждый будет врать что угодно, то чем они будут лучше лицемеров из Малена?! Будь Лета смелее, она бы этого так не оставила, добилась бы наказания для Пасты. Вот бы его скривило от такого! Девушка мысленно хихикнула со злорадством.

Жаль, что она этого не сделает, да и смысла нет: ясно, что все промолчат, Пасте ничего не будет, а тем, кто вякнет против него, мичман позже навставляет пистонов, чтобы больше так не делали. Это очевидно понимал и Чучхе, на которого Лета покосилась украдкой: шуга смотрел в их сторону, однако бежать разбираться с наглым Пастой не спешил. Эх, а ведь как было бы круто, если бы конфликты решались по уставу, а не по блату и протекции...

Тем временем Паста, явно наслаждаясь правом вершить судьбы двора, продолжил:

— Что тут у вас?

Веснушчатый, скучающе оглядев его подручных, ответил:

— Личное дело с госпожой Александэр.

— О как? — Паста расплылся в ехидной улыбке и оглянулся на своих приятелей. — С *госпожой*? И какое же это дело у Лешевских с нашей *госпожой*?

Лета заколебалась, лихорадочно придумывая ответ. Конечно, самый простой вариант — сказать правду. Что парень пришёл по работе, а чужая работа — святое, в это лезть не

положено. Однако у Пасты с честью всегда было так себе, он мог и расспросы продолжить, и откат потребовать — мол, если пришёл в наш двор, то все дела через шоблу. Ну, в таком случае она точно не станет терпеть и ткнёт Пасте, что он-то пока ещё не в шобле!

Однако, пока Лета морально готовилась выступить против любимчика Доктора, веснушчатый вдруг сказал:

— Романтическое. Проблемы?

От удивления у Леты и вовсе речь отнялась на пару секунд. Нет, для вида можно сказать всякое... Но всё же такой вариант прозвучал неожиданно.

— Именно! — оклемавшись, смело выдала она. — А личные отношения Камня не касаются.

Паста, кажется, тоже не ожидал такого поворота: в первый момент он чуть заметно смутился, а потом замер, сверля чужака взглядом. Но, видимо, так и не придумал крутого ответа, поэтому процедил:

— Смотри тут. Пошли, — развернулся и направился назад к скамейкам, бросив тихое: — Бабы...

Прихвостни потянулись за ним.

Лета постояла, подождала. Веснушчатый кивнул ей обратно на качели, но девушка покачала головой. Её раздражало, что Паста, встав возле центральных скамеек, что-то вещает возмущённо, кидая красноречивые взгляды в их сторону. Также мне, нашёлся контролёр! Достало, что в собственном дворе не поговорить спокойно!

— Ну? — сказал парень.

Однако ситуация не менялась: Паста взгромоздился на спинку скамейки, расставив ноги по сиденью, и смотрел на чужака с мрачной набыченностью. Парни вокруг него ожились, заулыбались злорадно, предвкушая разборку. Лета посмотрела в другую сторону: оттуда на них пялились девочки, увлечённо переговариваясь и хихикая. Слишком уж много взглядов было приковано к их парочке! Глядишь, кто-нибудь мог уже и за мичманом побежать — чтобы дал добро разобраться с чужаком. Раздражённо рыкнув, Лета схватила веснушчатого за руку и потянула к выходу из двора. Имеет право решать свои дела без посторонних глаз!

Оставалось лишь разобраться, а в чём, собственно, состоит дело. И что это за парень. Потому что Лета вовсе не была уверена, что он тот, кем назвался.

3. Кто такой Джанки?

Пока Лета шагала к выходу из двора на улицу — вздёрнув нос, ни на кого не глядя и держа парня за руку, чтобы чётко обозначить, что он под её протекцией, — в памяти всё больше проступал мысленный образ того Джанки, про которого слышала она. И образ этот был не очень-то похож на парня, который сейчас шёл рядом с ней.

Год назад Лете повезло заобщаться с одной интересной компанией, её прихватили домой к их знакомому, и вот там был Шлам — чувак из шоблы Хмурой, который с виду был уже весёлый и не прочь поболтать. Лета, оценив ситуацию, быстренько схватила бутылку крепкого и заняла место на диване рядом с ним: район Хмурой далеко, такие звёзды залетают не каждый день, интересно послушать. Шлам, обрадованный свалившейся на него девушкой и халявной выпивкой, быстро развязал язык и среди прочего обмолвился, что недавно один из их химиков, некто Джанки, свалил к Леше-му. Лета, конечно, зацепилась за эту любопытную тему.

В целом уйти из шоблы можно, однако это весьма не одобрится, так что если не уверен в своих намерениях, лучше изначально не вступай, насильно никто не тянет. А уж чтоб вот так перейти из одной в другую — случай исключительный.

Другой интересный вопрос состоял в том, зачем вообще

Лешему понадобился химик.

В районах Порты сложилось так, что если один главный брал себе какую-то специализацию, то другие в его дело не лезли. Производство подпольной химии — сфера Хмурой. Шобла Лешего промышленяла техникой — шнилой, левой, перепрошитой. Каждый в Порту знал, что, если тебе недорого нужен модный электронный браслет — и тебя не напрягает его сомнительное происхождение, — нужно ехать на Южный рынок, где среди многолюдных развалов найдётся любая электроника.

В том их разговоре Шлам предположил, что Леший задумал расширять свои дела и пойти в конкуренцию к Хмурой. Лета ответила, что это глупость: все знают, что Хмурая — тётка суровая, да и с какой бы стати она отдала конкуренту своего собственного химика? Позже Лета интересовалась этим вопросом — и убедилась, что Леший свои дела не поменял. Она оказалась права! Хотя к чему тогда была вся эта рокировка с химиком, так и осталось тайной.

Сейчас Лета покосилась на шагающего рядом с ней парня и постаралась вспомнить тот разговор во всех деталях.

Естественно, она поинтересовалась у Шлама, кто такой этот Джанки. Шлам многозначительно поморщился. Хотя в итоге больше разводил интригу и кидал намёки: мол, Джанки легко может человека порешить, а вроде и уже кого-то зарешал, а может, и не одного, потому-то Хмурая и позволила ему уйти — избавиться от такого проблемного чувака толь-

ко к лучшему.

Лета спросила прямо — кого он зарешал? Мол, пусть Шлам назовёт имена, а без конкретики — это так, болтовня на ветер. Подвыпивший парень в ответ на её небрежный тон обиделся и полез бычить. Лета испугалась, начала извиняться, заискивать и уговаривать его выпить ещё рюмку.

На её счастье, Шлам всё же успокоился, милостиво сообщил, что «девок не бьёт», выпил предложенное и рассказал «реальный случай»: что пару месяцев назад Джанки отправился по делу в ЦУМ, однако поручения не выполнил, потому как по дороге зацепился с тремя тамошними и заехал в больничку — при этом они тоже заехали в ту же больничку, все втроём. В общем, рассказ Шлама звучал так, будто этот Джанки — шибанутый на всю голову псих-берсерк, двухметровый танк, к тому же давно занимается делами шоблы, поэтому наверняка взрослый, лет двадцать пять.

Хотя Лете и эта история показалась сомнительной, но умничать она уже не решилась. Только кивала, охала и ахала, пока Шлам, заплетаясь языком, до ужаса пафосно рассказывал, что Джанки абсолютно шалый, особенно если прибухнёт, и трогать его нельзя — ни грубить, ни косо смотреть, лучше не дышать в его сторону. «А ещё лучше вообще его не знать», — постановил Шлам и окончательно захрапел в диванную подушку.

Лета же про себя постановила так, что Шлам и сам не знает этого Джанки, а только цену себе набивает — мол, я из та-

кой опасной шоблы и тусуюсь с такими опасными чуваками, которые *где-то там кого-то там*якобы убили. Да можно подумать, что кому-либо позволят вот так бесчинствовать! И зачем бы такой неадекват понадобился Лешему? Нет, фигня это всё, болтовня на ветер.

Но теперь Лета подумала: вдруг всё же не фигня? Одно дело — когда тебе рассказывают про какого-то там неадекватного Джанки из дальнего района, а другое — если сталкиваешься с ним лично.

В лабораториях Хмурой производят розовый — опасный токсин, который копится в организме незаметно и постепенно, особенно у тех, кто имеет дело с порошком. А химики, очевидно, имеют. Лета была не большой спец в этих вопросах, но знала, что розовый в первую очередь влияет на психику, постепенно срывая крышу. У разных людей это проявлялось по-разному, но в целом можно было ориентироваться на симптомы поражения нервной системы: заметные перепады настроения, внезапные приступы агрессии, ухудшение памяти, нарушение координации и мелкой моторики, подёргивая мышц типа нервного тика.

Сейчас, когда они уже прошли по Третьей линии несколько кварталов, Лета остановилась и затащила парня в пространство под металлической лестницей, ведущей в магазинчик на втором этаже. Здесь было сумрачно: день уже совсем посмурнел, небо затянуло тучами, и по голым рукам Леты то и дело скользил прохладный ветерок, вызывая мурашки.

Девушка встала перед веснушчатым, оглядела его скептически. Малолетний. Далекое не танк. И Шлам не упоминал, что Джанки рыжий-конопатый. Паста ведь соврал о своём чине, что этому мешает тоже соврать? Может, это только она, как наивная дурочка, говорит честно и верит людям, а другие все врут?

Но почему именно эта кликуха? Судя по тому, что Лета слышала о Джанки, персонаж он неоднозначный, и очевидной выгоды называться его именем нет. Или выгода не в чужом имени, а только в том, чтобы скрыть своё? Лета посмотрела парню в глаза. Обычный. Но ведь маньяки так и выглядят, да? Обычно. Даже, бывает, мило. А потом обнаружишь себя где-нибудь в подвале на операционном столе без наркоза.

Девушка поджала губы и посопела недовольно. Веснушчатый так-то вёл себя нормально, и сомневаться в его чести не хотелось. Но в итоге Лета всё же сказала:

— Чем докажешь, что ты по правде Джанки?

Парень хмыкнул.

— Так, значит? Я те на слово поверил. А моё не канает? —

Он смерил Лету презрительным взглядом: — Сразу видно, что под Камнем состоишь.

— Это ещё что значит?

Вместо ответа парень лишь многозначительно закатил глаза и отвернулся. Вытащил из кармана пачку папирос «Речные», постучал ею по тыльной стороне ладони, закурил.

Лета, поглядев на него, тоже достала сигареты. Настаивать на ответе не хотелось: ясно, что парень скажет что-нибудь нехорошее про Камня, она обязана будет ответить тем же в адрес Лешего, перессорятся — ну и всё. А Лете гораздо интереснее было выяснить, с каким делом он пришёл, чем швариться за честь района.

Но что делать-то? Как убедиться? Очевидно, предъявлять доказательства парень не собирается. Значит, всё же врёт? Или нет?..

Лета уставилась на веснушчатого, который курил, разглядывая дома на той стороне улицы. Посмотрела на его светло-карие глаза с чёрными ресницами. Глаза адекватные, трезвые. Мелкие шрамы на лице — обычные следы драк. Не дёрганный, не психованный. Нервных тиков не заметно. Аргх! Ну и ладно, раз их высочество не изволит подтвердить своё имя, тогда она сама разберётся!

Не скурив и половины, Лета выбросила сигарету в урну неподалёку, вернулась к парню, смело взяла его свободную руку, потянула к себе, оглядела затянувшиеся ссадины на костяшках, затем повернула ладонью вверх, провела большим пальцем по коже: шершавая, но равномерно — то есть просто обветренная, без явных пятен ожогов от реагентов. И не было ни язвочек между пальцев, ни специфических прыщей на лице — глубоких волдырей, сливающихся в одно сплошное воспаление. Хотя, если верить сети, прыщи бывали не у всех химических, но всё-таки ни один признак не стоило

игнорировать.

Тем временем парень спокойно продолжал курить, свою руку не вырывал и не возмущался её интересом, так что Лета осмелела: приблизилась и, оттянув шейную повязку и ворот худи, сунула нос ему под одежду, шумно втянула воздух. Тёплый запах тела, слабые нотки хозяйственного мыла и стирального порошка с простой дешёвой отдушкой. Запах вроде и обычный, простой — не какой-то там дорогой парфюм, — но приятный. Лета вдруг поймала себя на том, что отодвигаться от парня ей совсем не хочется.

На форумах писали, что людей, постоянно имеющих дело с любым видом химии, можно опознать по запаху, нужно лишь знать, что искать. Лета, конечно, не знала — и надеялась никогда в жизни не узнать, — но в сети писали, что розовый даёт очень специфический запах тела, приторно-сладкий, и, мол, сразу поймёшь, когда его почувствуешь.

Но у этого парня ничего такого не было. Он пах классно... Лета на всякий случай ещё посопела у него под воротником, осмотрела вблизи шею — вдруг химические ожоги найдутся здесь, — ничего не заметила и наконец отодвинулась.

— Чё, всё уже? А в штанах глянуть, не? Мм... — промычал веснушчатый с показным сожалением. — И что это за досмотр такой? Думаешь, кликуха где-то на мне подписана?

— Просто не люблю химических, — ответила Лета, изо всех сил изображая из себя взрослую, опытную и многознающую. — Мало ли, что *ты* за рыба.

Парень посмотрел на неё с лёгкой улыбкой в углах губ, но всё же, как показалось Лете, с долей уважения.

— Не поздновато хватилась? Ты ж уже в Цэ-Мэ-Мэ моей воды нахлебалась, а терь вдруг решила подумать, а не химический ли я. — Высунувшись из-под лестницы, веснушчатый покрутил головой, заметил урну и бросил туда окурок. Повернулся к Лете. — Хотя мне вот интересно, с чего ты вообще это решила.

Что ж, Лета выложила козырь, чтобы посмотреть на реакцию:

— Да и так ясно. Джанки — химик.

Вот тут парень скривился возмущённо и протянул с сарказмом:

— «*Джанки* — химик»? А я ж тогда кто, по-твоему?

— Ясно, что не он.

— Хренасе, — парень уставился на неё с искренним удивлением. — Ты, дамочка, совсем борзая — такие предьявы кидать?

— Это не предьява, — Лета постаралась изобразить тон нейтральный и деловой, — а констатация факта. У тебя ни ожогов, ни запаха... Всяких там язв и прыщей тоже нет.

— И какой это такой «факт»? Считаешь, у всех химиков полные карманы розового? А если кто в банке работает, у него что, из карманов пачки денег торчат? Чтоб сдалека было видать.

От его уверенного тона Лета смешалась:

— Ну я не знаю...

— А если не знаешь, так и нефиг болтать на ветер. — Парень добавил спокойнее: — Тем более, я не химик.

Лете стало неприятно от чувства, что её щёлкнули по носу, как глупую малолетку, и она решила всё-таки настоять:

— И прям никогда не был?

Парень недовольно скривил губы, словно его подловили на теме, о которой не хочется говорить. Ага!

— Ладн, — проговорил он неохотно. — Я ни разу не должен те отчитываться за свои дела, но если ты и правда честная, то так и быть — чисто между нами. Надо было помочь — я помог. Но недолго, сильно пожечься не успел. А так, по жизни, я не химик. Просто шарю в разном. И по розовому не прикалываюсь, так что не шухерись. — Оценив всё ещё настороженный взгляд Леты, он возмущённо добавил: — Бля, да стал бы я тут с тобой слова тратить, если мог бы просто напоить? Сама бы с радостью побежала.

Подумав, Лета кивнула, соглашаясь с таким доводом. В сети писали, что те, кто использует розовый, зачастую всё больше подсаживаются на чувство власти, которое он даёт. Классно же: можно напоить человека, он ничего и не заметит, а только будет соглашаться со всеми твоими словами и предложениями. Слишком уж соблазнительно. Поэтому любители розового со временем начинают разговаривать в такой манере, словно они всемогущие короли, и норовят подсунуть пойло с розовым всем и всегда, даже в пустяковых

ситуациях. Естественно, окружающие замечают столь странное поведение и палят этих придурков.

Но этот парень вроде бы по всем параметрам был похож на нормального. Так что Лета кивнула:

— Ладно. Спасибо, что сказал. И если сейчас химией не занимаешься, для меня это большой плюс.

Конечно, ей хотелось спросить, а чем тогда он занимается, но по правилам приличия такие вопросы не задают.

Парень оглядел её:

— А ты, если сходу напилась чужой воды, значит, раньше на розовый не нарывалась.

Лета покачала головой. Тогда, на заводе, ей безумно хотелось пить, но вообще-то она поступила в самом деле опрометчиво.

— Пробовала что другое? — продолжил расспросы парень. — Замазку?

Лета хоть и не ходила по впискам, но, конечно, знала, что такое «замазка». Так на жаргоне назывался какой-то аптечный препарат, который и сам по себе оказывал на девушек сильное возбуждающее действие, а в домашних условиях его ещё дополнительно обрабатывали, чтобы стал сильнее. Она не раз слышала разговоры, что возбуждение от замазки настолько крышесносное, что хочется накинуться на любого парня в зоне досягаемости — и ощущения будут огонь, — но сама пробовать не хотела. Вот так накинешься на абы кого, а то и на нескольких, устроишь разврат похуже, чем в кино, а

потом ведь это возбуждение схлынет... И станет очень стыдно. А если к тому же видео про тебя запишут, то и вообще.

— Нет, — Лета покачала головой.

— Не верю, что не предлагали.

— Предлагали. Но я не хочу.

Парень посмотрел испытующе.

— Ладно. За меня с кем триндела?

На этом моменте Лета всё же почувствовала себя немного лохушкой — такой закомплексованной девственницей, которая боится попробовать замазку и смело отдаться всем встречным-поперечным парням в разнообразных позах на диване, на стуле и в раскрытом окне, — так что ей захотелось набить себе цену и показать, что она тоже не совсем уж дурочка, в делах-то шарит, в том числе и про него. Поэтому Лета не стала выкладывать все детали, а сказала неопределённо:

— С одним чуваком. Раньше был у Хмурой.

— О-о... — веснушчатый иронично поднял брови. — Так ты уже всё-всё про меня в курсах. И что же сказал тот *чужак*?

— Что Джанки шалый. Отбитый на всю голову, и лучше к нему не подходить.

— Мм, — парень расплылся в максимально польщённой улыбке.

Лета посмотрела на ямочки на его щеках. Такие милые... Но она постаралась взять себя в руки и продолжила по-деловому:

— Но ты не очень-то похож на шалого. Вроде обычный. Потому я и сомневаюсь, что ты этот самый Джанки.

— Ладно, — сказал парень, всё ещё улыбаясь. Кажется, тот факт, что за его спиной ходят подобные слухи, его разве-селил. — Смешная ты и вроде как дёшлая, так что дам тебе доказательство.

Он подтянул левый рукав и протянул Лете тыльную сторо-ну руки. Девушка удивлённо залипла взглядом: здесь, повы-ше запястья, оказалось даже две татуировки. Чёрная стрелка вверх, флаг Лешего, указывала на тёмно-синий крест в фор-ме буквы «Х» — знак шуги. Ничего себе! Что ж, это прида-ло реалистичности рассказу Шлама: если у парня есть ору-жие, то история, в которой он отправил в больничку троих безоружных, выглядит вполне правдоподобной.

Честно говоря, к шугам Лета относилась с опаской — уж слишком много у них свободы и власти благодаря разреше-нию на оружие, от этого может крышу сорвать. Ну, вот даже на примере их собственного двора: Чучхе — нормальный, ответственный; и тут же рядом с ним Шоха — бухает без просыху и всем пушку в лицо суёт. Конечно, такие «шеде-вы» попадались редко, но и одного было достаточно, чтобы затмить собой десяток адекватных.

Но ладно уж, Лета решила не придирааться. Вообще-то в обществе шугов уважают, и конкретно этот парень ничего плохого ей не сделал.

Тем более, что гораздо интереснее оказалась другая его

татуировка. На первый взгляд просто флаг, но когда Лета покрутила руку парня на свету, стало видно, что под густо-чёрной стрелкой Лешего заметна другая татуировка, затёртая, но не сошедшая до конца — чёрный контур круга. Флаг Хмурой.

Что ж, это было убедительное доказательство. Кивнув, Лета отпустила руку парня, и тот одёрнул рукав.

— А чего ты Пасте свой чин не назвал? Он бы как подошёл, так с той же скоростью и обратно бы повернул, — Лета злорадно ухмыльнулась.

Хотела было добавить, что у Пасты вообще чина нет, но всё же не стала: не стоит признаваться чужаку, что в их шобле так запросто врут.

В ответ парень пожал плечами — словно и так всё очевидно.

— Чин подтверждают делами, а не наоборот.

— Мм, — теперь пришёл черёд Леты иронично поджать губы. — Такой ты прям деловой?

Веснушчатый — вроде как Джанки, хотя к этому имени ещё нужно было привыкнуть — усмехнулся самодовольно:

— Сколько дел есть — все мои.

Девушка глянула по сторонам. Третья линия была широкая и представительная, почти проспект, и люди мимо них иногда проходили, что давало ощущение безопасности. Так что Лета решила пойти дальше:

— А чего тогда в Цэ-Мэ-Мэ меня отпустил? Раз ты такой

шалый и весь из себя деловой шуга? Чего не шуганул?

— Тебя? — парень расплылся в улыбке, которая Лете показалась обидной.

— Ну, меня. Я ж сказала, что с района Камня.

Джанки поулыбался ещё, глядя в сторону и качая головой, — словно она сказала очень смешную глупость, но он сдерживается, чтобы не обидеть её откровенным смехом. В конце концов сказал:

— Прости, конечно, но там шугать неча было. Ты тряслась, как мышь, а потом в Лужу шрямкнулась. А потом нет чтоб лицо умыть — пошла такая деловая и бултых в глубину. Да если бы не я, ты б сама ся до смерти зашугала.

Н-да, в его интерпретации она выглядела... прямо скажем, жалко. Далеко не такой крутой шныркой, какой Лета воображала себя, крадясь по территории ЦММ.

— Кстати, — продолжил парень, — что сказала Доктору?

— Про что? — попыталась сыграть дурочку Лета.

— Про Цэ-Мэ-Мэ, — Джанки улыбнулся снисходительно, мол, не держи меня за тупого. — Это ж мичман тебя туда послал?

Мелькнула мысль поотнекиваться, но Лета решила, что не стоит.

— Ничего не сказала. Он ещё не спрашивал. Вообще где-то по делам. Но скажу как условились, не шухерись.

Парень не ответил. Повисла пауза. Вдруг вокруг зашумел ливень, быстро нарастая. Лета поёжилась в футболке, выгля-

нула из-под навеса. Асфальт темнел на глазах, и вскоре начали собираться первые лужицы.

Нет, всё же веснушчатый был Лете явно симпатичен. Даже без учёта дежавю, которое настойчиво требовало хватать его, пока не ушёл, и добиваться таких же нежных поцелуев, какие были во сне. Но вроде бы и без этого парень казался симпатичным, адекватным, с чувством юмора. С ним хотелось разговаривать ещё и ещё — завтра, послезавтра. И работа с ним могла дать Лете такую возможность.

Так что про себя она уже мысленно согласилась на любое предложение парня. Осталось выяснить, в чём оно состоит.

4. Предложение

Что ж, получается, веснушчатый не врал насчёт своего имени. Другой вопрос, что репутация у этого имени не очень... Лета ещё раз припомнила тот давний разговор: Шлам ведь никакой конкретики так и не сказал, только сплетни разводил. Может, и были у Джанки какие-то мутные дела — ведь не бывает дыма без огня, — но чем-то обоснованные и не такие уж прямо неадекватные. Потому что Лете казалось, что поистине отбитый отморозок, заполучив в своё распоряжение одинокую девчонку в пустынной зоне, нифига бы её не отпустил.

Так что она сказала:

— Ладно. Я верю, что ты Джанки.

Парень фыркнул пренебрежительно:

— Прямо милость мне оказала — «верит» она. А что я могу язык тебе подрубить, веришь? Потому что это условие. Не трепаться — ни про меня, ни про мои дела.

— Ар-ргхр-р!.. — прорычала Лета громко и страдальчески, запрокинув голову к чёрному днищу лестницы над ними. — Блин, ну ты это серьёзно? Про тебя болтают, что зарешал там кого-то, что отбитый на всю голову — и ещё говоришь, что язык мне отрежешь? По-твоему, я должна помереть от восторга и сразу согласиться? Ты бы вот сам подписался на такое? — она сделала круговой жест ладонью, об-

вода парня.

Джанки недовольно поджал губы, и Лета уж думала, что сейчас он махнёт рукой и свалит. Но нет, парень полез в карман за папиросами, закурил.

— Ладн. Достаточно дать слово, что не будешь трепаться. Даже с подружками. Вообще ни с кем.

— Хорошо, — Лета легко пожалала плечами. — Мне так-то разную работу дают, и я не треплюсь.

— Хм, — Джанки усмехнулся, — видал я твою работу. Надеюсь, ты не везде работаешь так, как в Цэ-Мэ-Мэ.

Лета не стала обращать внимания на эти подколки: несмотря на смысл слов, улыбка парня почему-то грела её сердце и ощутимо сбивала желание задирать его в ответ. Пусть болтает, а она — профи и на такие мелочи не поведётся.

— Зависит от работы, — сказала девушка уверенным тоном. — Сразу скажу: вашу шнилую технику здесь толкать не буду, у нас по дворам все концы прихвачены. Даже лезть в это не хочу.

— Не, — парень качнул головой.

— Шнырить на вашу шоблу и сливать местные дела тоже не буду.

— Да мы и без тебя всё знаем за дела Камня, — фыркнул парень. Но, получив в ответ недовольный взгляд, поднял ладонь: — Отвечаю, что не попрошу такого.

Да что ж там за предложение, ради которого он явился

на другой конец города?! Любопытство Лету аж грызло, и не было сил больше терпеть эти осторожные и недоверчивые хождения друг вокруг друга.

Так что она, окончательно решившись, сказала официально:

— Ладно, Джанки из шоблы Лешего. Я принимаю твоё условие. Даю честное слово не рассказывать третьим лицам о твоих словах и делах. Давай говори уже.

Парень подумал пару секунд, наконец кивнул сам себе. Зыркнул в сторону улицы, где людей не осталось, только ливень шумно колотил по асфальту. Наклонился к Лете и сказал, понизив голос:

— Вообще, дело по правде романтическое.

При виде его смущения брови Леты поползли на лоб, а челюсть отвисла в недоверчивой улыбке. Она была права! Это действительно он! Парень из её снов. Ну, или его воплощение в этом мире, копия из этой реальности, или как там всё это работает. Ведь говорят же учёные про множество вселенных. И даже если сейчас, в этой реальности, он её не знает и не помнит, то это неважно, всё можно наверстать. Главное, что он тоже почувствовал это притяжение, некую связь между ними! Даже учитывая, что она была как чушка, мокрая и грязная после пожарного колодца. А он всё равно захотел увидеть её ещё раз, нашёл, пришёл за ней на другой конец города...

Лета посмотрела в лицо парня теперь уже по-другому — с

зарождающей в сердце радостью, с некоторым чувством собственности. Во сне она никогда не видела лица того, кто её обнимал, а дежавю давало лишь общую уверенность, что она хорошо знает этого парня, так что сейчас Лета изучала его черты уже внимательно, оценивая с точки зрения того, может ли влюбиться. Подойдёт ли этот парень на роль её милуша — с которым ей гулять за руку, целоваться и... кто знает, как быстро они дойдут до чего-то большего... Он вроде симпатичный. Глаза красивые. Губы тоже приятные. Правда, обветренные и местами покусанные, с этим надо будет что-то решить. Бальзамом намазать. И не то чтобы она готова согласиться на поцелуй вот так сразу, нужно привыкнуть друг к другу...

А пока Лета засмотрелась на губы Джанки, мысленно примеряясь их целовать, парень, оказывается, продолжал что-то говорить, заглушаемый шумом ливня. Встрепенувшись, Лета прислушалась.

— Короче, месяц лицом посветишь и всё. Будешь хорошо играть — накину сверху.

И тут в сознание Леты начали пробираться холодные щупальца понимания. Ой-ёй-ёй... Она поспешила стереть с лица глупую мечтательную улыбку и сдёрнуть взгляд с губ парня — ниже, на тёмно-зелёный ворот худы. Деловито затараторила:

— Эм... Кхм. Ну, вроде нормальные условия. — Чёрт, а предложенную сумму она и прослушала. — Угум. А почему

своим не предложишь? А. Извини, туплю. Конечно, нужен кто-то с другого конца города. И ты подумал про меня. Ну... да. Спасибо. Мне работа нужна. То есть нормальная.

— Так что?

— Эм. Уговор, — Лета мелко кивала, изо всех сил изображая серьёзный и практический подход. — Месяц посветить лицом у тебя на районе, типа, я твоя шмара. Не вопрос.

На самом деле у неё был миллион вопросов. Но, раз Джанки обещал заплатить, они не имели значения.

— Только вот что, не шамай при моих это дерьмо, — парень указал подбородком на пачку кошачьего корма, которую она обнимала, прижимая к животу.

— А чё? — Лета вздёрнула нос. — Нормальная еда. С витаминами.

Но Джанки продолжил настойчиво:

— Или жрёшь человечью шамку, или расходимся сейчас. Мне женщину-кошку не надо, с меня потом всю жизнь ржать будут.

Вспомнив, что речь о работе, Лета поджала губы и кивнула, спрятала пачку корма за спину.

— Главное — плати вовремя. И любой каприз за ваши деньги. Кроме, конечно... ну, я сказала, трахаться не буду.

Она смазала взглядом по губам парня, сама не вполне уверенная, на какой ответ надеется. Если честно, в глубине души хотелось, чтобы он хоть немного пожалел о таком условии...

Однако Джанки ответил вполне равнодушно:

— И не надо. Для вида бушь спать у меня, но даю слово не лапать.

Эти слова должны были успокоить Лету, но почему-то отозвались внутри горьким разочарованием. Значит, нет. Ничего он к ней не почувствовал — никакой симпатии, никакого интереса, никакой таинственной связи между ними. Пришёл сугубо по делу. А все эти тупые фантазии, будто он ей снился и обнимал, — только выдумка в её голове. От того, что два года назад эту дурную голову приложило взрывом.

Однако Лета всё же прощупала дальше — чисто уточнить детали заказа.

— Целоваться? Ну, если надо, чтоб смотрелось по правде. Перед всеми.

Парень задумался, глядя на серые потоки дождя за пределами их укрытия, покусал губу.

— Не. И так сойдёт.

— А, типа, ты суровый мужик, на людях никаких няшек. Ладно, давай такой сценарий. Но если что — ко мне без вопросов. Я-то выложусь.

— Богатый опыт играть любовь? — Джанки ухмыльнулся с ехидством.

От столь многозначительного намёка стало гадко, и Лета еле сдержалась, чтобы не пихнуть парня в плечо. Сжала свободную руку в кулак и прошипела:

— Сказала же, я не из таких!

— Да я ничё, — парень примирительно поднял ладони.

— У всех своя работа.

Но тон у него всё равно был насмешливый. Лета помолчала, раздражённо пялясь на него и свернув губы на сторону.

— Знаешь что? Слишком много условий ты ставишь, я тоже хочу. Ещё раз услышу это дерьмо, будто я шалава, — работе конец.

— Мм, — Джанки поджал губы с ироничным уважением.

— Типа, совсем честная.

— Моя честь не хуже твоей! Если есть что конкретное предъявить — говори. А если нет, то и нехер хохмить надо мной.

Парень хмыкнул. Однако и в самом деле не стал продолжать тему, а сказал:

— Ладно, Лета с Третьей линии, уговор. Давай цифры.

Девушка включила электронный браслет, выбрала функцию «поделиться номером», подняла взгляд — и в недоумении зашарила глазами. Джанки почему-то держал руки в карманах.

— Так скажи.

Растерянно продиктовав свой номер — он что, прямо так запомнит? — Лета запнулась:

— А... твой?

— У меня нет.

— И как я тебя найду? — тон Леты стал возмущённый.

— Я сам тя найду. Я плачу, я и найду. А ты не парься.

— Да как хочешь.

Лета протянула открытую ладонь, чтобы скрепить уговор по обычаю. Парень хлопнул сверху своей, задержав на мгновение — давая почувствовать, что у него в руке что-то есть. Лета на автомате перехватила предложенное и тут же спрятала руку в карман штанов: скорее всего, это рулончик купюр, и, хотя они стояли под лестницей и вокруг никого не было, в Порту было не принято светить деньгами.

— Аванс и сверху на шмотки, — пояснил Джанки. — Завтра в три, кафе «Полный трал», это на Рейсовой. Браслет с собой не бери.

— Как это?.. — нахмурилась Лета. — А как я дорогу найду?

— Глянешь карту заранее. А этого дерьма с прослушкой, — парень указал взглядом на её браслет, — чтоб в моём районе не было. Мало ли, о чём речь будет, мне не надо, чтоб всё это записывалось. Поняла? — он требовательно заглянул Лете в глаза.

— Ага, — нехотя буркнула девушка. Она плохо представляла, как можно обойтись без электронного браслета.

— Смотри. И если кинешь — знаешь что?

Лета устало вздохнула.

— Дай угадаю. Отрежешь мне язык?

Но Джанки закатил глаза, словно разочарован такой глупой ошибкой.

— Язык подрубают, если болтаешь лишнее. А за кидалово

метят морду. Так что если что, — он указал подбородком на её лицо, — станешь ещё стремнее. Ясно?

Лета непроизвольно коснулась шрамов на левой щеке — тонких, глубоких и, к сожалению, очень даже заметных. Хотя вообще-то вот так тыкать в чужие недостатки невежливо! Так что какой бы он там ни был крутой-опасный шуга, а Лета всё же высказалась:

— Блин, у нас даже отношения не настоящие, а меня уже тянет с тобой пошвариться.

К её удивлению, Джанки бычить не стал и линию насмешек над её внешностью не продолжил, только бросил равнодушно:

— До завтра.

— Давай.

Но тут пареньё запнулся — словно о чём-то вспомнил. Поколебавшись, всё же серьёзно сказал:

— Кстати, на будущее. Прыщи и всё такое бывает только у тех, кто покупает грязный розовый. Забодяженный со стиралкой или ещё каким дерьмом. Я к тому, что так ты не отличишь химика или у кого есть доступ к чистому порошку. Чистый только запах даёт. Больше никак не узнать.

Лета подумала, укладывая в голове полученные сведения — это было полезно, — затем так же серьёзно кивнула:

— Спасибо.

Джанки натянул капюшон поглубже и нырнул под ливень. Наблюдая, как пареньё удаляется в серой пелене дождя, Ле-

та снова провела пальцем вдоль самого глубокого шрама. В ушах стояли его обидные слова. Да и плевать! Главное — работа необычная, вроде как лёгкая, плюс даст не только деньги, но и возможность погулять по чужой территории — мало ли, что интересное услышит, — а романтические подкаты от какого-то там Джанки с хреновой репутацией ей и не нужны. «Стрёмная», пф! Сам тоже не принц! И всё-таки позвал её в подружки — хоть и не по-настоящему, но, значит, не настолько уж она плоха.

Гораздо важнее было другое. Лета сунула руку в карман, нащупала рулончик, скovyрнула с него резинку, распотрошила купюры и осторожно глянула на свой аванс. Радостно присвистнула. Ничего себе! Купюры новенькие и сплошь максимального достоинства. И теперь у неё есть официальная возможность — даже обязанность! — закупить себе классных шмоток. А то, что какой-то там Джанки не считает её красавицей — да и пошёл он. И все эти фантазии из снов — просто чушь.

5. Первое свидание

На следующий день Лета, уже затаренная шмотками и косметикой, с утра пораньше сидела как на иголках — с нетерпением предвкушая, как звезданёт в новых нарядах.

Наконец-то время подошло, и она начала собираться. Новые вещи даже надевать приятно! Лета покрутилась перед зеркалом, изобразила разные крутые позы и осталась безумно довольна своим видом. Шик-блеск! Обтягивающий короткий топ с длинными рукавами, мини-шорты и колготки в сетку — всё чёрное. Обычно она такую откровенную одежду не носила — это вообще была её первая майка модного нынче фасона с оголённым животом, — но попробовать хотела, а теперь и повод представился. Интересно, что наденет Джанки? Если бы то чёрное худи, то они вдвоём выглядели бы просто отпад!

Напевая модный хит, Лета накрутила чёлку, а остальное каре сделала волнами. Посмотрев на легкомысленный результат, решила, что с такой готично-мрачной и в то же время сексуальной одеждой эти кудряшки выглядят не к месту. Намочила волосы и зализала гелем назад, а чёлку заколола красными невидимками. Вот, как будто влажные после душа, сексуально, агрессивно — самое то.

Следующий пункт — красный лак для ногтей.

Оставалось самое сложное — лицо. Красилась Лета ред-

ко. Поискала в сети мастер-классы. Остановилась на дерзком вамп, который, по мысли девушки, должен был сделать её мягко-округлое лицо более взрослым и подходящим для статуса «подружки». Замазала шрамы на щеке, нарисовала более пухлый контур губ, густо нанесла красную помаду... Чёрные стрелки перерисовывала три раза, но в итоге всё же получилось хорошо. Ещё добавила тёмно-серых теней погуще, чтоб уж наверняка.

Оглядела себя в зеркале. Красота! Хотя теперь она уже опаздывала.

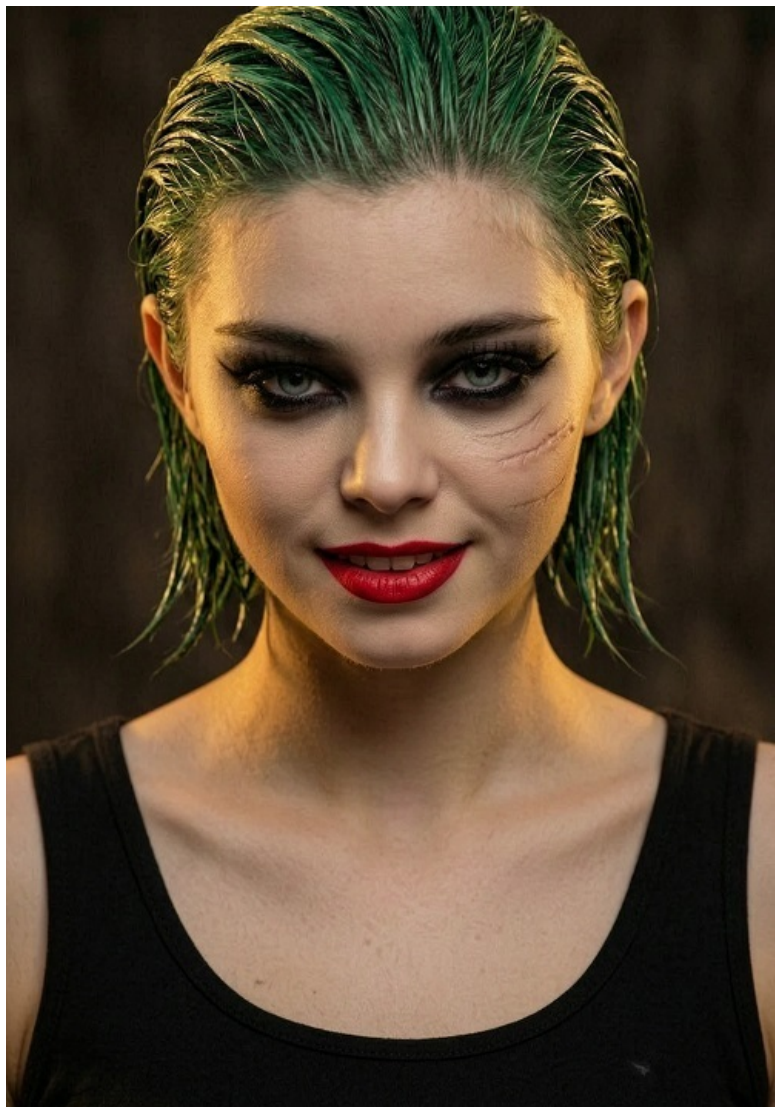
В три часа Лета была в наземке, ещё только подъезжая к Южмету — району Лешего. Здесь, на юго-западе города, ощутимо пахло то ли стоячей водой, то ли болотом, то ли прорванной канализацией — говоря проще, Затопом.

В три сорок Лета как могла быстро ковыляла на каблуках по Второй Поперечной улице, разыскивая дом пятьдесят восемь. Район здесь был старый и пустоватый, людей немного, некоторые из редких прохожих гуляли с собаками, сонные шестиэтажки вокруг были почти без вывесок. На этом фоне чёрный вамп-наряд смотрелся инородно — как «с корабля на бал», только наоборот.

Через несколько минут Лета вышла к какому-то пустырю между домов и там, в глубине, наконец-то увидела приземистое здание кафе. На массивной вывеске над дверью сияла ярко-синяя надпись «Полный трал» и широко улыбалась нарисованная морячка на фоне лодки, доверху нагруженной

рыбой.

Запыхавшись, Лета влетела в просторное помещение и с ходу уткнулась взглядом в лицо своего официально-милуша, сидящего неподалёку от входа. Джанки глянул на неё мимоходом, оглядел других вошедших... В следующую секунду его взгляд вернулся обратно к Лете — удивлённо-недоверчивый. Прошёлся по её лицу и пополз вниз по фигуре, при этом брови парня ползли всё выше. Спустившись до сетчатых колготок, Джанки удивлённо моргнул, и девушка победно усмехнулась. Не зря наряжалась!

(оказывается, с красной помадой Лета похожа на Джокера)

«Работа! Это стоит денег, так что выложись!» — сказала Лета сама себе, расправила плечи, по максимуму выпятила небольшую грудь и красиво продефилировала к столику, где перед тарелкой макарон с фрикадельками сидел Джанки. Честно говоря, девушка ожидала, что он позвал её буквально «светить лицом», то есть в компанию, а так-то что? Пробное свидание на двоих? Потренироваться? Проверить, что она вообще придёт?

— Привет, милый, — пискляво прошептала Лета, мимоходом погладила плечо парня и махнула ладонью, показывая, что хочет сесть рядом.

Джанки с недоумением указал на мягкую тёмно-бордовый диванчик напротив.

— А я хочу сесть с тобой, — девушка улыбнулась ещё приторнее.

Джанки нехотя поднялся, Лета села и подвинулась на свободное место у стены. Когда парень сел обратно, прижалась к нему игриво, наклонилась к уху и возмущённо забормотала сквозь зубы:

— Блин, у тебя что, подружки никогда не было? Если мы засыплемся, так из-за тебя!

Если честно, у Леты самой никого не было, но она решила строить из себя прошаренную и компенсировать смущение уверенным тоном. Всего-то и нужно, что изобразить убедительный фасад. Поставит из себя такую классную подружку, что все вокруг её «милушу» завидовать будут!

Но пока что Джанки совершенно не выглядел объектом для зависти всех окрестных парней: хмурый, он отвернулся к своей тарелке и принялся накручивать на вилку макароны. Кстати, левой рукой. Интересно. У Леты, например, и в детском саду, и в школе всех левшей переучивали.

Девушка посмотрела на это насупленное зрелище, помолчала. Схватила тарелку за край и дёрнула к себе — Джанки, ткнувшись вилкой во внезапно опустевший стол, лишь оторопело развёл руками.

— Дай попробовать, — для проформы пояснила Лета.

Она пока собиралась, пока губы рисовала, пока ехала, пока бегала на каблуках — успела проголодаться, так что сейчас торопливо закинула в рот фрикадельку, другую, проглотила не жуя, чтобы помаду не размазать. Мм, соус очень вкусный, вроде бы сырный...

Заметила, что Джанки смотрит на неё с возмущением.

— Что?! Подружки всегда так делают. Привыкай.

— Бля, — он опустил взгляд и покачал головой.

Очевидно разочарованный, что Лету разозлило. Она специально для него стрелки рисовала, наряжалась, предвкушая, что он будет смотреть на неё с восхищением, а на всех

вокруг — с чувством гордости за то, что у него такая шикарная шмара, завидуйте! А он кривится. А насчёт еды — девушки и правда всегда так делают в отношениях. Не то чтобы Лета была согласна с таким подходом, но это выглядит правдоподобно. Ему ведь нужен реализм? Вот она и старается быть похожей на «типичную подружку». А он морду кривит!

— Если не нравится, я могу пойти. Но бабки не верну. — Лета пихнула тарелку ему обратно.

Парень подвинул снова к ней:

— Шамай уже. Раз слюней напускала.

— А чо ты недовольный такой?! — Лета хоть и шипела приглушённо, но раздражения в тоне не скрывала. Раз уж всё равно работа провалилась.

Джанки ответил также недовольно-приглушённо:

— А чо ты вырядилась, как... блин, то, что вчера сказала не говорить?! Чулки эти, раскраска вообще блядская...

Девушка на всякий случай сделала голос ещё тише, хотя попыталась сложить в него все свои кипящие эмоции:

— Во-первых, это не чулки, а колготки. Во-вторых, а как тебе надо?! Ты ничего не сказал!

— Ну... — Джанки сбился с накала. — Нормально. Как вчера. Как в тот раз.

— Так вчера, — Лета от удивления тоже сбавила обороты, — я по-простому была, чисто во дворе посидеть.

— Ну? И нормально.

Девушка хлопнула глазами в изумлении. Попыталась объяснить:

— Так на свиданку такое не наденешь. Это вообще штаны от пижамы. А если в кафешку, так надо что-то такое... другое.

— Не, ну совсем пижаму не надо, конечно. Но... — Джанки с сомнением пожал плечами. — Я думал, ты всегда так ходишь. По-человечески. Без раскраски этой на морде. В смысле, на лице.

— Ладно, — Лета вздёрнула нос, но всё же постаралась звучать по-деловому. — Как хочешь. Могу вообще не краситься. Мне же легче.

Джанки тяжело вздохнул. Сказал поучающим тоном:

— «Вообще» тоже не надо. Надо, чтоб нормальная была — причёсанная, там, с бритыми подмышками... Ну блин, чё я должен те объяснять за эти женские штуки. Накрашенная, то-сё, но нормально. А не такая, — он указал подбородком на Лету, — на вокзале снятая за три кроны. Нахрена мне такая шмара?

Лета закатила глаза и звонко цокнула языком. Но в следующую секунду Джанки так пихнул её ногу под столом, что она поперхнулась своим цоканьем.

— Морду нормальную сделай, — процедил парень сквозь зубы.

Лета одним движением преобразилась: расправила плечи, эротично выгнулась в пояснице и сложила губы в приятную

улыбку. А для кого спектакль-то?..

А, вон для кого: колокольчик на двери кафе звякнул, и внутрь зашёл парень, неуловимо похожий на Джанки, — стилем одежды и лениво-расслабленной походкой с руками в карманах. Словно братья, только у незнакомца были длинные светло-пшеничные волосы.

Вукко

Парни хлопнули по ладоням приветствие, блондин достал из кармана худи бутылку воды, поставил на стол, а сам сел напротив Джанки, совершенно не обращая внимания на Лету — словно её здесь и нет.

Девушка подождала для приличия пару минут, однако новоприбывший по-прежнему её игнорировал: он вообще смотрел только на свою бутылку и, казалось, именно ей увлечённо рассказывал про какие-то запчасти и детали, которые куда-то там должны скоро приехать, — при этом Джанки аж наклонился к нему через стол и внимательно смотрел в лицо, стараясь не пропустить ни слова.

Видимо, очень важные запчасти у них. Работа, наверное. А у неё — своя работа. Поэтому Лета в отместку тоже толкнула посильнее ногу Джанки под столом и в ответ на его удивлённый взгляд — парень, кажется, забыл, что она здесь, — мило улыбнулась:

— Представишь меня своему другу?

— А. Вукко, Лета, — бросил Джанки мимоходом, словно отмахнулся, и опять уставился на своего товарища.

А блондин даже не посмотрел в её сторону. Как сыпал какими-то техническими параметрами в адрес бутылки с водой, так и дальше продолжил.

Лета тяжело вздохнула. Ну и компания! И если Джанки всё время так себя ведёт — ясно, почему у него нет подружки. Да с таким его отношением даже изобразить подружку проблематично! Нет, она честно старалась: обняла Джанки за талию, положила голову на плечо, что было не так-то просто, потому что парень по-прежнему не обращал на неё внимания, увлечённый обсуждением всё тех же деталей, к тому же рисовал пальцем на столешнице запутанную схему их поставки через каких-то третьих лиц и подставные организации, и от этих движений его плечо норовило убежать из-под головы Леты. Приходилось лишь делать вид, что она на нём лежит. Шанса игриво чмокнуть парня в щёку и вовсе не представилось.

Окончательно заскучав — даже электронного браслета нет, заняться вообще нечем! — Лета принялась смотреть по сторонам. Постучала по столешнице в такт музыке — в кафе играл лёгкий позитивный рок, самое то для танцев, жаль, что она на работе, — несколько раз изучила «меню дня». Предложила позвать официанта. Сказала ему с манерной улыбкой:

— Мне то же, что моему парню.

...Но Джанки заказал лишь чай, и Лете пришлось затянуть пояс потуже, ведь весь аванс она спустила на одежду. Ничего, сейчас перебьёт голод чаем, а дома уже поест.

Вукко заказал овощной салат, и следующие полчаса скушающая Лета наблюдала как блондин старательно выбирает

из тарелки сначала зелёный горошек, затем стручки фасоли, а потом кружки огурца. Всё остальное Вукко есть не стал, отодвинув тарелку Лете под нос, и дальше девушка боролась с обильным слюнотечением при виде помидорок, и морковки, и — особенно — половинки варёного яйца до тех пор, пока тарелку не унесли.

В общем, свидание прошло ДО УЖАСА УНЫЛО.

Да и в целом первый рабочий день Лету разочаровал. Этому парню, Вукко, на неё явно было плевать, как и самому Джанки. Нет, с одной стороны так проще, напрягаться вообще не надо, достаточно просто сидеть рядом. Но она-то надеялась, что работа будет творческая, что она сможет показать актёрские способности, вообще-то она заранее тренировалась дома перед зеркалом — и как улыбаться, и как игриво в щёчку целовать, — а всё это и не пригодилось. Получается, в самом деле достаточно «посветить лицом»? Как скучно...

Постепенно скука стала невыносимой, а Вукко, кажется, вообще не собирался прощаться, всё говорил и говорил. Не выдержав, Лета начала крутиться, покашливать и всячески показывать нетерпение. Эти намёки тоже не помогли, и в конце концов она прямо сказала, что ей пора.

Вышли из кафе на улицу, где в светло-вечернем небе как раз зажглись первые фонари. Вукко на прощание кивнул Джанки, на неё даже не взглянул — впрочем Лете было уже без разницы, — и наконец-то свалил.

Убедившись, что блондин отошёл на приличное расстоя-

ние, Лета зашипела на Джанки:

— Бли-ин, это ужас! Ну сразу же видно, что тебе на меня похер. Как я должна?.. Если ты такой забил, и сидите сами по себе. На меня вообще ноль внимания. А потом скажешь, что я не отработала. Ты хоть попытайся! Притворись там чего-то.

На эту тираду последовало лаконичное:

— Как?

— Ну... — девушка задумалась. — Можно в щёку поцеловать. Обнять.

Чтобы потренироваться, она прижалась к боку Джанки, взяла его руку и обвила вокруг своей талии, однако через пару секунд парень руку отдернул и отступил.

— Домой пора.

Как и вчера, он передал ей тонкий рулончик из пары купюр и ушёл. Лета только вслед посмотрела.

Хотела было пожалеть обо всём этом начинании — на практике всё было вообще не так, как она представляла, — но, проведя пальцем по купюрам в кармане, заметила неподалёку киоск с выпечкой и передумала грустить. Еда всё в этой жизни делает лучше!

Так что Лета купила сосиску в тесте и слойку со сливочным кремом, быстренько утолила голод, повеселела, оценила приятный тёплый вечер вокруг и направилась в сторону остановки, напевая себе под нос и пританцовывая на ходу.

6. Проверка

После встречи в кафе Джанки пропал. Ни в среду, ни в четверг сообщений не было, как и в пятницу, и Лета решила, что парень всё же забыл её номер. Такое объяснение было комфортнее, чем мысль, что на первом же «свидании» Джанки в ней разочаровался и передумал.

А в субботу сообщение пришло — таинственное до предела! Отправитель: «Номер не определён». Ишь ты, скрытый! А может, вообще одноразовый номер с какой-то крутой переадресацией, ведь не зря шобла Лешего специализируется на технике. Текст гласил: «Насыпной переулок 2. Клуб Ретва. 8 часов. Без электроники. Оденься НОРМАЛЬНО». Последняя фраза однозначно подтверждала личность отправителя. Лета слегка раздражённо написала в ответ: «Как именно НОРМАЛЬНО?» — однако электронный браслет охладил её пыл категоричным: «Отправка сообщений на этот номер невозможна». Вот же ж!.. Тем не менее, по ходу, это была уже настоящая работа — и даже в ночном клубе. Круть!

Попрыгав от радости, Лета встала перед шкафом и оглядела содержимое полка, чувствуя себя профи — то ли агентом 047, то ли его крутой подружкой, то ли настоящим разведчиком в тылу врага, то ли... С пафосных мыслей Лету сбило воспоминание о том, сколь позорно она шлёпнулась в воду во время своей последней шпионской миссии, но де-

вушка поспешила отмахнуться. Подумаешь! Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает, а если она намерена прожить насыщенную жизнь, то ещё много раз будет позориться, ничего такого в этом нет. Упасть не стыдно, главное — быстро встать, отряхнуться и сделать уверенное лицо.

Так что Лета состроила зеркалу именно такое лицо и начала примерять наряды.

Значит, шорты с колготками Джанки не понравились. А что, вообще, носят в клуб? Лета была не очень-то в курсе — парня, чтобы вместе ходить по таким местам, у неё отродясь не было, а одна бы она не решилась, — так что пошла посмотреть в сети. Поиск сообщил, что в этом сезоне модны короткие платья с пайетками, однако, посмотрев на фото, Лета решила, что этот вариант выглядит даже более развратно, чем шорты. Да и неуместно: Джанки весь из себя суровый чувак и вряд ли будет скакать с ней на танцполе, а сверкать переливающейся задницей, пока твой парень сидит где-то в углу и обсуждает Очень Серьёзные Дела, — не вариант.

В итоге, перекопав весь гардероб, Лета надела чёрные брюки с перламутровым отливом и ярко-оранжевый, в контраст зелёным волосам, топ с открытой спиной. Наряд вроде и гламурный, но умеренный: не слишком обтягивающий задницу и не открывающий лишнего на груди. Не то чтобы у неё было что открывать, всего лишь второй размер, но всё же.

Выбрала самую нарядную сумочку — не идти же в клуб с

обычным рюкзаком — и упаковала туда чёрную кружевную кофточку, которую можно будет накинуть в случае вечерней прохлады.

Из всего вамп-макияжа решила оставить только стрелки. Однако на этот раз они совершенно не хотели рисоваться ровно, так что в итоге Лета психанула и всё стёрла, только покрасила ресницы тушью и замазала шрамы тоналкой. Расстроено посмотрела на себя в зеркало. Джанки выступал, что ему не нравится её образ?! Ну и вот, довыступался! Будет ему шмара вообще без макияжа!

Насыпной переулок был ближе к центру Южмета, чем прошлое кафе в сонном микрорайоне. Вокруг были оживлённые улицы с яркими витринами магазинов. Старинные дома выглядели представительно: с массивными арками и строгими линиями лепнины. Лета, всю жизнь прожившая в общаге семейного типа, расположенной в спальном районе, — её отдельная от родителей комната уже считалась роскошью — только головой крутила. Эх, квартиры в таких домах стоят, небось... Круто было бы хоть раз побывать внутри — увидеть, как люди живут...

Добравшись до широкого дома с колоннами и табличкой «2» на углу, Лета нырнула в низкую подворотню. По ту сторону оказался небольшой двор-колодец, со всех сторон зажатый высокими домами. Именно здесь сверкал фиолетовым неонем клуб «Ретва», и при виде такого понтового заведения Лета даже оробела. Она не ожидала, что это будет клуб прям

в центре... Сразу появилось ощущение, что её наряд слишком простенький, но девушка расправила плечи. Как говорится, наглость города берёт. Тем более, Джанки сам говорил, что ему нужна «нормальная» подружка, а не какая-то понтовая. Видел же, что брал. Ну и вот.

Во дворе кучковалось несколько небольших групп: смеялись, курили. Лета тоже достала сигареты — она не больно-то любила это дело, но хотелось выглядеть наравне со всеми — и уж было решила, что придётся торчать в одиночестве, однако с облегчением заметила своего «милуша»: оказывается, Джанки смолил в тенистом углублении сбоку здания. Лета с облегчением рванула к нему, на полпути вспомнила, что без макияжа, на всякий случай напряглась — вдруг опять начнёт критиковать её внешний вид, — однако Джанки, пройдясь по ней взглядом, одобрительно показал большой палец. Фух! Лета выдохнула с облегчением, даже заулыбалась — и отрепетировано чмокнула парня в щёку, стараясь, чтобы этот жест со стороны выглядел игриво и многообещающе.

Понизив голос, на этот раз напомнила сама:

— Не забудь вписать меня к своим.

Докурив, зашли внутрь. Громко бухала агрессивно-танцевальная музыка, то и дело скрежеща басами, в воздухе лениво плыл дым. В большом фойе, как и на улице, стояли компании, смеялись и курили. Многие были примерно такого же возраста, как они с Джанки, некоторые старше. Довольно

много азиатов, что было предсказуемо: Леший сам родом из Японии, и шобла у него соответствующая, с национальным колоритом.

Судя по всему, Джанки хорошо здесь ориентировался и многих знал. И на этот раз он старался: обнял Лету за плечи и официально представил нескольким «европейским» компаниям как свою шмару — те кивнули, поздоровались с ней и продолжили свою беседу, — а дальше отвёл в сторону и вполголоса перечислил ей кликухи тех, с кем они только что здоровались. Лета только и успевала повторять про себя: Милка, Хек, Рысый... К японцам они не подходили, но некоторых Джанки ей тоже назвал.

Однако не успела Лета обрадоваться, как хорошо пошло дело, а Джанки уже ненавязчиво слинял. Оглядевшись, де-вушка нигде его не заметила. Ну и хрен с ним! Где наша не пропадала. Сама разберётся с новыми знакомыми!

Среди них самый запоминающийся был Кальмар — очень высокий и худой темноволосый парень с аккуратной стрижкой. Взрослый: старше двадцати, а то и все двадцать пять. Наверное, его кликуха происходит от того, что из-за высокого роста парень слегка сутулится. Нет, погодите, сутулая — то креветка. Лета попыталась вспомнить, как выглядят кальмары. Не вспомнила. Решила, что и ладно, достаточно запомнить, что парень как «креветка», но по-другому.

Из остальных почти все были одного возраста с ней и Джанки, лет семнадцать-девятнадцать.

С обычными парнями всё было просто. Рысый — крепкий качок с полностью бритой, поблескивающей головой; как «лысый», только «рысый». Хек — невысокий и субтильный красавчик, наверняка любимец девушек. Лета мысленно повторила кликухи: почти всех запомнила.

С азиатами было сложнее. Во-первых, непонятно, как с ними общаться: может, они вообще считают себя какой-нибудь якудзой и за недостаточно почтительный тон устроят ей немедленное харакири. Во-вторых, они все похожи — темноволосые и примерно одного роста. Сейчас-то их можно было различить по одежде, но в следующий раз — в другой одежде — уже не факт, что узнаешь, поэтому Лета постаралась внимательно рассмотреть и запомнить хотя бы нескольких.

Куро был типичный азиат, невысокий, смуглый и чернявый, так что Лета про себя обозначила его «чёрный». Он как раз был в чёрных джинсах-трубах, к потрёпанным джинсам прилагался столь же потрёпанный и будто бы растянутый за годы носки тёмно-серый свитер крупной вязки, и в целом Куро производил впечатление человека, пофигистически относящегося к своему гардеробу: в чём встал, в том и пошёл — хоть на работу, хоть в клуб.

В отличие от Акá. Интересная у него кликуха. Связана с маркой автомата? Во внешности парня ничто не ассоциировалось с автоматическим оружием — ему, скорее, подошла бы катана, — но его отличить было проще всего: парень яв-

но был метис, более высокий и светлокожий на фоне других азиатов, глаза большие и лишь слегка раскосые. В общем, японец, но не очень-то японский. Вот он был одет дофига стильно, и казалось, что дорого: чёрные джоггеры, кипенно-белая футболка, а сверху — чёрная японская рубашка свободного кроя. В голове откуда-то всплыло слово «хаори», но Лета не была уверена, что это верное обозначение, они никогда не интересовалась Азией.

Очевидно, Лета разглядывала парня слишком долго, так что Ака улыбнулся с фривольной насмешкой, показывая, что заметил её внимание.

Ладно, что скрывать. Лета подошла. Привстала на цыпочки, чтобы дотянуться до уха парня, повысила голос, перекрикивая музыку:

— Хэй. Пытаюсь понять, почему тебя зовут «Ака».

— Вообще-то меня зовут А...

В этот момент из зала бухнула проверка звука, режущая уши какофония заглушила голос парня, однако по губам было ясно, что сказал он что-то длинное.

Лета нахмурилась:

— Как?..

Парень обнял её за затылок, притянул к себе и, практически прижавшись губами к уху, выдохнул медленно и чётко:

— Акихиро.

— А. Извини. Лета. — И на всякий случай поздоровалась официально, чтобы показать серьёзное отношение: — За об-

щее дело.

— За общее, — кивнул в ответ пареньь.

Звуки из зала стихли.

Ака хоть и отпустил её затылок, однако отодвигаться не спешил, так и остался стоять близко, разглядывая девушку.

— Красивая кликуха. Сама взяла или дал кто?

— Сама.

— Что значит?

Лета настороженно оглядела его в ответ.

— Извини, не обсуждаю это с малознакомыми людьми.

Ака снисходительно улыбнулся:

— Так можем познакомиться лучше. Моя значит «умный».

И в этот момент его шею сзади перетянуло стальной цепью. Лета с недоумением посмотрела на потемневшие от возраста звенья — это что, какой-то странный местный обычай? — затем на руки, которые натянули цепь сильнее, заставив Ака откинуть голову назад. И только Лета подумала, что эти руки с кривоватыми ногтями и ссадинами на костяшках кажутся знакомыми, как из-за спины Ака раздался узнаваемо-хриплый голос Джанки:

— Был бы ты дохуя «умный», допетрил бы смотать швартовы от моей шмары.

У Леты похолодело в груди: ну вот, сразу же накосячила! Получается, Джанки в контрах с этим парнем? Или со всеми японцами? Или здесь какие-то свои правила вежливости?

Вот же чёрт! А она сама подошла к этому парню и даже первая заговорила с ним. Ужас, какой ужас, сейчас ей сделают харакири...

Однако Ака не стал её сдавать. На его лице была всё та же самодовольная ухмылка — и ни следа удивления. Не отрывая взгляда от лица Леты, он сказал пренебрежительно:

— О-о, гайджин. А я всё ждал, когда ты подойдёшь поклониться.

Джанки презрительно хмыкнул.

— Даже у вас малолеткам не кланяются.

— Мой статус всегда будет выше твоего, смирись. И шмару свою мог бы вписать как положено. А то мало ли, что тут за ничейная красотка, — Ака, не отрывая взгляда от лица Леты, чуть улыбнулся, его глаза прищурились, как у кота, глядящего на банку сметаны. — За столько времени так и не научился вежливости. Всё такое же быдло с Химзавода.

— Да куда уж мне, — Джанки натянул цепь сильнее, — если даже ты, весь такой коренной, не умеешь правильно говорить на своём языке.

Ака был вынужден откинуть голову назад, поддаваясь давлению цепи, но по улыбке на его лице было похоже, что он вполне наслаждается происходящим. Или хорошо скрывает эмоции. С этими шалыми азиатами возможен любой из вариантов.

Ака спокойно продолжил:

— В оружии нуждаются только трусы.

— Ага, а смелые самураи липнут к чужим дамочкам, как мухи на сахар.

— Выйдем? — Ака вроде как обращался к Джанки за спиной, но смотрел по-прежнему в лицо Лете.

— Ясен хрен.

Джанки убрал цепь, Ака хрустнул шеей, разминаясь, парни направились к выходу на улицу, а Лета нехотя побрела за ними, лихорадочно соображая, как поступить. Она-то репетировала очаровательные улыбки и правдоподобные заигрывания, а не *это!* С одной стороны, ясно, что она обязана поддержать своего парня. Но с другой, ей совсем не улыбалось лезть в какой-то неведомый конфликт. Лета в национальном колорите не разбиралась, но выступать против азиатов в их собственной шобле очевидно не стоило, ведь что простят местному Джанки — простят ведь? — то не допустимо ей, чужачке, впервые явившейся в эту компанию.

В этот момент чья-то рука сжала её плечо, останавливая. Лета оглянулась. Это была одна из тех девушек, которым её представили раньше, Милка: лет двадцать пять, в ярко-жёлтых легинсах и кислотно-разноцветном джемпере, с копной коротких тёмных кудряшек и широким улыбчивым ртом. Сейчас Милка не улыбалась, а морщила нос с очаровательным пренебрежением.

— Пусть их! Ща пошумят и вернутся. Посиди пока с нами, — она указала на тёмно-красную бархатную портьеру.

Лета кивнула и пошла следом. Познакомиться с местными

девчонками было бы здорово: хоть не пришлось бы скучать одной, пока Джанки занимается собственными делами. Да и в целом Лете хотелось бы завести подруг, а то свои после школы все разъехались. А может, даже получится узнать что-то интересное — про местные дела или про Джанки. Почему всё же он не хочет выбрать себе шмару из местных, хотя тут, как оказалось, полно симпатичных девчонок.

Лета ожидала, что за портьерой будет уединённый индивидуальный кабинет, но всё оказалось не так: проход вёл в огромное пространство клуба, хотя не на общий танцпол, а на огороженный балкончик — небольшую круглую площадку, которая на метр возвышалась над уровнем пола. В центре клуба был просторный танцпол и сцена для музыкантов, а вдоль стен — вот такие круглые площадки, огороженные декоративными бортиками. На каждой был столик в центре и округлый диван по периметру.

Сидящие на этих балкончиках были на виду у всего клуба, и Лета подумала, что вот здесь агрессивный вамп-макияж и колготки в сетку были бы в самый раз. Жалко, что Джанки запретил...

Круглый белый стол был заставлен сверкающими бокалами с коктейлями. На тёмно-красном бархатном диване лежала, вытянув голые ноги и листая что-то в электронном браслете, незнакомая Лете блондинка: красивое кукольное личико, вздёрнутый курносый нос, вьющееся каре, очень короткая перламутровая юбка и короткий голографический топ с

длинными рукавами.

Пилви

Вторую девушку Лета уже видела в фойе, Джанки вроде бы назвал её Атари: зализанные назад рыжие волосы, обтягивающее чёрное мини, тонкие губы и довольно широкая челюсть, но лицо симпатичное, хотя и какое-то насупленное. Сейчас она красила глаза ярко-синей подводкой, глядя в карманное зеркальце и не обращая внимания, что её прихорашивание видно на весь клуб. Впрочем, на танцполе пока было безлюдно, а компании, расположившиеся на других диванчиках, общались между собой.

Лета обратила внимание, что у всех трёх девушек похожие причёски: очень короткое каре без чёлки. В целом среди жителей Порта было принято стричься коротко: длинные волосы — отличительный знак богачей, которых в их пролетарской части города презирали. Однако именно такой стрижки Лета в своём районе не видела. Должно быть, местная мода.

— Пилви, Атари, — представила девушек Милка.

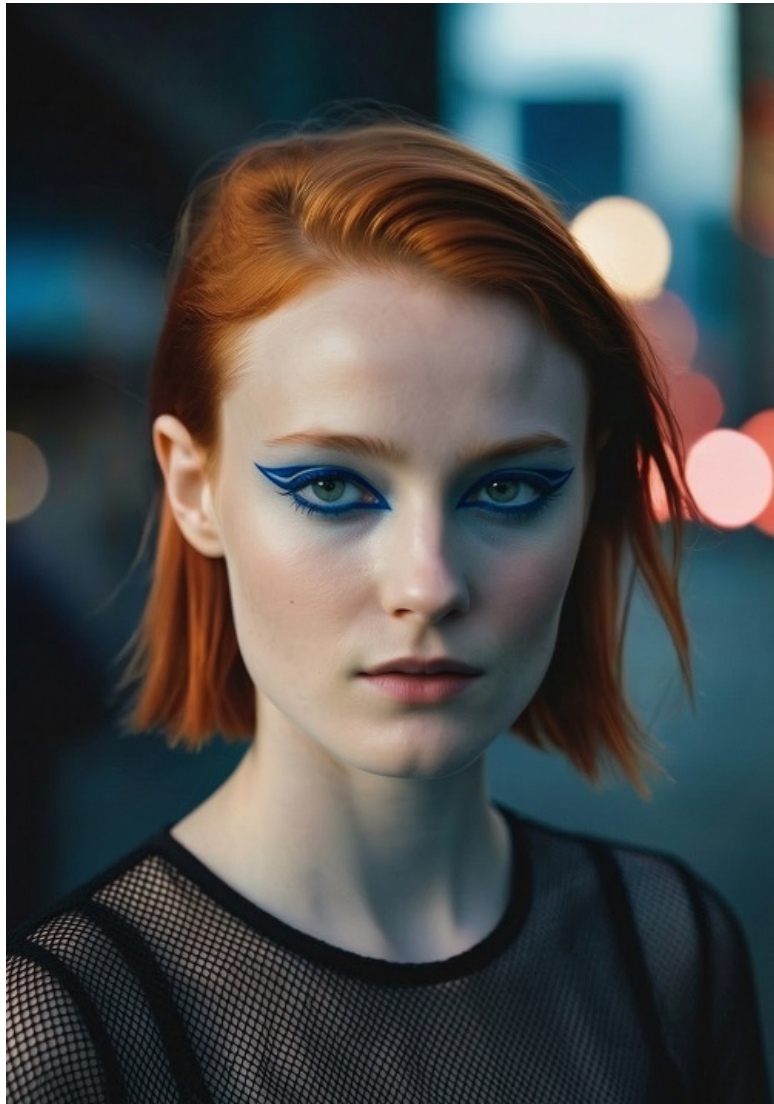
— Лета.

Пилви приветственно махнула пальцами и потянулась за бокалом. Атари продолжила краситься. Закончив синюю стрелку, оценила в зеркальце результат и сказала:

— Что-то быстро Джанки сбежал.

Оторвавшись от зеркала, рыжая оценивающе проскани-

ровала Лету, которая сразу почувствовала, что одежда у неё обычная, макияжа почти нет, ещё и шрамы наверняка проступают сквозь тональник. С другой стороны, это всего лишь работа: нужно, чтобы заказчику — то есть Джанки — нравилось, а на мнение каких-то левых девах можно и наплевать, так что Лета принялась оглядывать пространство клуба, делая вид, будто не поняла намёка рыжей.

Атари

Зато ответила Милка:

— Твоей красоты спужался, не иначе, — она хихикнула.

— А вообще они с Ака пошли здороваться.

Милка подхватила со стола бокал с «Космополитеном», отпила, села на диван и похлопала Лете рядом.

— Швартуйся, не щемись. Все свои.

Пилви согласно кивнула и даже подвинула ноги, освобождая место.

Лета села. Получив кивок на стол, взяла бокал с коричневым «Куба либре». Начала пить мелкими глотками, смакуя приятный вкус колы, а заодно поглядывая по сторонам.

Отметила, что электронные браслеты были у всех трёх девушек. Ишь! А ей Джанки запретил брать браслет. А у них есть. Что за несправедливость...

Дальше стало интереснее. У Милки и Атари на правой руке оказались татушки с чёрной стрелкой — флаг Лешего, — а вот у Пилви нет. Ну, Пилви, наверное, и восемнадцати ещё нет, рано ей в шоблу.

А ещё у Милки флаг был по диагонали перечёркнут пунктиром. Ничего себе! Это же знак хранителя устава! Лета аж рот открыла и прониклась к Милке огромным уважением — и немножко завистью. Сама она с детства мечтала попасть в

шоблу, но всё никак не удавалось доказать свою полезность и выпросить место, а уж представить, что Камень поставит девушку на должность хранителя устава было и вовсе невозможно.

Но, тем не менее, хоть Лета и была простая «городская» девчонка — то есть фактически никто, — в этот вечер её положение было очень даже неплохое: сидит рядом с уважаемыми девушками, в клубе, который, судя по количеству азиатов, является территорией шоблы. Её угощают выпивкой как почётного гостя — шмару одного из «своих» парней. Лета приосанилась, проникшись важностью момента.

В то же время большая честь даёт и большую ответственность. Наверняка Милка пригласила её в компанию не просто так, а чтобы проверить — что за чужачку привёл Джанки. Однако Лета неплохо разбиралась в правилах поведения, вела себя уважительно и надеялась, что «знакомство» пройдёт гладко.

А ещё тут была классная музыка! Танцевальная и качающая, но не слишком быстрая. Комфортная. И позитивная. Японские инструменты добавляли электронщине национальный колорит, а речитатив на незнакомом языке задавал ритм, но не перетягивал на себя внимание. Идеально.

Однако Лете стало неловко от окружающего молчания, и, чтобы разбить тишину, она спросила:

— И часто они так? Джанки?.. — она кивнула в сторону фойе.

— Каждый раз. — Милка протянула ей свой бокал, звякнули. — Это ещё с самого начала пошло, как Джанки к нам вписался. Ака у нас тут хранитель традиций бусидо, — она пренебрежительно скривилась, показывая, что это несерьёзно, — вот и выделяется, особенно перед пришлыми «гайджинами». Так что они с Джанки каждый раз шумят. Ай, не обращай внимания. Парни! Ща придут.

Наклонившись к уху Леты, Милка пробормотала вполголоса:

— Кстати, что Атари про Джанки болтает, сильно не слушай. Она как-то его на свиданку звала, а он её бортанул, так что...

— Ты чо там шипишь? — рыжая предупреждающе повысила голос.

Милка как ни в чём не бывало улыбнулась, показав ямочки на щеках.

— Учю, чтоб к Вукко не лезла. — Повернулась к Лете: — Он парень честный, но на своей волне.

Все девушки — даже Пилви приподнялась на локтях — уставились на Вукко, который в самом деле неприкаянно озирался неподалёку, топчась посреди пустынного танцпола. В этот момент парень тоже их заметил и направился к их балкончику, однако остановился перед бортиком. Бортик был широкий и невысокий, легко перелезть, однако парень смотрел на него с искренним недоумением.

— Вукко! — Пилви повысила голос, ловя взгляд парня.

Когда он наконец посмотрел на неё, сказала чётко выговаривая слова: — Иди к парням. Вон они. Смотри, вон Кальмар тебе машет.

Только сейчас, прыгая взглядом между ней и Вукко, Лета поняла, насколько они похожи, разве что у Пилви волосы короче и осветлённые. И вроде бы они с Вукко одного возраста, должно быть, близнецы.

Тем временем Вукко повернулся в указанном направлении и, заметив тот балкончик, где на диване, помимо длинного Кальмара, сидели красавчик Хек и черняво-раскосый Куро, послушно побрёл туда.

Судя по всему, здесь было принято сидеть отдельно: девушки кучковались на балкончиках возле входа, а парни — в глубине зала, ближе к сцене. Хотя отдельные парочки сидели вместе: обнимаясь и иногда чмокая друг друга в губы, но прилично, без слюней. Лету удивила подобная скромность: в своём районе она и на улицах иногда видела «облизывающихся» по полной, от чего саму Лету каждый раз слегка подташнивало. Блин, любовь любовью, но засовывать друг другу язык по самые гланды можно и дома, а не на скамейке во дворе!.. А тут ночной клуб, вроде как место разврата — как казалось Лете, которая никогда прежде не бывала в подобных местах, — а все такие скромные.

Тем временем Пилви проводила брата напряжённым взглядом и, убедившись, что он без проблем добрался до места назначения, снова растянулась на подушках.

— У него аутизм, — сказала Милка.

— Нет у него!.. — заметив взгляд Леты, Пилви пояснила:

— Он офигенно умный. Просто это... социально неадаптированный.

— Ну? Я так и сказала, — пожала плечами Милка. — Это и называется «аутизм».

Пилви раздражённо покачала головой. Сказала Лете с напором:

— Он нормальный.

— Я так и подумала, — успокаивающе ответила Лета. — Он нормально разговаривает.

От удивления Пилви даже села на диване, разведя колени.

— Это ты где видала?

— На днях в «Трале» сидели. Он тоже был, — бросила Лета небрежно, показывая, что часто гуляет с Джанки по кафешкам. — Кстати, у тебя трусы видать.

— Чё?.. А. — Пилви свела колени. Опять бросила взгляд на тот балкончик, где Вукко сидел рядом с Хеком. — Ишь, мне не сказал.

— Смотри, — подхватила Милка, улыбаясь с намёком, — так и пришвартует кого.

— Да я не против, — задумчиво ответила Пилви, глядя на брата. Перевела взгляд на Лету: — У тебя свободной подружки, часом, нету? Он, вообще, нормальный. Хороший. Честный. Вообще никогда не врёт.

— Ага, — фыркнула Атари. — И не знает, что с девуш-

ками делать.

Милка, всё с той же игривой улыбкой, протянула с подначкой:

— Ой, ну ты б его научила... А то вот, зачем-то интересуешься, где Джанки...

Атари передразнила в том же издевательском тоне:

— Ой, нужен мне твой Джа-анки. Вот где он? Шмару кинул, сам усвистал.

— Ну, так парням надо свои дела решать, — рассудительно сказала Милка, глядя в свой коктейль, который она помещивала трубочкой. — Не сидеть же под юбкой весь вечер. Хек, вон, тоже сам по себе.

— Хека мы все видим, — ехидным тоном продолжила рыжая и кивнула в сторону диванчика неподалёку от сцены. — А Джанки вечно где-то шляется и всё с парнями — с Кальмаром по шлыге, с Ака пошуметь, с Вукко потрындеть... Нафига ему шмара при таких делах?

— Ну, это уж их дело, — сказала Милка и, всё так же глядя только в свой стакан, отпила. — Без тебя решат.

Повисла пауза — неловкая и даже слегка враждебная, как показалось Лете. И что это за таинственные разговоры? Какой подтекст рыжая вкладывала в свои слова? Только раздражение из-за того, что ей Джанки отказал? Или эти непонятные намёки всё же связаны с тем, почему Джанки пришлось городить этот огород с фиктивными отношениями?..

Однако, несмотря на любопытство, Лета решила ничего

не уточнять: неохота выглядеть лохушкой. Пусть думают, что про своего милуша она сама всё в курсе и знает даже побольше, чем они.

Тем не менее, это был удобный повод разузнать хоть что-нибудь, поэтому, отпив ещё глоток шипучего коктейля, Лета спросила, ни к кому конкретно не обращаясь:

— А что в вашей шобле говорят за его кликуху? Я ещё давно от одного хмуровского чувака слышала, что... — она зыркнула по сторонам, убедилась, что людей рядом с их балкончиком нет, и приглушила голос: — Кликуха у Джанки такая, потому что он шалый и вроде как кого-то зарешал?..

— Ну... — неопределённо протянула Милка. — Что там было у Хмурой — то дела их шоблы. А у нас он никого не решал. *Пока что.*

Последние слова прозвучали — опять — как-то многозначительно и с намёком. Лету уже начала раздражать эта таинственность вокруг Джанки.

Но тут — вполне громким и уверенным тоном — встряла Атари:

— Да ясно же, что за кликуха. По помойкам он шарится. — Рыжая указала бокалом на Лету. — Мусор собирает и к нам в шоблу тащит.

От столь наглого наезда Лета малость опешила. Заявление было уж слишком резкое, и, по-хорошему, свои должны были приструнить дерзкую рыжуху. Однако Пилви так и валялась на диване, листая экран браслета, а Милка и вовсе

поглядывала на них с насмешливым интересом. «Блин, это часть проверки...» — сообразила Лета, и всё внутри разочарованно упало. Вот же чёрт! Зря она надеялась, что удастся отделаться разговорами. Конечно, крутые девчонки из шоблы не примут абы кого. Нужно показать себя.

Краем глаза Лета заметила Джанки, который как раз в этот момент зашёл в зал и бросил взгляд на их балкончик. Но тут он всё равно ей ничем не поможет: оскорбление прямое, такое на тормозах спускать нельзя.

Так что Лета встала с дивана и протянула с быковатым наездом:

— А ну, чо сказала?

Атари тоже поднялась и встала перед ней.

— Всё по уставу. Положено шмару со своей шоблы брать, а не чужих тащить. Так что у меня к тебе предьява — за нашего чувака.

Эх блин, есть такое правило!.. Лета раньше и предположить не могла, что все эти тонкости коснутся её лично: думала, что, если и найдёт парня, то из своих дворов. А оно вот как повернулось.

Покопавшись в памяти, Лета вспомнила и другое неприятное правило: если девушка из шоблы публично заявит о своей симпатии к парню, то он вообще не имеет права на её глазах встречаться с чужой — это вроде как унижение. Тут уж остаётся два варианта: или чужачка победит в честной драке, или влюблённым придётся ныкаться по углам, скры-

вая свои отношения, как Ромео и Джульетте. Последний вариант Лету никак не устраивал — учитывая, что Джанки заплатил ей за *видимость* их отношений.

Значит, по всем пунктам придётся драться. И за кого? За парня, который на самом деле даже не её! Обидно. Потусила в клубе, называется. И почему она заранее не подумала о таком варианте, не надела что-то более подходящее для драки?! Топ на хлипких завязках и кружевной лифчик легко порвать — некоторые девушки не гнушались подобными грязными методами, особенно если драка за парня и очень хочется победить. Ну, хотя бы сегодня Лета надела кеды, а не туфли на каблуках, как в прошлый раз.

Глубоко вдохнув, Лета уже морально настроилась идти до конца...

Но вдруг — не зря же она любила слушать рассказы хранителя устава — в голове всплыла спасительная мысль.

— А Джанки у вас не коренной. — И, почувствовав уверенность, Лета добавила: — Пришлые могут брать откуда угодно.

Атари вопросительно покосилась на сидящую на диване Милку. Та задумчиво поводила глазами, припоминая, а затем кивнула — сначала слегка, но потом уже уверенно.

— Да. Есть такое правило. Смотри-ка, — она действительно взглянула на Лету с приятным удивлением, — отбрехала.

Лета втихаря выдохнула. Фух, повезло!

— И что, ты за устав шарить? — продолжила Милка.

— В нашем дворе живёт хранитель, — скромно ответила Лета. — Так что про некоторые моменты слышала.

— Мм, — покивала Милка. — Ну, красotka, значит. За общее дело?

Она подставила кулак, и Лета ткнула в него своим, ответив официальной полной формулировкой:

— За общее дело и честную жизнь.

Однако конфликт ещё не был закрыт.

Милка обратилась к Атари:

— Ну что? Закончишь на этом или хочешь заявить права на Джанки?

Она кивнула в сторону танцпола: там, в нескольких метрах от их столика, как раз стоял сам Джанки, который курил и наблюдал за происходящим.

Атари, которая до этого, очевидно, парня не замечала, от такого открытия вздрогнула, на мгновение смутилась, но тут же вздёрнула нос:

— Пф! Пусть забирает. — Презрительно пробормотала: — Сдался он мне...

— А ты? — Милка посмотрела на Лету. — Хочешь ей предъявить?

По-хорошему, надо было — за обзывательство «мусором». Но Лета решила не качать права в новой компании и великодушно сгладить конфликт. Слишком упёртых и агрессивных тоже не любят, иногда отступить полезнее.

Так что она выпрямила спину, подняла подбородок и изобразила серьёзное лицо — показывая, что тоже не лыком шита, не «Шипром» брита, — но сказала вежливо:

— Нет. Надеюсь, дальше будем сёстрами.

— Ну и отлично, — Милка указала на Лету и Атари ладонями, как священник на новобрачных. — Обнимитесь, дети мои, и предьява закрыта.

Девушки приобнялись за плечи, обозначая, что вражды больше нет.

Милка продолжила:

— Так, Лета. Раз всё по чести, то Джанки официально твоя, а ты — наша сестра. Если у кого будут вопросы, ссылайся на меня.

Фух! Лета внутренне выдохнула с огромным облегчением — как камень с души упал, — хотя внешне держалась с достоинством. Они с Милкой обнялись по-дружески. Пилви тоже протянула ладонь — Лета хлопнула по ней. Атари бухнулась на диван и опять уставилась в своё зеркальце — на этот раз поправляя брови, — но хотя бы молчала, а большего от неё и не требовалось.

Ну всё, значит, теперь Лета официально признана как шмара Джанки и имеет полные права на территории Лешего, ура!

7. Невидимая связь

Увидев, что девушки закончили, Джанки подошёл ближе. — Натрынделись? Хочу свою шмару назад получить.

Лета тут же поспешила к бортику — надо драпать, пока ещё какие-нибудь претендентки на её «милуша» не нарисовались, — там наклонилась к Джанки и обхватила его за шею, а он подхватил её на руки и снял с балкончика. Получилось очень романтично!

— Ой, дева-ачки... — манерно ломаясь, «в нос», протянула Милка. Сидя на диване, она откинулась на спинку и теперь доставала из пачки тонкую коричневую сигаретку. — Пряма за-авидую Лете. Меня б кто так на руках та-аскал...

Джанки, продолжая держать Лету, ответил:

— Ну так Рысый тя звал. Чё не пошла?

— Ой, Рысый... — так же манерно продолжила Милка и, затянувшись сигареткой, закатила глаза. — Дитё дитём. В смысле, ты хоть дошлый, а он — вообще. А я принца хочу. Чтоб на мотике катал... — она резко привстала и перешла от мечтательного тона к обычному: — Но ты ему не говори. Я это... подумаю ещё. Может, и схожу с ним.

Решив, что все уже оценили галантность её кавалера, Лета мило улыбнулась и пробормотала Джанки в ухо:

— Опусти меня.

Он опустил, она изящно приземлилась ногами на пол, тут

же приобняла своего «милуша» за талию, он её — за плечи, и так в обнимку Лета и Джанки пошли через танцпол к «мужским» балкончикам — на виду у всего клуба. Во-от! Сцена была сработана отлично, и Лета мысленно поставила галочку: она более чем справляется со своей ролью шмары. А что, была бы неплохая работа — фиктивно изображать девушку для тех парней, у кого по каким-то причинам не складываются отношения.

Миновав уже собирающихся на танцполе людей, пара добралась до того балкончика, где на полдивана раскинулся качок с блестящей, бритой налысо головой — Рысый. Джанки посадил Лету на бортик, запрыгнул сам.

— Чё болтали? — спросил Рысый, освобождая им место.

— Милка сказала: если купишь мотик, она те даст, — ответил Джанки и шмыгнул носом.

Бухнулся на диван. Лета села рядом.

Рысый обеспокоенно взглянул на балкончик Милки, но там девушки были заняты разговором и в эту сторону не смотрели. Переспросил серьёзно:

— По правде?

Не дождавшись ответа от Джанки, перевёл вопрошающий взгляд на Лету. Та скептически скривилась:

— Мм. Типа того.

— Ну... — задумался сам с собой Рысый. — Я так-то думал. Чё б не купить.

Джанки снова шмыгнул. Вытер нос. На тыльной стороне

ладони остался кровавый след.

— Бля.

Он откинулся назад и запрокинул голову на спинку дивана. В косом свете софитов, освещающих сцену неподалёку, было видно, что на его физиономии это не единственный след драки, но пока что будущие синяки были обозначены лишь красноватыми припухлостями.

Кстати. Лета покрутила головой.

— А где Акихиро?

— В бар пошёл. За проставой для гайджинов. — Джанки поднял голову со спинки дивана, посмотрел на Рысого, и они обменялись злорадными ухмылками.

— Красава. — Рысый подставил кулак, Джанки ткнул своим. После этого Рысый развернулся к соседнему дивану и повысил голос: — Эй, Хэка! Ака сёдня гайджинам проставляется.

И Хек, и Кальмар заулыбались довольно. Вукко предсказуемо не отреагировал, сидя перед своей неизменной бутылкой воды — Лета теперь уже поняла, что он «с особенностями». Смугло-раскосый Куро не отреагировал тоже. Интересно, что это значит. У них в компании все не-азиаты называются «гайджинами»? Или именно эти парни — Рысый, Хек, Кальмар — тоже пришлые, как и Джанки?

Во всех этих «политических» тонкостях ещё предстояло разобраться, но сейчас, в любом случае, Лета тоже улыбнулась от души. Она прошла испытание от местных девушек,

Джанки утёр нос этому японскому пижону, они оба молодцы и круты до небес. Теперь можно с чистой совестью выпить, а там, может, появится шанс добраться до танцпола, где уже и музыка стала громче, и людей побольше.

Однако нет, шанса не появилось. Зато появился Ака — теперь он был смурной, со свежее-красным фингалом и полосой грязи на белой футболке — и в самом деле притащил охапку разномастных бутылок. За соседним столиком Куро уже не было: судя по всему, он сидел с парнями не просто так, а обсуждал дела, теперь же закончил и ушёл к японцам. Кальмар и Хек разобрали принесённые бутылки, однако за их столиком пить не стали — ни Рысый, ни Джанки. Что ж, значит, и Лета не стала. В глубине души она надеялась, что халаявный алкоголь и сумрак, сгустившийся над танцполом, всё же сподвигнут Джанки потанцевать с ней, однако чуда не случилось, все пили только чай, так что Лете оставалось лишь приплясывать, сидя на диване, и с тоской смотреть на Милку и прочих, отжигающих в центре танцпола с какими-то незнакомыми парнями.

Рысый тоже смотрел на Милку и мрачно пил зелёный чай. Лета оценила его взгляд. Ишь, на неё-то никто так не смотрит... Вот, даже пришлось согласиться на фиктивные отношения... И хотя Лета убеждала себя, что согласилась на них исключительно из-за денег, но на самом деле сейчас — сидя близко к Джанки и бросая на него заинтересованные взгляды, — девушка прекрасно понимала, что надеется на боль-

шее. Надеется на чудо — что Джанки в самом деле увлечётся ею, что их отношения из фиктивных станут *хоть немного*-настоящими... Что он в самом деле окажется тем парнем из снов, который по-настоящему её любит...

Хотя Лета понимала, что объективно предпосылок для этого было немного. Она обычная. Ничего особенного.

Вон, то ли дело Милка, вокруг которой на танцполе выются парни. Красотка, с чувством собственного достоинства. Хранительница устава! Должность судейская, важная и почитаемая.

У Леты во дворе жил хранитель — совсем старичок, молчаливый и ссохшийся. Раньше, когда она была маленькой, хранитель рассказывал разное — и про устав, и про личную честь, и про всякие поучительные случаи из жизни. Люди собирались вокруг его скамейки, слушали, кивали. Именно с этих рассказов начался интерес Леты к уставу, восхищение честной жизнью и мечта попасть в шоблу.

Сейчас, в тёплые дни, хранитель устава тоже выходил во двор: сидел на скамейке, крепко держась за тросточку дряхлыми руками, подставлял лицо лучам солнца или молчаливо наблюдал, как на соседних скамейках молодёжь забивает козла в домино. Конечно, все с ним здоровались, он аккуратно склонял голову в ответ, но никаких слов в последние годы Лета от него не слышала.

Нет, Камень такую молодую девушку ни за что бы не поставил хранительницей. Ну сколько Милке, максимум два-

дцать пять? В шоблу Камня девушек вообще принимали неохотно. Из-за этого самые активные и целеустремлённые карьеристки разъезжались кто куда. Оставались лишь те, которых устраивало бухать на вписках, а потом во дворе громко — и даже с гордостью — обсуждать, что она проснулась сама не зная в чьей квартире, с чьей-то кончей на волосах, а потом пришёл *сам Доктор*... На этом моменте девушки обычно обменивались понимающими улыбочками, и Лете совершенно не хотелось знать, что именно за этим стоит.

Раньше Лете казалось, что такой расклад устраивает всех — и самих девушек, и местных парней. Все довольны, регулярно устраивают вписки, куда Лету и не зовут. Нет, один раз позвали, но в итоге она прямым текстом сказала, что трахаться не хочет и лапать её не надо, — на этом всё и закончилось. Больше не звали. Да и теперь, посмотрев на эти тусовки своими глазами, Лета уже и сама бы не пошла.

Хотя, если честно, был у неё момент сомнений. После того неудачного похода на вписку Лета совсем выпала из социальной жизни своего двора: как-то и парни, и девушки потеряли к ней интерес, а если даже она подходила поздороваться и поучаствовать в беседе, то чувствовался какой-то холодок, словно её ненавязчиво игнорируют. Наверное, девушки думали, что она выпендривается и считает себя лучше них, а парням — понятно — и вовсе не было интереса с ней разговаривать, если нет надежды на секс. Конечно, всё это Лету расстраивало. Подруги разъехались, даже во дворе

поболтать не с кем, пару раз она ходила в кино одна, но в итоге перестала — все сидят компаниями, весело шумят и перебрасываются попкорном, а она одна, как дурочка, — и очень хотелось найти хоть каких-то приятельниц, пусть даже не особенно близких. Так что одно время Лета всерьёз подумывала изменить своё поведение и тоже начать соглашаться на секс. Ну а что? Все так делают, нормально. Красивые девушки, легкомысленные, не парятся насчёт ерунды: ну переспала и переспала. А некоторые и работают на постоянной основе, получая за это деньги, цацки и всякие ништяки. Все так делают! И только она чего-то там ломается.

А потом Лету позвал на свидание Тюша. Собственно, это был первый раз, когда её куда-то позвали, так что Лета серьёзно обдумывала этот вариант. Отказать было неловко: Тюша — не то чтоб звезда, но чувак честный. Да и завести хоть какого-то парня лучше, чем сидеть вообще без никого — как лохня последняя... Однако, подумав получше — ведь отношения по-любому подразумевают секс, — Лета всё же отказала: решила, что не стоит давать парню надежду, если ей даже целоваться с ним не хочется, уж не говоря о большем.

Чтобы смягчить отказ, Лета, с извиняющейся улыбкой, предложила вместо себя Натку, соседку по подъезду: мол, та всё время смотрит на Тюшу, и он гарантированно ей нравится. Однако, к удивлению Леты, Тюша скривился и ответил, что Натку ему не надо: она хоть и «прикольная», но «даёт

всем подряд», а ему такое не по душе, он хочет шмару лично для себя, а не для всего двора. Мол, Лета хотя бы не такая — не из «давалок». И ещё сказал, что не он один так относится к данному вопросу, мол, многие нормальные чуваки так считают. Эти слова Лету чрезвычайно удивили, но в то же время успокоили: оказывается, не все в их дворе считают её наивной душой, которая держится за никому не нужные понятия чести. Оказывается, кто-то её замечает на фоне других и даже выделяет в лучшую сторону.

Однако всё-таки в их дворах жили не только «девушки с низким уровнем ожиданий». Многие «карьеристки» тоже возвращались обратно — пообломанные жизнью и смирившиеся. Как мама Леты. Она пыталась поступить на переводчицу, но не прошла по конкурсу, на следующий год — тоже, всё больше вязла в рабочих буднях, подрабатывая швейёй, задумка с учёбой всё больше тухла, а строить карьеру в швейном деле тоже не вышло — крутилась на износ, но денег не прибавлялось и на аренду квартиры не хватало... В итоге мама вернулась назад, в общагу. Вышла замуж, родила, устроилась на швейную фабрику на копеечный оклад, обзавелась небольшой клиентской базой для подработки — ну и всё.

Иногда Лета думала, что такой путь — единственное, что и ей светит в жизни. Раз она до сих пор не имеет конкретного и амбициозного жизненного плана, да и, честно говоря, не похожа на стальную-пробивную, то придётся ей — без всяких амбиций — и дальше работать в «Монетке», супермар-

кете неподалёку, где она подрабатывала пару раз в неделю. На получку закупать макароны по акции, потом найти себе какого-нибудь парня по принципу «лучше, чем ничего», по вечерам смотреть с ним телик и скучать...

А вот Милка, конечно, была совсем не такая и в «Монетке» уж точно не подрабатывала. Крутая. Красотка, вся из себя. Понятно, почему Рысый так на неё смотрит.

Лета вздохнула. Эх, никогда ей не быть крутой хранительницей устава... В этот момент заиграл романтичный медляк, от которого ей стало ещё более грустно, а на танцполе Милка прижалась спиной к какому-то парню, откинув голову ему на плечо, парень гладил её по животу и недвусмысленно прижимал к себе, а Лета решила, что нужно что-то делать — чтобы и самой отвлечься от уныния, и Рысого отвлечь от вида Милки перед носом. Вроде как совершить доброе дело.

Так что она через колени сидящего рядом Джанки наклонилась к Рысому и, перекрикивая музыку, спросила:

— А почему ты не пьёшь?

— Что?.. — удивился тот, то ли не расслышав вопрос, то ли не поняв его.

— Ну, бухло, — Лета указала на соседний столик, где к застолью Хека и Кальмара уже присоединились двое незнакомых парней. — Почему не пьёшь?

— А-а, — сообразил Рысый. Показал ей свои руки с тыльной стороны, на обеих выше запястья были одинаковые Х-образные татуировки. — Знаешь, что это?

Лета нахмурилась, пытаясь сообразить, в чём подвох.

— Ну... Это крест шуги.

— Не, — мотнул головой Рысый. — То есть да, но я не про то. Знаешь, откуда он изначально пошёл?

— Нет.

— Это значит, — парень сам посмотрел на свои руки с заметной гордостью, — что человек на крестах. За трезвую жизнь. Ну, там, против всякой дряни, которую нам втюхивают корпорации, чтобы задурить мозги. Курево, бухло... Химия, само собой. Всё это.

Такое объяснение знака шуг Лета слышала впервые. Она покосилась на Джанки с удивлённым видом, но тот кивнул — мол, так и есть.

— Эта тема от хардкорщиков пошла, — продолжил Рысый. — Ну, среди панков вроде как всегда было принято бухать и вот это всё, но некоторые уже стали против. Стали текстá писать о том, что корпорации наживаются на таких простых людях, как мы, — втюхивая нам отраву, и фармацевтику эту ненужную, и всякое дерьмо. И впаривают нам весь этот образ жизни — ну, там, распутство всякое, отсутствие морали... Типа, бери кредиты на всякие там тачки, шмотки, часы дорогие, а потом бухлом расслабляйся, с шалашовками в сауне, вот это всё... — Тут Рысый, видимо, вспомнил, что разговаривает с девушкой, потому что запнулся. — Не, ты извини, я не к тому. Я про... Ну, ты поняла.

Лета кивнула, и Рысый, успокоенный, с жаром продолжил

свою агитацию:

— Я, в общем, про вот этот блудный образ жизни.

— Бесчестный, — вставил Джанки.

— Ага, точно! — подхватил Рысый. — Весь этот... против которого мы. Все эти вещи, потребление... Люди лезут в это всё и тонут с головой. А не надо лезть. Надо держать себя в границах. То есть самому себе поставить границы и крепко держаться своих принципов. И быть против этого всего — этого образа жизни. Вот об этом и кресты.

Говорил Рысый довольно-таки косноязычно, зато с жаром. Поначалу Лета пыталась вести диалог — например, сказать, что многие шуги, которых она знает, вполне себе пьют и курят, да и вообще вряд ли знают об истоках своей татуировки, во всяком случае, она впервые слышит об этом всём. Однако девушка быстро поняла, что Рысый не особенно её слушает, а в первую очередь горит желанием произнести все свои пламенные идейные речи. Из этих речей Лета поняла, что он вроде как ходит на «мероприятия» неких рашей, хотя и не во всём согласен с их идеологией, потому что раши бывают разные, но конкретно в их местной ячейке большинство анархисты, а Рысый не анархист. На этом моменте Лета удивилась и попыталась выяснить подробнее: мол, если хардкорщики — это по сути панки, а панки — как все знают — анархисты... Однако Рысый возмущённо перебил её построения, заявив, что далеко не все панки — из анархистов, и Лета вдруг осознала, что задела его за живое и теперь её

ждёт Очень Долгое Разъяснение Основ Идеологии Хардкора (а также антикапитализма, левой идеологии в целом и ещё музыки ска).

Где-то на моменте перечисления первых представителей хардкор-сцены Джанки ушёл шмалять, Лета хотела было пойти с ним, однако не решилась — Рысый уже вошёл в такой раж, что девушка просто не могла прервать поток его слов. К тому же она краем глаза покосилась на танцпол: Милка там с кем-то целовалась, так что нужно было продолжать отвлекать Рысого. Парень теперь смотрел только на Лету, с жаром объясняя ей взаимосвязи между музыкальными группами. Если честно, Лета уже устала, ей было скучно, она давно потеряла нить повествования, к тому же на фоне громкой музыки было слышно слово через два, но она делала вид, что увлечённо слушает, внимательно смотрела в лицо Рысому, стараясь хотя бы по губам разобрать его слова, кивала и мыкала с полной самоотдачей, а про себя думала — не из-за этой ли горячей идейности Рысого Милка назвала его «дитём». Не все понимают подобные вещи, считая их всего лишь проявлением наивности и юношеского максимализма.

А что думает она? Честно говоря, Лета не знала. У неё не было никаких особых принципов, и она не была готова придерживаться жёсткой идеологии — ни единой сигареты, никаких случайных связей... То есть не то чтобы ей хотелось распутничать направо-налево — она этого и не делала, — однако она не любила искусственные ограничения. Одно

дело — когда у тебя есть свобода, ты *можешь* склеить парня в клубе и переспать с ним, но выбираешь не делать этого. Тогда это действительно *твой* выбор. Не потому что какие-то хардкорщики сочинили песню о чистоте тела, не потому что у тебя татуировка с крестами... И ведь известно, что чем больше запрещают, тем больше хочется. Лете казалось, что, если она даст обещание никогда-никогда больше не курить, — закурит тут же на месте. Просто назло. Как только есть запрет — сразу хочется его нарушить. А вот если есть выбор... Тогда ты можешь выбрать сам.

Но говорить всё это Рысому она, конечно, не стала. Наконец-то вернулся Джанки, и Лета, извинившись перед Рысым, слилась из беседы под предлогом уделить время своему парню. Она устала, в голове была каша из музыкантов с левыми взглядами разной степени радикальности, от выпитых коктейлей клонило в сон, так что Лета решила, так сказать, воспользоваться служебным положением — и обняла Джанки. Уложила потяжелевшую голову ему на плечо, уткнулась носом в подмышку. Парень тоже обнял её за плечи, и это было так приятно... То есть понятно, что он обнял её лишь потому, что они сидят рядом с Рысым и другими его приятелями. И всё же... Сидеть в уютном сумраке, чувствовать текущие сквозь тело волны классной музыки, обнимать симпатичного парня — за сегодняшний вечер Лета окончательно решила, что Джанки симпатичный, — было настолько классно, что Лете хотелось забыть о том, что всё это не по-настоящему.

му. Этот момент был именно как в её снах: живое тепло рядом, под твоими руками, настолько близко, и ты точно знаешь, что это *он*... Тот, кто по-настоящему тебя любит, всегда будет рядом, всегда поддержит, в любой ситуации будет на твоей стороне и обнимет — именно так, как Джанки обнимал её сейчас.

Лета сжала объятия крепче и уткнулась лицом в плотную ткань худи, вдыхая пропитавшую её смесь запахов: человеческое тело, никотин, отголосок стирального порошка, а также обычные жирно-съедобные ароматы городских улиц, фастфуд и раскалённый асфальт... И вдруг Лете захотелось целоваться.

Она обдумала это желание. А почему бы и нет? Что такого? Это будет уместно и реалистично. Правдоподобно. Пусть все видят, что отношения у Джанки самые что ни на есть настоящие.

Даже более того: ей захотелось не то что скромно клюнуть Джанки в угол рта, а поцеловать его по-настоящему. Как у них в районе. По-взрослому. Мысль о подобных глубоких поцелуях с языком сейчас не показалась Лете гадкой, а наоборот, наполнила тело жарким биением крови. Может, от такого поцелуя Джанки тоже вспомнит её? Почувствует, что между ними есть незримая связь?

И хотя Лета ещё никогда так не целовалась — да и вообще никак не целовалась, — но ей показалось, что в этом нет ничего сложного. Она точно справится.

Девушка подняла голову и посмотрела Джанки в лицо. Блин, нужно будет что-то решить с его губами! Какие-то они суховатые, обветренные, ещё и со свежей ссадиной в углу рта. Такими и целоваться, наверное, не очень приятно.

А пока она замешкалась, изучая его губы, Джанки, конечно, заметил её взгляд. И то ли её намерение было слишком очевидно, то ли он как-то телепатически его почувствовал — ну а вдруг! — но парень отстранился. Более того, поднялся с дивана, потянув и Лету за собой.

— Пора домой.

— Ага, — девушка тут же улыбнулась, подыгрывая, и кивнула окружающим на прощание.

Пошли на выход.

Чё-ёрт... На самом деле от такого облома Лете стало грустно. Неужели она настолько не нравится Джанки, что он даже для видимости не хочет поцеловать её разок? Вдруг Лету осенило пониманием: наверное, Джанки потому и предложил ей эту работу — потому что совершенно не чувствует к ней симпатии. Что ж, разумное решение — позвать девушку, которая не вызывает никаких чувств. Только почему *ей* от этого осознания стало настолько горько?

Через проход с тёмно-красной портьерой Джанки и Лета выбрались в пустынный боковой коридор, затем в фойе, а потом и на улицу.

Здесь уже наступила зябкая ночь. Двор-колодец перед «Ретвой» сиял фиолетовым неоном, из клуба всю доноси-

лась классная музыка, однако Джанки направился прочь, в чёрную подворотню, и Лета вынужденно потащилась за ним. Её сердце ещё сильнее сжалось в тоске. Это не её вечеринка, не её друзья, волшебство закончилось, и пора возвращаться домой — в скучное одиночество.

Выбравшись на улицу с той стороны, они пошли по набережной узкого промышленного канала. Лета брела понуро, подволакивая ноги. Уже не было необходимости притворяться уверенной в себе красоткой на свидании с любимым. Ещё и холодно к тому же. Конечно, Лета достала из сумки и надела кофточку, однако от прозрачного кружева толку было мало. Она растёрла плечи и со слабой надеждой покосилась на Джанки, но у него тоже не было ни кофты, ни куртки, только стандартное худи. Жаль.

Лета посмотрела по сторонам.

— Кстати, а куда мы идём?

Джанки притормозил, повернулся к ней.

— Ты щас куда?

— Ну... Домой, наверное. — Лета помолчала, ожидая встречной реплики, однако её не последовало. Пришлось спросить самой: — А что?

— Можешь поспать у меня. И поработать. — Заметив её возмущённо приоткрывшийся рот, Джанки повысил голос: — Да задрала! Я про то, что утром чуваки зайдут по делу, а ты — опа, откроешь им. Такая вся...

— В трусах?

— Это уж на твоё усмотрение. В чём ты там с кем спишь. Главное, чтоб... — он покрутил пальцем, — похоже было. И завтрак сварганишь. Они к восьми придут. А потом свалишь.

Лета подумала. После сегодняшнего вечера — когда Джанки держал её на руках, а затем так тепло обнимал, — хотелось увидеть в этом предложении нечто большее... Но нет, забываться нельзя, всё это лишь работа.

Однако на всякий случай Лета спросила — нейтрально, по-деловому:

— А ты где будешь спать?

— Работа есть. Так что диван весь твой.

Девушка кивнула:

— Уговор.

8. Нора Джанки

Жильё Джанки оказалось не так уж близко: сначала прокатились на трамвае, потом ещё шли минут двадцать, куда-то в дебри старого района с малоэтажными домами. Под конец Лета совсем задубела, ещё и в туалет захотелось.

Наконец, покружив по тёмным и тихим дворам, Джанки свернул к одному из подъездов. Дома здесь были одинаковые: типовые кирпичные коробочки с тонкими стенами и низкими потолками. Самое дешёвое жильё по принципу «лучше жить в конуре, чем на улице».

Подъезд пах типично — ветхостью и отсыревшим бетоном ступеней, — однако был чистым. Было видно, что жильцы за ним следят. На одном из подоконников даже стоял чахлый цветок в горшке. Правда, в другом углу подоконника стояла жестяная банка с окурками, и Лета подумала, что цветку здесь живётся не очень-то весело.

Поднялись на верхний четвёртый этаж. В коридоре Джанки щедро выдал гостье единственные тапки, сам остался в носках — с виду нормальных и недырявых, но девушка на всякий случай задержала дыхание: всё же он всегда в ботинках — не в каких-нибудь там летних сандаликах с вентиляцией, — а ей не хотелось разочароваться в парне вот так с ходу, будучи сражённой наповал ароматом его носков.

Квартира была однокомнатная, давно без ремонта, скорее

всего, съёмная. Угловая: окно на маленькой кухне выходило на одну сторону дома, а в комнате — на другую. Лета сразу оценила, что, несмотря на тонкие стены, в такой квартире должно быть относительно уединённо: соседи были только с одного бока и снизу.

Пройдя через арку дверного проёма — двери не было — Лета попала в комнату, освещённую единственной лампочкой под потолком. Три угла помещения занимали диван, большой лакированный шкаф расцветки «тёмное дерево» и письменный стол — всё обшарпанное, допотопного фасона, как обычно бывает в съёмных квартирах. Зато в углу возле шкафа громоздился десяток новеньких, поблескивающих голографическими заводскими пломбами, одинаковых коробок с какой-то кухонной техникой, судя по аппетитным фотографиям жареного мяса на боковой стороне.

В остальном пространство было пустоватое: никакого декора, ни постеров, ни комнатных растений. Однако, несмотря на это, а также на простой беленый потолок с трещиной и пожелтевшие бежевые обои, комната всё равно производила впечатление уютной. Было ощущение, что её любят даже такой — простой.

Лета выглянула в окно: стандартный ночной двор, свет одинокого фонаря пытался справиться с окружающей темнотой, но листва дерева рядом не оставляла ему шанса. Листва эта была редкая, а многие деревья во дворе были и вовсе сухими, из-за их голых веток казалось, что сейчас не лето, а зи-

ма. Похоже на Мёртвый лес возле Южного завода. Он не так далеко отсюда, наверное, здесь деревья высохли по той же причине — говорят, из-за какого-то техногенного выброса в день Потопа. Но местные деревья всё-таки ещё боролись: некоторые были хоть и чахлые, но живые.

На потёртом письменном столе лежало много всяких мелких вещей и стояла пустая белая кружка с коричневым налётом кофе или крепкого чая, а может, всего сразу — это явно было то место, где Джанки проводит больше всего времени. Это подтверждало и новое компьютерное кресло, с виду качественное и эргономичное.

Вообще, Лета надеялась, что они ещё поужинают, однако парень сразу прошёл в комнату, где включил настольную лампу, погасил верхний свет и в этом сумраке принялся доставать из шкафа постельное бельё. Что ж, очень жаль, но Лета не стала ничего говорить: она здесь по работе, не стоит наглеть.

И тут как раз представился случай показать деловой настрой. Заметив, что Джанки начал стелить диван прямо так, в сложенном виде, Лета тронула его за плечо:

— Разложи. Типа... ну, на двоих же.

Хотя речь шла лишь про видимость секса, но в полутёмной комнате, где они были лишь вдвоём, Лета почувствовала, как вверх по шее пополз жар смущения. Хорошо, что в сумраке не видно.

Тем временем Джанки посмотрел на узкий, явно одно-

местный диван и сказал:

— А. Точно.

Разобрал, застелил на всю ширину. Бросил одну подушку.

— И футболку мне дай. — В ответ на недоумевающий взгляд парня Лета пояснила: — Должна я же в чём-то спать. Ну, в смысле! Девчонки всегда таскают футболки своих милушей, ну?

От неловкости она жестикулировала больше, чем обычно, да и тон против воли получился какой-то агрессивный, с наездом. В конце концов, это была её первая ночёвка у парня, к тому же ей не хотелось, чтобы Джанки об этом догадался. Одно дело — быть принципиальной и не трахаться абы с кем, а другое — быть такой дурочкой, которая и парней-то в жизни не видела, и покраснела лишь от того, что парень застелил ей свой диван.

К облегчению Леты, Джанки не стал комментировать её нагловатый тон, а направился к шкафу. Открыл дверцу, порылся на полке. Вытянул тёмно-зелёный свёрток ткани и протянул ей.

Свёрток оказался футболкой, и Лета пошла в санузел переодеться. Здесь тоже было по-холостячки уютно. В унитазе плавал размокший бычок, на бортике ванны с подтёками ржавчины одиноко стояла мыльница с нейтрально-бежевым куском мыла, — но всё равно было хорошо. В норе Джанки было своё очарование: чувствовалось, что она хоть и без украшательств, но обжитая. И чистая. Вот это Лету даже уди-

вило. Не было ни грязного налёта в раковине, ни мелкого мусора на полу. Ишь ты, а парень-то хозяйственный, за домом следит.

Лета переделась. Футболка села замечательно: свободная, трусы полностью закрывает, но бёдра игриво оголяет. Смотрится классно. Должно быть, футболка осталась у Джанки со времён, когда он жил в другом районе, потому что на груди был потёртый и вылинявший от времени рисунок: чёрный контур круга — флаг Хмурой. Лета пару раз была на музыкальных фестивалях и видела, что техники, следящие за порядком шуги и другой персонал носят одинаковые футболки со знаком шоблы, чтобы их легко было найти в толпе.

Девушка провела по телу ладонями и довольно осмотрела свои голые ноги. С таким коротким подолом — просто огонь! Эх, жаль, что всё это лишь постановка. Ладно, пока что она потренируется, а там, может, и настоящий милуш появится.

Вот только где его взять? Явно не в своих дворах, там Лета всех знала и никто ей не нравился. Здесь, на территории Лешего, хватало симпатичных парней, можно присмотреться... Блин, вот только официально она «шмара Джанки», никто знакомиться не будет. Ну, ничего, может, просто заобщается с кем-то — нейтрально, — а потом они с Джанки «разойдутся», глядишь, и...

Девушка вернулась в полутёмную комнату. Джанки сидел за своим столом и в круге света от настольной лампы ковы-

рял инструментами полуразобранный дисплей. Лета на всякий случай одёрнула подол футболки, но парень даже не посмотрел в её сторону. Ну и ладно. Приглядевшись, она поняла, что Джанки, наверное, её и не услышал, потому что в ушах у него были беспроводные наушники.

Лета легла на диван, завернулась в покрывало: в комнате было тепло, но не жарко. В голове всё ещё гудела вечеринка, и спать не хотелось. Было уютно лежать здесь, под покровом сумрака, наблюдая, как в дальнем, единственном освещённом углу Джанки чем-то занят. Напомнило, как мама по ночам вот так же сидит над заказами, пока все спят. Лета всю жизнь, с детства, помнила эту картину: в доме тишина, отец размеренно сопит, за окном ночь, а мама сидит и шьёт, — и поэтому сейчас следить за тихо шуршащими движениями Джанки было очень комфортно. По-семейному.

И снова Лету накрыло чувством дежавю — уверенностью, что она давно знает этого парня, видела его во сне или, может, в прошлой жизни — верят же некоторые в подобные вещи, мало ли. И конечно же, она давно знала, что Джанки техник. Это было настолько очевидно, что Лета даже удивилась: почему в прошлый раз она была так уверена, что он химик? Ну да, так ей говорили, она знала это умом. Но сейчас со всей очевидностью знала сердцем, всеми чувствами, что Джанки обязательно должен быть техником, это единственный и совершенно бесспорный вариант.

Дурацкий её мозг... Нет, чувство дежавю бывало у неё

время от времени, но обычно мимолётное, не доставляющее особых проблем, с ним всегда было легко справиться. Однако в отношении Джанки её мозг буквально сходил с ума и настаивал, вот просто требовал привести ситуацию к правильному развитию событий — такому, где Джанки тоже её помнит и испытывает к ней... ну, хотя бы дружескую нежность. Пусть без любви, пусть — хотя Лета, конечно, была бы рада искренним объятиям, комплиментам и походам в кино, — но нужно, чтобы он хотя бы доверял ей и хотел общаться. То есть не по работе.

А в реальности приходилось мириться с тем, что она не способна повлиять на ситуацию. Не может заставить Джанки тоже испытывать к ней подобные чувства. И уж точно не должна с горящими глазами рассказывать ему о своих снах, псевдо-воспоминаниях и мыслях насчёт «прошлой жизни» или «альтернативной реальности», где они были знакомы, — от такого любой парень решил бы, что она психическая и нужно валить от неё как можно дальше.

Однако сейчас никто на Лету не смотрел, ей не нужно было поддерживать адекватную беседу или вести себя в соответствии с реальностью, поэтому она завернулась в покрывало по самые глаза и просто отдалась всем этим неразумным чувствам: наблюдала, как Джанки чем-то там занят у себя на столе; как иногда он чуть слышно стучит ступнёй по ножке компьютерного кресла — наверное, в такт музыке в наушниках; — прислушивалась к его дыханию, которое иногда пре-

рывалось раздражёнными вздохами — должно быть, что-то не получалось в работе; — улыбалась себе под нос, смакуя мысль о том, что перед ней и вправду её парень, который её любит; строила планы, куда можно вместе сходить, и наслаждалась приятным теплом в груди. Ощущения были чудесные. Как будто она дома, и всё будет хорошо.

9. Завтрак

Какой-то мерзкий пронзительный звук насильно тащил её из сна, и Лета поморщилась, приходя в себя. Открыла глаза, осоловело огляделась, пытаюсь понять, где она и что питит. Вокруг была незнакомая комната, залитая пасмурным белым светом из окна.

Источником звука оказался круглый механический будильник, показывающий полвосьмого. Лета хлопнула по нему сверху, но результата это не возымело. Взяв в руки противно пищащую штуку, девушка недоумевающе оглядела её, но способов выключить не заметила.

— Сзади, — раздался голос с другого конца комнаты, ещё более хриплый, чем обычно. Там заспанный Джанки лениво поднялся со стола, где, очевидно, спал. — Рычажок.

Лета повернула будильник и сдвинула чёрный рычажок. Пронзительный звук наконец-то прекратился.

Ох, ну и рань... Голову ломило, она была тяжёлая, да и всё тело тоже, однако Лета всё же вытянула себя из постели чисто на силе воле. Поискала глазами одежду, но вспомнила, что ей нужно изобразить спектакль для приятелей Джанки. Выбралась так.

Полезла в сумочку за таблеткой от головы. Морщась, сунула в рот, разжевала. Вкус был горьковатый, но Лета уже к нему привыкла и почти не замечала. Куда деваться, спасти

себя от головной боли важнее.

Было стыло, сонно и даже лень обращать внимание, что она перед малознакомым парнем ходит полуголая, а из-под зелёной футболки, возможно, сверкают трусы. Впрочем, Джанки тоже сонно тёр глаза, что вряд ли ему было дело до её трусов.

— Чё глотаешь? — всё же поинтересовался он. Голос был хриплый и лениво-невнятный.

— Не бойся, не замаску, — отшутилась Лета. У неё голос был не лучше.

— А всё же?

Лета цокнула. Но ладно, это его квартира, он имеет право контролировать, что здесь происходит. Так что девушка ответила:

— От головы. Говорила же, что меня в Потопе приложило головой. После этого стала болеть. — Лета остановилась перед парнем и скептически оглядела его. — Блин.

Вчерашние синяки на лице Джанки уже потемнели и стали заметнее, а ещё через щёку шла красная полоса — отпечаток рукава, на котором он спал.

— Мм! Плохо! — поморщилась девушка. — Ты будто в канаве всю ночь валялся, а не с подружкой няшкался. И сразу видно, что в одежде спал... Снимай, что ли... Нет, лучше иди в душ. Давай! Снимай это и в душ, а я пока завтрак пошаманю. Только мне умыться надо. А! — она остановилась, внутри всё похолодело от того, что чуть не спалились.

— Диван!

Джанки сонно нахмурился, и она возмущённо указала на постель.

— Подушка. Одна! У тебя ещё есть?

— Не.

— Бли-ин...

Они оба посмотрели на постель — почти не смятую и поэтому не особо похожую на ложе бурной страсти.

— Так! — Лета решительно подошла к дивану и, поморщившись от ещё не прошедшей головной боли, опустилась на него.

Поёрзала, поползала туда-сюда на коленях, живописно откинула угол одеяла. Подушку, зажав между колен, побила кулаками, а затем небрежно бросила на середину дивана и финально приложила кулаком: осталась вмятина, как будто след от головы. Ещё потоптавшись по дивану ладонями, девушка слезла.

— Ну? — указала на результат.

Джанки, сложив руки на груди так, что кулаки были под мышками, скептически оглядел постель.

— Ну... вроде.

— Сойдёт. Давай снимай, — Лета дёрнула его за рукав.

— Быстрее!

— Вот эту реплику надо было попозжé сказать, — Джанки принялся стягивать худи через голову. — Когда чуваки под дверь придут.

— Не шухерись, когда они придут, я ещё что-нибудь скажу.

А пока что Лета пошла умываться и краситься: хотела было метнуться, как изящная фея в игриво-короткой футболке, но вместо этого поковыляла с грацией похмельной утки.

Оттуда на кухню. При свете дня оглядела небольшое лаконичное помещение, которое выглядело нежилым: ни крошек хлеба на столе, ни грязной тарелки в раковине. Как будто обитатель этой квартиры и не ест.

Открыв холодильник, Лета поморщилась на содержимое: какой-то промасленный брикет несъедобного вида, начатая пачка крекеров — почему она лежит здесь? — и открытая упаковка вроде бы сырных шариков, похожих на моцареллу. Обрадовавшись, девушка сунула нос в упаковку — и отшатнулась от странного резкого запаха. Брезгливо морщась, осторожно пригляделась: шарики были с какими-то сине-зелёными вкраплениями. А может, это так задумано? Ведь бывает же специальный сыр с плесенью. Держа упаковку на вытянутой руке, Лета посмотрела на неё ещё, но всё же решила не использовать эту странную вещь для завтрака.

Порыскала ещё и по кухонным шкафчикам, но нашла лишь соль и бутылку подсолнечного масла с прогорклым запахом.

Подлетела к двери санузла, за которой шумел душ, и возмущённо заколотила. Звук воды притих.

— У тебя только то, что в холодильнике лежит?

— Ну, — раздалось изнутри.

«Ох уж эти холостяки», — пробормотала Лета, закатив глаза и чувствуя себя очень взрослой. Продолжила громко:

— А из чего готовить-то?

За дверью помолчали.

— Консервы. Внизу. Хлеб на холодосе.

Шум воды вернулся к прежней громкости, из чего Лета заключила, что больше еды в доме нет.

На кухне более настойчиво углубилась в шкафчики. Места вроде немного, однако обещанных консервов нигде не было. Лета уж было решила, что и они закончились, как догадалась приподнять большую кастрюлю, лежащую вверх дном на нижней полке. Под ней-то и обнаружились две банки шпрот. Пока закипал чайник, Лета побросала шпротины на хлеб: завтрак немудрящий, зато воняет на весь дом, гостям сразу будет очевидно, что «шмара Джанки» — вся из себя хозяйюшка и приготовила ему завтрак.

Что касается принадлежностей для чая, то кружка была только одна. Лета тяжело вздохнула и, не придумав других вариантов, бросила второй пакетик чая в мерный стакан. Вероятно, он тоже шёл в комплекте со съёмной квартирой, а сейчас было непонятно, зачем он присутствует на этой кухне, разве что Джанки отмеряет им соль для рецепта «суп из солёной воды с прогорклым маслом».

Залила чай. Скептически оглядела небольшой столик с немудрёным завтраком. Тоже мне, хлеб с чаем! А Джанки

ещё что-то умничал против её корма. Кошачий корм вообще-то полезный, там витамины! В отличие от его еды.

Раздался дребезжащий дверной звонок, Лета подскочила от неожиданности, нервно одёрнула подол футболки — вдруг почувствовав, насколько он короткий, — и поспешила к входной двери. В этот момент как раз и шум воды в ванной затих. Отлично, Джанки закончил мыться, они успели, всё выглядит правдоподобно, сейчас она откроет дверь его друзьям, расслабленно улыбнётся... Девушка на ходу прочесала волосы пальцами... Всё шло отлично... Как вдруг в коридоре её — на полушаге — остановил приглушённый голос Джанки из ванной:

— У меня шмоток нет.

— Что? — остановившись, Лета с недоумением посмотрела на белую дверь.

— Шмоток! Стирать кинул.

— Ну? Так вынь обратно.

— Уже включил.

Из-за двери в самом деле доносилось тихое и равномерное чавканье стиральной машинки.

Входной звонок задребезжал снова.

— И что? — Лета уставилась на дверь санузла. Его квартира — его проблемы, пусть сам предлагает решение.

— Ну. Так выйду.

— Чего?! Иди нафиг! — Лета хотела было добавить «Мы так не договаривались», но подумала, что её могут услышать

из подъезда.

— А какие варианты?!

— Ну... Ладно! Щас, — девушка рванула мимо белой двери, стараясь даже не смотреть на неё. Остановилась лицом к входной двери и даже прикрыла глаза ладонями. Прошипела: — Давай выходи! Скорее...

За спиной стукнула дверь санузла, в комнату прошлёпали босые шаги, скрипнула дверца шкафа. Входная дверь перед Летиным носом снова затрезвонила раздражённо. Девушка начала ковырять замки, пытаясь в них разобраться. Фигасе у Джанки тут система-ниппель! Понять бы, как всё это открывается... Ну, хотя бы звонок стих, очевидно, по ту сторону слышали её возню.

В последний момент Лета вспомнила, что обещала сказать что-нибудь соответствующее, когда придут «чуваки», поэтому крикнула через плечо:

— Ты оделся там или что?

Распахнула дверь — с довольно испуганным видом, а во-все не так сексуально и расслабленно, как задумывалось.

И сразу перегородила проход рукой, улыбнулась напряжённо:

— Хэй.

Стоящий слева Кальмар так и держал руку возле кнопки звонка. Второго парня скрывала огромная коробка с теликом, хотя его личность выдавали берцы с красными шнурками, которые Лета запомнила ещё вчера.

Коробка сказала знакомым голосом:

— Хэй, Лета. — На всякий случай тихо уточнила у Кальмара: — Это ж Лета?

— Н-ну, — подтвердил тот.

— Хэй, Рысый, — сказала девушка. Вторую руку она положила на талию, стараясь перегораживать вход с изящной непринуждённостью.

— Хэ-эй, — снова протянула коробка с показным дружелюбием, однако кряхтя от напряжения. — А чего стоим? Я уже заманался держать.

Кальмар вопросительно поднял брови, и Лета снова улыбнулась:

— Секундочку. Мы тут... Эм. Не рассчитали время.

Они постояли ещё немного — Кальмар равнодушно изучал голые ноги Леты, Рысый перехватил коробку поудобнее, — как из комнаты наконец-то донеслось:

— Входите.

Всё так же многозначительно — или, скорее, напряжённо — улыбаясь, Лета убрала руку и отступила в коридор, пропуская гостей.

— Не закрывай, — бросил Кальмар. — Ещё будет.

Девушка прошла за ними в комнату. В первую секунду с недоумением зацепилась взглядом за худощавый силуэт у окна, не сразу опознав в нём Джанки. На парне были штаны его всегдашнего фасона, а вот сверху вместо мешковатого худи была непривычно обтягивающая чёрная майка-без-

рукавка.

Лета подождала, чтобы парни поздоровались. Рысый нагрузился давешними коробками с кухонной техникой и потащил их на выход, а в квартиру зашёл Хек с ещё одним телевизором. В отличие от крепкого Рысого, subtilный стилига Хек выглядел менее подходящим для работы грузчиком, но он не показывал, что ему тяжело, и даже почти не пыхтел. Тоже сгрузив коробку у стены, парень приветственно кивнул Лете. Девушка, переминаясь голыми ногами, кивнула в ответ и подумала, что уже половина Лешевской шоблы видела её голые ноги и — возможно — сверкающие из-под футболки трусы, так что хватит с них. Она бочком прокралась к своей одежде и ушла с ней в туалет.

Когда Лета вернулась, парни продолжали носить коробки. Кальмар, который контролировал доставку, стоял рядом с Джанки, а тот листал и подписывал какие-то бланки — должно быть, отчётность за телевизоры. А Лета тем временем, пользуясь ситуаций, беззастенчиво разглядывала своего «милуша». Ведь так ей положено по роли — изобразить флирт после бурной ночи! Вот она и смотрела на голые руки парня, скользя взглядом по бицепсам и чувствуя приятное волнение в груди. Понятно, что Джанки был далеко не качок — не такой, что плечи как шкаф и руки всё время врасстырку, — но всё же без одежды руки у него оказались вполне себе классные, и Лета невольно облизнулась, разглядывая

рельеф мышц. Ей даже пришли в голову всякие приятные фантазии, что можно было бы сделать — подойти и поцеловать плечо, например, а потом игриво прихватить зубами... Или что *он* мог бы сделать *с ней* — обнять, провести ладонями по талии, запустить руку под футболку, сжать бедро, погладить грудь... Такими классными сильными руками можно сделать много чего интересного...

Лета аж поплыла от этих образов, хотелось кусать губы и сжимать бёдра, стараясь унять разгорающийся жар... Она постаралась отвлечься — хоть и всё ещё разглядывая парня. Оторвать взгляд было трудно, тем более, что Джанки листал бланки, погружённый в свои дела, и её пристальное внимание не замечал. Его плечи были усыпаны веснушками, но ниже по рукам их количество уменьшалось. А ещё плечи парня были такие же загорелые, как лицо, однако Лета не видела, чтобы он ходил по улице без худи — даже по тёплой погоде, — так что, видимо, от природы такой смуглый.

Кальмар, закончив с бланками, отдал Джанки его экземпляры и ушёл, так что теперь Лета могла подойти и встать рядом со своим «милушем». Хотела изобразить что-то более романтичное, приобнять его... Но что-то застеснялась. От парня пахло свежестью дезодоранта и чистой одежды, и Лета, не удержавшись, снова покосилась на веснушчатые плечи. Взгляд залип на шраме повыше левого локтя: полукруглый, толстый и глубокий, перечерченный следами стежков. Зашито очень уж неаккуратно, по ходу, врач даже не старал-

ся. Девушка заметила похожий небрежно зашитый шрам — только прямой и тонкий — выше на плече.

Вскоре парни закончили носить телевизоры. Кальмар так больше и не появился. Рысый, унюхав шпроты, пошёл на кухню. Хек остановился рядом с Летой и Джанки, оглядывая объёмные коробки, занявшие большую часть свободного пространства. Но вдруг посмотрел на Лету:

— Пилви спрашивает, бушь вечером?

Девушка вопросительно глянула на Джанки. Тот пожал плечами:

— Иди, раз зовут.

— А ты?

— У меня шлыга, — он указал на коробки.

«Шлыга» — работа на шоблу, отказаться или тянуть сроки нереально, значит, Джанки точно выпадает. Девушка поджала губы. Повеселиться хотелось, вчера было классно, но без Джанки она не имела права идти. В конце концов, её пригласили лишь в качестве его подружки.

— Тогда не пойду, — сказала Лета, удержавшись от разочарованного вздоха.

Парни переглянулись.

— А что сёдня? — спросил Джанки у Хека.

— Юбилей.

— О-о... Точно. Блин!

— Ну и... — Хек изобразил лицом нечто многозначительное.

— Да... — Джанки нахмурился на коробки. Задумчиво почесал ногтем под нижней губой. — Не, ну если щас взяться, то к вечеру можно успеть...

— Так и давай, — Хек воодушевился. — Мож, помочь чем?

— Пакеты запаивать умеешь?

— Ага.

— Ну, я пойду... — встряла Лета.

— Домой? — Джанки спросил не глядя на неё, уже разбирая коробки.

— Мм... Да не, что там делать. Посижу где-нибудь. А во сколько приходите?

Девушка вопросительно глянула на Хека. Тот потянулся к шнурку на шее и вытащил из-под кофты допотопную чёрную «болталку» — когда-то популярную разновидность пейджеров. Лета и не думала, что кто-то до сих пор пользуется таким старьём. Парень что-то набрал на мини-клавиатуре, и вскоре «болталка» завибрировала от полученного сообщения.

— В семь. А щас за шмотками. Пойдёшь с ними?

Лета, даже не ожидавшая что её могут позвать, застопорилась удивлённо, но в итоге кивнула.

— Только у меня связи нет, как я их найду?

Получив следующее сообщение, Хек озвучил:

— Через полчаса зайдут.

Распаковывающий коробку Джанки поднял предупрежда-

ющий взгляд на девушку, и та с ходу поняла посыл: нечего ей тут отираться ещё полчаса. Судя по всему, официальным занятием Джанки в шобле была фарцовка — обработка вынесенной с завода техники для последующей продажи, то есть удаление отслеживания, перебивка заводских номеров и тому подобное, — и эта партия телевизоров, очевидно, находилась здесь «негласно».

Так что Лета бросила:

— Напиши, что я у подъезда их подожду. Ладно, пока, — и пошла в прихожую обуваться.

10. Комиссионка

— Гля! — Милка выплыла из примерочной, как королева.

Крутанулась, демонстрируя кислотно-жёлтые брюки на подтяжках, усыпанных блёстками.

Милка обожает яркие цвета

— Если на жопе «анархию» нашить, будет бомба, — постановила Атари.

— Точно! — Милка оттопырила пятую точку, пытаясь рассмотреть задний карман. — И смотри что.

Девушка нажала что-то с внутренней стороны пояса — и по подтяжкам замигали огоньки.

— Ой всё, звезда-а! — Атари закатила глаза в показном восторге.

— А эти? — Милка приложила на себя джинсовые шорты, тоже комбезом на бретельках, но белые с ярко-радужными пятнами.

Но на этот вариант Атари фыркнула от смеха.

— Блин, — давясь смехом, всё же в ответ на Милкино недоумение пробормотала: — Прости, но на них как будто единорог накончал.

Милка возмущённо сморщила нос.

Лета пробормотала себе под нос:

— А по-моему, нормально.

Но настаивать не стала. Они между собой подружки, а она — так, сбоку припёку. Спасибо и на том, что её позвали. Если вести себя аккуратно, может, получится вписаться в их компанию, а то сидеть одной без подруг Лете очень надоело.

Атари показала свой выбор — чёрное платье выше колена, приталенное, с асимметричным подолом. Её яркие зализанные назад волосы и ядовито-синяя подводка смотрелись выигрышно на фоне однотонной одежды.

— Шик. Ставлю десятку, что сегодня Куро наконец-то пришвартуешь. — Сложив руки на груди, Милка оглядела подругу.

— Ой... — Атари закатила глаза. — Нужен мне твой Куро. К тому же к нему Мику подкатывает, нафига мне такие проблемы.

— Ну, бери Ака, он точно свободный. С Лешим породнишься, — Милка улыбнулась с намёком. — Я ж вижу, как ты глаз с него не снимаешь.

Лета наострила уши. Акихиро — родня Лешего? Это объяснило бы его самоуверенные повадки и понтовый прикид.

Пока Атари, красноречиво скривившись на упоминание Ака, отошла к вешалкам с юбками, Лета ненавязчиво притёрлась к Милке и тихо спросила:

— Так что у Атари?.. В тот раз ты говорила, она по Джанки сохнет, теперь...

— Не шухерись, — ответила Милка тихо и серьёзно, уже без улыбочек, — не тронет она твоего милуша. Так просто, звала его гулять, но это фигня.

— Тогда в чём тема?

Милка зыркнула в сторону того ряда, куда ушла Атари.

— Это я её дёргаю, чтоб расшевелить. Про парней, про шмотки. А то её закоротило на Потопе, одно про месть думает. А это не дело. Нужно жить сейчас, а не прошлым.

— Она с Затопа? — догадалась Лета.

Милка кивнула:

— И Рысый, и Хек. Они с одного класса. Так со школы сюда и рванули. А её родители утопили, совсем у плотины жили. Пиздец что было...

— Я видела, — вырвалось у Леты. Запоздало подумала, что не стоит откровенничать лишний раз, однако тема-то чувствительная, обсудить её хочется, а не с кем. Так что девушка продолжила: — Я была там. Вот, — она указала на свою левую щёку со шрамами.

— Это тебя там?! — Милка нахмурилась, приглядываясь к её лицу. — Тоже с Затопа? Джанки сказал, ты с Щучек.

— Да. С Щучек. Я там просто случайно была. Иногда гуляла. Просто не повезло. Точнее, повезло — легко отделалась.

— Такие шрамы странные, — Милка продолжала изучать её лицо. — Будто осколками посекло.

Ничего себе, пронизательная. И откуда она знает, как выглядят шрамы после осколков?

— Ага, — Лета нехотя кивнула.

В принципе, взрывы во время Потопа не были тайной, об этом говорили — но втихаря и только с близкими. Тема была опасная. В первые дни после Потопа были даже видеозапи-

си в сети, но потом все исчезли. А тех, кто во всеуслышание настаивал, что дамба обрушилась не из-за ветхости материала, а в результате «внешнего воздействия» — то есть, говоря прямо, её взорвали, — забирали в милицию «за распространение ложных сведений, порочащих честь официальных органов власти». Некоторых посадили, некоторых отпустили — но после этого они уже молчали насчёт Потопа, из чего Лета заключила, что лучше и ей молчать о том, что она видела.

— А что только с одной стороны?

— Я ж говорю — повезло. Там плита была, прикрыло.

Конечно, в глубине души Лете было приятно, что Милка — взрослая и авторитетная — обсуждает с ней такую серьёзную тему на равных. Но всё же, несмотря на восемнадцать лет, у Леты уже было понимание, что есть в этой жизни опасные вещи, и сейчас разбалтывать всю правду не стоило — и так уже слишком разоткровенничалась. Она ни с кем не делилась про те события, хоть и было очевидно, что вернулась домой покоцанная именно после Потопа, нетрудно было сложить два и два. Некоторые в их дворе тогда любопытничали, спрашивали, но она всех отбрила. А Милка хоть и казалась надёжной, но всё же была чужая, поэтому Лета не собиралась вот так с ходу сообщать, что в тот день от взрыва её прикрыло вовсе не плитой.

Звякнула металлическими кольцами шторка на дальней примерочной, Пилви выбралась с ворохом одежды, однако с

недовольным вздохом сгрузила всё на стол для не подошедшего.

— Белое — тупо. Ещё ж не свадьба. А он, может, вообще передумает. А я приду в белом, как дура.

— Не передумает, — успокаивающе сказала Милка.

— Точно? — Пилви надула губы с несчастным видом.

— Точно. Вон тот ряд ещё не смотрела.

Блондинка проныла что-то страдальческое и отправилась в указанном направлении, а Лета вопросительно посмотрела на Милку, хотя вслух спрашивать не стала: всё же она им чужая. Однако та ответила:

— Хек говорил, как Пилви юбилей стукнет, так позовёт швартоваться.

— А-а-а... — протянула Лета с пониманием. — Он там что-то намекал сегодня.

— Ага, — бросила Милка мимоходом и переключилась на тему, которая, очевидно, волновала её гораздо больше: — Так слушай, ты, значит, видела, что были взрывы? Бомбы?

Нет уж, внутренний радар опасности окончательно загорелся красным светом, и Лета закрылась в себе, психологически отгородившись от легкомысленного похода за шмотками, — словно вновь вернулась в тот пугающий до чёртиков день. Она видела взрывы. И точно знала, что бомбы были, а вся эта официальная болтовня про износ материала и размывание дна под плотиной — наглейший трюндёж. Но, во-первых, такая инфа имеет свою цену — и не подходит для

светского разговора возле примерочных, — а во-вторых, Лета вообще не хотела трогать эту тему. Всё, что касалось того дня два года назад, она хранила в самой глубине памяти и ни с кем делить не хотела. Некоторые вещи безопаснее забыть.

Так что сейчас Лета отвела взгляд и с деланным равнодушием ответила:

— Я не знаю, что видела. Всё было быстро. Громко. Не поручусь.

Милка, судя по всему, почувствовала её настрой, решила нажать:

— За хорошую инфу не только я, но и Леший отблагодарит.

Лета мысленно отметила: Леший заинтересован в теме Потопа. Как хозяин околоречной территории, он принял к себе людей из затопленных районов. Связано ли это с тем, что Камень интересуется делами Лешего и заводом, брошенным в то же время?

Стараясь психологически отгородиться от давления подступившей к ней Милки, Лета даже лицо отвернула.

— Нет у меня никакой особой инфы.

— У себя на районе про это говорила? — настаивала Милка.

— Нет! — девушка сорвалась окончательно. — И я вообще не хочу про это говорить!

— Лады, — Милка примирительно подняла ладони и отступила на шаг. — Не шухерись. Выбрала что-нибудь?

— Не знаю... — выдохнув, Лета постаралась успокоиться. Порылась в своей куче отобранных вещей. Выудила фиолетовое платье из плотной хлопковой ткани, закрытое на груди, мешковато-свободное и с воланом на подоле. Вроде как скромное, но романтичное. Приложила к себе. — Как считаешь? Джанки что-то не нравится короткое, а тут вроде...

— Вполне, — Милка внимательно оглядела Лету. — Щас ещё пойдём в салон, так можно пряди такие же нарастить. Или даже косички. Такие же, фиолетовые. Прикольно будет. Типа, фермерша с коровой.

— Да? — Лета расстроено сдёрнула с себя платье.

— Да нормально, отвечаю! Такого точно ни у кого нет.

— Не знаю... — Лета подняла вешалку выше и критически оглядела подол с воланом. — Я платья обычно не таскаю.

— Бери! Попробуешь. Правда ж прикольное? — обратилась Милка к подошедшей Атари.

Та посмотрела на платье.

— Я б не надела.

— Да ты-то ясно. Надо, чтоб Джанки понравилось.

— А я почём знаю, что ему нравится! — И Атари удалилась в примерочную, резко задёрнув шторку.

— Это да, — тихо сказала Милка. — Что *ему* нравится, никто не знает. Интересно, как же *ты* его склеила? Такая уж ты фильдеперсовая? — она улыбнулась, но доброжелательно, без наезда. — Просто никого Джанки не швартовал, а тут — хоба, шмара. Скажи? — она повысила голос в сторо-

ну приближающейся Пилви. — Я тут интересуюсь, чем Лета звезду нашу склеила. Мож, курсы какие есть обучающие, так мне тож надо.

— Мне не надо, — ответила Пилви. — Но я послушаю.

И вот тут Лета осознала, что недостаточно подготовилась к этому разговору. Нет, история у неё была заготовлена, вот только Милка стояла так близко и смотрела ей в лицо так внимательно, что точно заметит враньё. Придётся перестраиваться на ходу. Сказать правду, но не целиком.

— О, — улыбнулась Лета довольно, — это была такая история... Он меня спас.

Девушки переглянулись заинтригованно, и Лета продолжила с вдохновением:

— Я до сих пор люблю гулять у воды. Не знаю, тянет почему-то. То есть вроде и боюсь, но и тянет. И вот я пошла — и как дура свалилась туда. Ну, думала, там надёжно, ногу поставила, а оно... Вот и шрямднулась прям в воду. А он меня вытащил. А потом пришёл в наш двор.

— Прям во двор пришёл тебя звать? — Милка усмехнулась удивлённо.

— Ага, — Лета даже сама почувствовала гордость. — По имени нашёл.

Да, со стороны история выглядела крайне романтично: Джанки искал её, нашёл на другом конце города, пригласил на виду у всего двора... Если только не уточнять, что пригласил на дело, а не на свидание.

Но в целом это была правда, и на вранье её девчонки не подловят, так что Лета вдохновенно продолжила:

— Конечно, наши парни все зашухерились, мол, чужак какой-то во двор зашёл. Один, там, деловой, подошёл к нам, спросил. Но Джанки ему прям в лоб сказал — «я с шоблы Лешего, и у меня к госпоже Лете романтическое дело». Тот аж глаза выпучил.

Лета хихикнула, и девушки обменялись недоверчивыми взглядами и удивлёнными улыбками, даже Атари, которая уже вышла из примерочной и тоже прислушивалась. Всё это в самом деле звучало романтично.

— Ну и вот, — гордо закончила Лета. — Позвал.

— Фига история, — Милка уважительно покачала головой. — Не думала, что Джанки так может.

— Все парни любят спасать, — авторитетно заявила Пилви, будто очень взрослая и опытная. — Самый верный способ — попросить его помочь. Сказать, что ты, там, пиво открыть не можешь, или щеколду заело, или что. А уж если свалиться ему под ноги, то наверняка.

— Ой, не скажи, — презрительно фыркнула Атари, — зависит от парня. Я так на свиданке навернулась с каблов — посреди кафе. На том любовь и кончилась. Ныл потом, что я его опозорила перед всеми.

— Это когда ты лодыжку порвала?

— Ага. И хер меня кто на руках тащил, сама ковыляла.

— Ну... — Пилви помялась. — А меня Хек тащил.

— Сравнила, блин. Хек на тебя молится по утрам и вечерам.

Милка непристойно заржала:

— Что по утрам и вечерам — это точно, но вот молится ли...

— Фу, — Пилви уставилась на неё осуждающе.

— Чё «фу»-то? Ты вроде замуж за него собралась. Платье нашла?

— Не. Вот. — Пилви приложила к себе белую джинсовую мини-юбку.

— Классная, — с искренним восторгом улыбнулась Лета.

Пилви оглядела девушек, ожидая реакции. Милка уверенно показала оба больших пальца, а вот Атари смотрела кисло.

— Не, юбка хорошая. Просто... Ты хоть не догадайся залететь с ходу. Поживите хоть полгода, посмотри. Как пойдёт.

— Да всё нормально пойдёт, — настойчиво буркнула Пилви, закатив глаза. Видимо, эту тему поднимали не в первый раз.

— Дура ты, — спокойно сказала Атари. — Жизни не видела.

— А ты видела?! Сама старше на год!

— Да уж видела, и побольше тебя! И мозгов бы хватило не лезть во все эти... браки.

— Ша, — посерьёзневшая Милка подняла ладонь перед грудью Атари, словно рефери на ринге. — У тебя есть что

сказать за Хека?

Рыжая поколебалась.

— Нет. Хек честный, без вопросов. Просто... — Она снова повысила голос в сторону Пилви: — Ты же сама знаешь — куда тут рожать?! В нищету? В Затоп? Чтобы опять?..

— Мы поняли! — рявкнула Милка, обрывая подругу. — Все услышали твоё мнение. Но если прямых предьяв нет, то давай не будем нагнетать, у Пилви дэ-рэ, мы празднуем.

— Да спасибо, мне уже не хочется! — блондинка раздражённо швырнула юбку в кучу своих вещей и рванула куда-то в глубь комиссионки.

— Я схожу ещё там гляну, — Лета направилась в противоположный угол.

— Давайте, ещё полчаса и в салон, — сказала Милка ей в спину.

11. Юбилей Пилви

Оказалось, что грядущая помолвка Пилви была сюрпризом лишь на словах: в «Ретве» все собрались разнаряженные и то и дело поглядывали на Хека, который фланировал по залу в стилижном чёрном костюме, чёрной рубашке и белом галстуке-шнурке, а на голове у него красовалась свежая стрижка с коротким затылком и длинной чёлкой, которая смотрелась круто до умопомрачения.

Лета так поняла, что предложение будет в полночь, а пока девушки обтирали диван, пробуя коктейли из всех заказанных бокалов по очереди. Сегодня Пилви не валялась на подушках, а сидела с прямой спиной, изображая королеву вечера. В белой мини-юбке и нежно-розовом топе, открывающем идеально-плоский живот, она и в самом деле выглядела шикарно.

Лета тоже была довольна собой. Обновила стрижку и вылинявший цвет, теперь сочная зелень волос так и сверкала в лучах клубных прожекторов. Вместо сомнительного фиолетового платья всё же купила классные оранжевые легинсы и широченную фиолетовую футболку свободного кроя, которая идеально села и идеально — как бы ненароком — то и дело сползала с плеча. В такой одежде Лета чувствовала себя привычно, так что и настроение улучшилось. А то сидела бы сейчас как фермерша без коровы.

Джанки прошёл мимо, кивнул ей — Лета в ответ послала воздушный поцелуй — и вроде даже на её внешний вид не скривился. Можно считать, что доволен. Сел рядом с Вукко, и они полностью погрузились в беседу, не отвлекаясь ни на что, включая бутылки с алкоголем. Кальмар, сидящий с другой стороны от них, то и дело подливал себе в стакан, а они — нет. Хотя в прошлый раз, во время объяснений Рысого, Джанки не присоединился к его идейным речам, да и в целом не было похоже, что он поддерживает это движение «за полную чистоту». Курит, вон. Против химии высказывался, но как-то сам по себе, а не потому, что придерживается определённой идеологии.

Так что, дождавшись, когда они остались одни на диванчике, Лета наклонилась к Милке:

— А Джанки вообще не пьёт?

— Вообще.

— А почему?

Милка посмотрела в сторону столика, где сидели Джанки, Вукко и Кальмар.

— Значит, есть причины. Радуйся. Всем бы такие проблемы.

— Ну... — Лета помялась. Но решила настоять: — Я понимаю, но, может, ты что слышала? Чтоб я знала, к чему быть готовой.

Милка поджала губы. Помолчала. Но в итоге тоже наклонилась к Лете и понизила голос:

— Видала, что у Куро нос ломаный? И с Джанки он не здороваётся?

— Ага. Он и со мной сейчас не поздоровался. Посмотрел прямо на меня и мимо пошёл.

— Вот. Главная проблема с Джанки — что по нему ничего не видно. Он бухает-бухает, с виду трезвый. В тот раз тоже: сидели нормально, языками чесали, Куро тогда нормально с Джанки тусил. И тут Джанки встал и нос ему снёс.

— Ничего себе... — растерялась Лета, не понимая, то ли ей осудить своего «милуша» за беспредел, то ли встать на его сторону, даже если он не прав. Решила уточнить: — А за что?

— Ну... — Милка скривилась. — Точно не известно. Есть предположение, что из-за каких-то слов... Но тогда и ответить он должен был на словах. Или хотя бы озвучить предьяву как положено, ане ломать нос вот так с ходу. Так он ещё и нож достал! Это повезло, что Рысый рядом сидел, успел среагировать. Так что мягко обошлось. Ну, как «мягко»... Джанки Куро нос сломал, Рысый Джанки руку сломал, в общем, как обычно у пацанов, — Милка изобразила широкую улыбку.

— Ни-ичего себе... — от неожиданности Лета даже стала заикаться. — И поэтому Куро теперь игнорит Джанки?

— Ага, и друзья его. Так что и ты на всякий случай к никкэй-дзин не лезь, у них свои заморочки. Не всем нравится, что Леший набрал людей с других районов.

— Я и не собиралась, — ответила Лета, уверенным тоном показывая, что понимает серьёзность ситуации. — Понятно, что у них своя специфика. Бусидо и все дела. Но что, получается, Джанки не выперли после такого? И даже чин не сняли?

— Он хороший шуга, надёжный, — Милка пожала плечами. — После того случая прям исправился. Ну, то, про что ты говорила, — что раньше он совсем шалый был. Теперь получше. Ну, повзрослел. Ему только бухать нельзя, трезвый-то он нормально контроль держит. И ту ситуацию они с самим Лешим решали. Леший сказал: Джанки останется под условие, что ни капли ничего, а иначе сразу выпрут. Так он и не бухает с тех пор. Ну, я ж говорю: подфартило, что Рысый рядом сидел. Так-то тоже не по чести, но ещё ладно, тем более, что и ему руку сломали, как бы в обмен. А вот если б ножом почикал, то вылетел бы вообще без шансов.

— И Хмурая бы его обратно не взяла, — вставила Лета больше для того, чтобы показать, что она тоже кое-что понимает в этом всём. — А родители у него есть?

— Я их не видела и не слышала. Живёт сам по себе. — Милка отпила коктейль. — Так что смотри. Леший сказал: кто Джанки бухло нальёт — за это тоже штраф. Ясно, что с тебя прямого спроса не будет, ты не под Лешим. Но если узнаю, что спаиваешь его, я лично твою честь по ветру пушу.

— Спасибо, что предупредила, — ответила Лета со всей серьёзностью и приложила указательный и средний пальцы

правой руки над сердцем. — Клянусь.

Над головами раздался весёлый и уже невнятный от алкоголя голос Атари:

— О, чего это вы тут клянётесь?

Она пробиралась вдоль дивана, удерживая в каждой руке по два бокала с оранжевым коктейлем.

Милка пьяно засмеялась:

— Говорю, надо устроить Пилви нормальный девичник. Позвать мальчиков, заказать суши... Стриптиз, шуры-муры...

— Фига!.. — Атари уставилась на неё с неопределённой улыбкой. — А я вот Джанки скажу, что ты его шмару на сомнительные дела подбиваешь. — Размахивая бокалом, она заорала на весь зал, перекрывая пока ещё приглушённую музыку: — Джанки! Иди к нам! Тут щас няшки будут!

Парень в ответ вежливо улыбнулся, жестом показал: «Удачи» — и, снова посерьёзнев, склонил голову обратно к Вукко. Лета разочарованно закатила глаза. Как хорошо иметь фиктивные отношения: никто не ревнует, всем на тебя пофиг, хоть со стриптизёрами трахайся, хоть с кем.

— Привет, дамочки, — промурлыкал вдруг незнакомый голос. — Возьмите меня вместо него?

— Нэко! — счастливо вскричала Милка.

Бросилась к обладателю голоса и, прыгнув на него через бортик, повисла, обхватив ногами на талию. Тот закружил её, и они принялись целоваться — горячо и красиво, на виду

у всего клуба, ну чисто как в кино. Погодите, это же... Разве его зовут Нэко?.. Лете казалось, что кликуха у мужчины была другая. Этого горячего южного красавчика она точно видела уже не раз — на больших мероприятиях в их районе, концертах и тому подобном. Такую внешность невозможно было пропустить: тёмные кудри, серьги-колечки, равномерно покрывающие оба уха, жгуче-чёрные глаза с настолько тёмными ресницами, что они казались накрашенными, аристократический ровный нос и развязная ухмылка на пухлых губах.

Мужчина взглянул на неё в ответ.

— Привет, — девушка кивнула. — Мы уже встречались. Лета.

— Ага. — Поставив Милку обратно на балкончик, мужчина тоже легко запрыгнул к ним, бухнулся на диван, от чего всем пришлось подвинуться, и закинул на стол ногу в остроносом ботинке красной кожи.

— Ты теперь Нэко? — уточнила Лета.

— Мм.

— Это я предложила, — пояснила Милка. — Приносит удачу. Похож на кота. В самый раз.

Мужчина принялся пить коктейль, осматривая зал. На девушек он не смотрел и разговаривать с ними явно не горел желанием, только Милку за бедро щупал не глядя, от чего та счастливо сияла. Лета покосилась на точёный профиль. Она и не ожидала, что этот манерный красавчик, который тёрся в их районе, — из шоблы Лешего. Тут в основном люди были

попроще, обычные с виду. А он — будто рок-звезда.

Но и ладно, раз он не обращает на неё внимания, ей он тоже не сдался. Лета подхватила бокал с оранжевым коктейлем, который вкусно пах апельсином, и выпила сразу половину.

Всё же опять покосилась на парочку рядом: Милка и Нэко снова начали целоваться, очень даже откровенно и с жаром. Эх, вот бы ей так... И парень крутой, конечно, повезло Милке. Ну, то есть под стать ей — яркий, самоуверенный. Вряд ли такой звёздный красавец обратил бы внимание на простенькую девушку типа Леты.

Кликуху вот сменил... Нет, это не запрещалось, хочешь — меняй. Даже главные меняли. Индус, например, раньше был Точка, из-за манеры заканчивать свои фразы авторитетным «я сказал, и точка», а когда стал главой Индустриального района, взял кликуху в честь этого — показать, что интересы района для него важнее собственных. А Хель взяла такое имя после того, как её район затопило, — в память о погибших друзьях.

Хотя всё же чаще кликуху человеку меняли окружающие, обычно сокращая слишком длинные слова — вот как в случае с Пастой или Ака. В лицо, конечно, нужно было обращаться так, как человек сам себя зовёт, а за глаза звали как удобнее.

Сделав ещё глоток коктейля — вкусненький такой, пожалуй, этот понравился ей больше всех, — Лета радостно за-

вопила:

— О-о! — и указала на девушку-диджея, которая поднималась на сцену.

Та имела заливчатски торчащие волосы, свободную майку, в проймах которой сверкала грудь-нулёвка, и большие наушники на шее. Сейчас будут танцы! А раз Джанки занят разговором, то Лета попробует примазаться к компании Милки и развлечься.

На диван вернулась Пилви — с заплетающимися ногами и блаженной улыбкой. Помимо этого у неё блестели глаза, щёки были румяные, а губы характерно припухшие, из чего Лета заключила, что оргазм был не единственный. Позавидовала слегка. Да и ладно, зато ТАНЦЫ! Бросив оставшиеся коктейли на попечение обессиленно растянувшейся на диване Пилви, все прочие рванули на танцпол, и Лета тоже — стараясь выглядеть совершенно неподозрительно, не глядя в направлении Джанки и вообще делая вид, что всё так и надо.

Треки были огонь! Ударные, качовые, затем короткая передышка на меланхоличную романтику — и снова танцы.

В какой-то момент Лета подумала, что всё классно, вот только начавшийся на середине трека сэмпл с милицейской сиреной как-то нервировал и отвлекал, без него был бы лучше. Лета наклонилась было к Милке, чтобы поделиться своим мнением, как вдруг та сунула в рот два пальца, оглушающе свистнула и заорала:

— Шавки!

Танцпол мгновенно смешался, все бросились врассыпную, не успела Лета что-либо сообразить — погас свет. Темноту, по-прежнему бьющую в грудь басами музыки, теперь разрывали цветные вспышки стробоскопов и белые лучи милицейских фонарей. Стало очевидно, что сирена раздаётся снаружи клуба.

Лета огляделась, пытаясь понять, что ей делать. Вокруг мелькали люди — тихо и целеустремлённо. Как будто все знали, что делать в случае облавы. А она-то не знала! Не придумав другого варианта, рванула назад к знакомому дивану — может, там будет кто-нибудь из девчонок. Впрочем, уже на середине пути Лета поняла, что диванчики в тёмном зале все пустые.

Зато посреди тёмного и пустого танцпола стояла девушка: свет большого милицейского фонаря с той стороны обрисовывал её тёмный силуэт. Фигура у неё была невысокая и стройная, а длинные ноги в сочетании с очень короткой мини-юбкой свидетельствовали о том, что это Пилви. Девушка ревела в голос — отчаянно, с подвыванием.

— Мой... — её голос сорвался. — Мой... ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ! Уроды!

Подняв с пола пустую банку от пива, Пилви замахнулась — в этот момент её силуэт в свете фонаря был похож на контрастное чёрно-белое фото какой-нибудь революционерки с коктейлем Молотова — и швырнула банку в сторону милицейского робота. Робот резко повернул голову в направ-

лении потенциальной угрозы, его лицевой щиток вспыхнул красным, и он неестественно быстро ускорился в сторону девушки: только что движения были медлительные, а вот он уже оказался неподалёку от Пилви.

Однако в последний момент между роботом и девушкой в свет фонаря выскочил мужской силуэт.

— Эге-гей, — развязно протянул силуэт голосом Нэко. — Чур я первый на проверочку. Вечно дамочки вперёд лезут, но сегодня я никого не пропущу. Вот мои документики, извольте, — он понизил голос до мурлычущего баритона, раскинув руки в стороны и каждую секунду двигаясь так, чтобы находиться между роботом и Пилви. — Не-не-не, господин робот, даже не смотрите на неё, когда тут есть я. Неужели я не в вашем вкусе?

Лета — на цыпочках, что было, конечно, совершенно бессмысленно — быстро подкралась к Пилви сзади, взяла за руку и потянула назад, за свою спину, тоже прикрывая. Лицо у Пилви было зарёванное, с потёкшей тушью, ноги пьяно заплетались, да и взгляд был малость расфокусированный — конечно, в трезвом состоянии мало кто догадается бросать предметы в милицейского робота, он ведь в ответ и выстрелить может. Лета начала осторожно, но по возможности спешно отступать от робота. Пилви, к её чести, хоть и была сильно пьяна, но тоже сообразила, что надо валить, так что вместе девушки отошли от робота довольно быстро, ушли от милицейских фонарей вглубь тёмного зала, и там Пилви то-

ропливо нырнула в сумрак.

Теперь Лете оставалось придумать, что делать ей.

Видимо, милиция уже поняла, что эффект неожиданности прошёл, пора официально заявить о себе, так что из громкоговорителя прогремело: «Это милицейская проверка! Не оказывать сопротивления! Выключить музыку!»

Однако, словно в издёвку, музыка не только не выключилась, а стала даже громче. Лета заметила, что робот, который направлялся вглубь тёмного зала — к грохочущим динамикам — сначала замедлился, а затем и вовсе остановился, при этом слово «ПРОВЕРКА» на его лицевой панели пошло помехами. Ничего себе, какая полезная здесь музыка!

Но всё же некоторые люди выстраивались очередью в сторону выхода — туда, где милиционеры при поддержке своих пугающих бронированных собак проверяли документы. Лета рассудила, что и ей нужно туда, на проверку. А дальше она выйдет на улицу и поищет знакомых.

Так что девушка встала в очередь.

А потом заметила в соседней очереди Милку и с облегчением бросилась к ней.

— Справка? — деловито спросила та.

— Что? — Лета недоумевающе хлопнула глазами.

— Документы!

— Д-да... — Лета полезла в сумочку. — Удостоверение.

— Настоящее, что ли?

Воюющие сирены давили на нервы.

— Ну... — Наконец выудив пластиковую карточку, Лета показала её Милке.

— Ох ты ж, салака луковая! — Милка закатила глаза. Оглядела стоящих вокруг в очереди на проверку и пихнула в плечо парня неподалёку: — Где Джанки?

— Ныкает.

— Вот, — Милка схватила ладонь Леты и впихнула её парню, — пусть шмару свою занывает, у неё справки нет.

Ни капли не удивившись, парень тут же вышел из очереди и деловито потянул Лету за собой в глубь тёмного зала, к сцене, а Милка бросилась наперерез приближающемуся к ним милиционеру:

— Эй, капитан! Проверьте меня, пожалуйста, меня больная мама дома ждёт, я очень спешу.

Лета было подумала, что такой явный маневр не сработает — видно же, что они с парнем побежали вглубь клуба, — однако милицай в самом деле притормозил возле Милки. Удалось!

12. Побег

В большом зале сумрак хотя бы разрывали белые лучи милицейских фонарей, а затем, на лестнице, потёмки сгустились так, что Лета почти не видела деревянных ступеней. Однако парень вёл её уверенно. Да и прочие люди, иногда попадавшиеся им на пути, выглядели целеустремлёнными, словно каждый знал, что ему делать. Это успокаивало. Действительно, как ни странно, несмотря на облаву, темноту и отсутствие неведомой «справки», Лета чувствовала себя почти спокойно.

На нижнем подвальном этаже парень завёл её в тёмный угол, чем-то пошуршал, сдвинул какую-то неразличимую в темноте тумбочку — и откинул люк в полу. Там был ещё один подпол, снизу из люка мерцал слабый жёлтый свет и пахло землистым подвалом.

Спустив вниз узкую металлическую лестницу, парень подпихнул к ней Лету. Та спустилась, чувствуя, как в пальцы врезаются тонкие и очень гладкие металлические перекладыны. Парень спрыгнул за ней.

Внизу оказалось помещение неожиданно просторное, хоть и с очень низким деревянным потолком. Высота была достаточная, может, два метра или чуть ниже, но Лета всё равно на всякий случай склонила голову. В тусклом жёлтом свете было видно, что в этом подполе полным-полно ящи-

ков — деревянных и металлических — и четыре человека, пыхтя, парами таскают эти тяжёлые ящики куда-то в дальний угол, где раздавался тихий и равномерный механический гул, а ещё двое открывают некоторые ящики и что-то делают с содержимым.

В этот момент поодаль раздался металлический лязг — очевидно, один из таскавших слишком уж торопливо бухнул тяжёлый ящик на пол, — вслед за чем раздался приглушённый возмущённый голос:

— Тиш ты! Не картоху кидаешь, ща взлетим нахуй!

Сопровождающий Леты потянул её к парню, который, сидя на корточках, копался в одном из ящиков. Из-за капюшона его лица не было видно.

— Джанки. Тебе доставка от Милки.

Парень поднял к ним голову: между капюшоном и чёрной банданой, скрывающей лицо, блеснули жёлтыми отсветами знакомые глаза — которые удивлённо расширились при виде Леты.

— У меня нет «справки», — пискнула та. — Но, может, это ничего?

Доставивший её парень, выполнив задачу, потерял к Лете интерес и присоединился к работе с ящиками. Лета старательно избегала взглядом их содержимое: если она ничего не увидит, то и не придётся врать Доктору. Впрочем, против воли она заметила, что в дальнем углу, куда таскали ящики, было отверстие конвейера — вот что издавало этот тихий

гул.

Джанки закрыл крышку своего ящика.

— Шварый, я и Лета валим, — бросил он, поднимаясь.

— Ага, — ответил один из носильщиков, не отвлекаясь от своего занятия.

Достав что-то из своего рюкзака неподалёку, Джанки сунул предмет Лете в руки. Это оказалась тонкая чёрная балаклава, по поверхности которой шли белые точки и полоски кода, — такие же, как на его собственной бандане, и девушка уже заметила, что у других людей в этом подвале лица тоже были скрыты. Блин, вот и ей мог бы дать бандану, её надеть проще! Лета начала примеряться, чтобы не испортить причёску, от её медлительности Джанки раздражённо рыкнул и сам в два счёта натянул балаклаву ей на голову — не считаясь с причёской и макияжем, девушка лишь пискнула от неожиданности. Лета, конечно, понимала, что нужно действовать оперативно, однако она никогда ещё не пряталась от милицейской облавы, а весь этот таинственный подпол и вовсе казался каким-то нереальным — как будто театральная декорация и всё это не по-настоящему, — так что ей было сложно относиться к происходящему серьёзно. Однако Лета старалась изо всех сил. Потому что, если милиция поймает её в секретном подполе, наполненном взрывчаткой, никто не станет слушать объяснения вроде «Я не верила, что это реально».

Сграбастав ладонь девушки, Джанки в темпе потащил её

в обратном направлении — прочь из подпола, вверх по деревянной лестнице и затем по каким-то тёмным закоулкам. Свет его фонарика прыгал по крашеным стенам, высвечивая неровности. Музыка уже не было, только милицейская сирена приглушённо завывала из-за стены.

В итоге они вдвоём впихнулись в какой-то микроскопический чулан, и Лета закрутила головой, пытаясь опознать выход, но его не было: остальные три стены чулана были до потолка покрыты пыльным хламом. В промежутках между хламом стены чулана поблескивали металлом — словно состоят из витых и декоративных металлических реек.

— Наверх.

Джанки, ухватившись за эти самые металлические рейки, подтянулся к потолку чулана и откинул «крышу». Стало очевидно, что чулан — на самом деле кабина старинного лифта.

Парень опустился на одно колено, склонился. И что он имеет в виду? Встать ему на спину, что ли? Лета замешкалась.

Джанки шикнул раздражённо:

— Резче давай!

Ну ладно, она даст! Девушка смело бухнула ногу ему между лопаток — хорошо, что на ней были кеды вместо каблучков, — и ухватилась за края люка наверху. Не успела сообщить, а Джанки уже мигом разогнулся, подхватил её под бёдра и пихнул в проём, Лета неловко повозилась, но всё же выбралась в шахту лифта вполне оперативно.

Парень вылез вслед за ней — конечно, гораздо быстрее и сноровистее, — затем схватил откуда-то лежавший тут лоток и открыл дверь на площадку на полметра выше них. Туда выбраться было уже просто.

Из шахты лифта Лета выползла на четвереньках на покрытую прохладным кафелем площадку. К её удивлению, это была старая парадная лестница с витыми перилами, слабо освещенная уличным светом сквозь широкие окна на противоположной стене. Они явно оказались уже в другом здании: старинный интерьер выглядел более изысканно, чем простые коридоры клуба, хотя был уже старым, и казалось, что за ним не особенно следят. Просторная площадка лестницы выглядела так, словно это некое госучреждение, на реставрацию которого нет денег.

Джанки вновь схватил Лету за руку — ладонь у него была сухая и горячая — и потащил вверх по лестнице. Как же повезло, что она, хоть и сомневалась, но всё же надела сегодня удобные вещи, в которых сейчас летела по каменным ступеням сломя голову. Может, Джанки заранее предвидел возможные облавы и именно поэтому требовал «НОРМАЛЬНУЮ одежду»? В любом случае, сейчас кеды и удобная одежда Леты были просто спасением.

Добежали до верхней площадки парадной лестницы. Здесь скромные узкие и заваленные хламом ступени вели ещё выше, под самую крышу. Лета было застопорилась, но парень продолжил путь наверх, лавируя среди хла-

ма. Согнувшись на низеньком пяточке, они оказались возле небольшой коричневой двери с навесным замком. Он выглядел ржавым и закрытым, однако, когда Джанки потянул, легко открылся — оказывается, замок был прикрыт лишь для вида.

Низенькая дверь вела на чердак: душный горячий воздух, нагретый от крыши за день, скошенные стены и толстые деревянные балки, поддерживающие своды. Джанки уверенно направился к одному из маленьких окон с грязными стёклами. Тихо, умело подтолкнул толстую деревянную раму, открыв путь на улицу. Лета восхитилась организацией их отхода: всё на их пути выглядело ветхим, пыльным и ржавым, давно не тронутым человеком, однако на деле оказывалось вполне работающим — если знать фарватер.

Парень осторожно выглянул наружу, затем бросил:
— Бегом.

Несколько секунд — и Лета была уже на пологой крыше, гулко отзывающейся на шаги. Было ощущение, что она ещё никогда не действовала настолько быстро: прошло лишь несколько минут, а они уже неслись, топоча подошвами по металлу, прочь от мигающих отсветов милицейских фонарей. Высота была головокружительной, воздух резал лёгкие, в балаклаве было душно, сердце колотилось так, что Лета не успевала дышать, но ей было легко и хорошо как никогда в жизни.

До тех пор, пока неподалёку не взвыл сиреной робоглаз —

угрожающе, требуя немедленно остановиться для проверки.

Пойманная в красный луч сканера, Лета по привычке мгновенно застопорилась, мышцы одеревенели, внутренности сплелись в тугой ком...

Однако Джанки настойчиво потянул её дальше и даже ускорился — по направлению к соседнему зданию, крыши здесь были впритык. Робоглаз припустил за ними. Конечно, они быстрые!.. Ведь не мог же Джанки в самом деле рассчитывать убежать от робота? Все знают, что это невозможно!

Парень как будто бы тоже понял, что их побег бесполезен, отпустил её руку... Лета уж было решила, что всё, приехали, остаётся лишь сдаться...

Но тут Джанки вытянул из-за одной из труб толстый прут металлической арматуры. Развернулся назад, к приближающемуся робоглазу, истошно воющему и мигающему красными огнями. Один из лучей попал Лете в глаза, она зажмурилась...

А в следующее мгновение услышала звучный металлический «бам» — и красный свет с её лица исчез. Девушка удивлённо открыла глаза. Робоглаз, потеряв ориентацию, кувыркался почти у поверхности крыши, дёрнулся вверх, чтобы снова подняться, но от следующего удара окончательно рухнул, сирена хрипло заскрежетала — и тут Джанки прицельно загнал арматуру в динамик. Тот всхрипнул, ещё несколько секунд тихонько поныл сиреной и окончательно умолк.

Уже в тишине — как приятно, что прекратилось это рву-

щее уши завывание! — Джанки разломал внутренности робоглаза, что-то поискал внутри, вытащил какую-то детальку и принялся прицельно бить по ней концом прута, от чего металлическая крыша так и грохала. Закончив с этим, парень поднялся, сунул арматуру обратно на её место за трубой, а распотрошённый корпус робоглаза допинал до края крыши и напоследок дал ему смачного пинка — круглый робот полетел как металлический футбольный мяч.

Сжав ладонь подошедшей к нему Леты, Джанки рванул назад, к их прежнему маршруту — видимо, они свернули на эту крышу только за арматурой.

Однако в той стороне дома шли не подряд. Впереди быстро приближался край крыши, Лета испуганно притормозила, однако Джанки уверенно подлетел к самому краю и в два счёта нырнул за парапет. Выглянув, Лета обнаружила ниже на стене здания небольшой металлический балкончик, от которого вниз шла пожарная лестница — боком к стене. Джанки уже быстро спускался по металлическим перекладинам.

Лестница была не то что совсем ржавая, но и далеко не новая. Она крепилась к стене лишь одним боком. И у неё не было страховочной сетки или реек. Одни голые перекладины, с которых сорваться — как нефиг делать. Лете вдруг показалось, что ветер стал сильнее.

Что ж, деваться некуда. Вцепившись в парапет и стараясь не думать о высоте, Лета перебралась на ту сторону, на балкончик — слава богам, хотя бы у него есть ограждение! — и

начала неловко нащупывать ногами узкие перекладины. Вот так, ничего страшного. Держимся руками. И ногами вниз перебираем, перебираем...

Снизу раздался тяжелый шум, словно Джанки спрыгнул с высоты. Однако Лета решила, что пусть она его задержит, но прыгать не будет, спустится до земли по лестнице. Осталось не так много.

Вот только на следующем шаге нога не нащупала перекладину, и Лету от неожиданности потянуло вниз, она еле успела крепче вцепиться в лестницу. Осторожно поводила ногой, пытаясь нащупать опору, но там ничего не было. Пустота.

— Прыгай, — раздался снизу приглушённый голос Джанки.

Куда прыгать-то?! Она даже не знает, что там! Вернув ногу на перекладину, Лета посмотрела вниз. Похоже, какая-то сволочь оторвала кусок лестницы. До земли было всё ещё высоко. Джанки стоял внизу и смотрел на неё. Поблизости не было ничего, что можно использовать как подставку.

Лета честно поколебалась. Но в итоге прошипела сдавленно:

— Я не могу. Уходи. Я вернусь.

— Давай. — Парень подошёл прямо под неё и протянул руки. — Я поймаю.

Лета выдохнула. Ещё раз посмотрела вниз. Пожалуй, если свесить ноги как можно ниже... Возвращаться обратно по крышам — не вариант, в одиночку она точно заблудится.

Останется ночью сидеть на крыше, холодная и голодная, а в итоге Джанки придётся лезть за ней. Позорище... Нет, лучше всё-таки попробовать.

Решившись, девушка осторожно присела на последней перекладине. Ей показалось, что лестница дёрнулась, гуляя на креплениях, а может, это голова закружилась. Лета как можно крепче вцепилась в предпоследнюю перекладину и свесила одну ногу в пустоту. Замерла в такой позе, набираясь храбрости...

Но, поскольку храбрости никогда не бывает достаточно, Лета неловко соскользнула подошвой второго кеда с перекладины — и повисла так. Лестница точно дёрнулась! От паники хотелось отключиться и срочно забраться обратно — что было всё равно уже невозможно — или хотя бы болтать ногами в воздухе, бездумно стараясь нащупать опору в пустоте. Лета кое-как удержала себя от этих порывов. Нужно сосредоточиться! Тонкая металлическая перекладина врезалась в пальцы, и нужно было торопиться.

Но как решиться, когда тебе настолько страшно?!
— Прыгай!

Зажмурившись от страха, девушка не то что прыгнула, а просто отпустила руки, падая в никуда — с уверенностью, что в следующую секунду будет валяться на асфальте с переломанными ногами.

Но вместо этого Лета почувствовала, что её подхватили под бёдра, она съехала вниз вдоль тела Джанки, в какой-то

момент их сильно качнуло, Лета в панике вцепилась в плечи парня, однако он удержался, заодно удержав и её.

— Живая?

Она удивлённо посмотрела в смешливые глаза Джанки, не веря, что всё удалось.

— Ага, — счастливо улыбнулась в ответ.

Подняла взгляд на пожарную лестницу. Действительно высоко. Но они справились!

13. Обвинения

Здесь, в проулке, Джанки стянул бандану, разрешил и Лете снять балаклаву, убрал её в рюкзак. Девушка спешно причесала волосы пальцами, стараясь не думать, насколько ужасно сейчас выглядит — может, тушь размазалась или что. Должна быть стойкая, но вдруг.

Окольными задворками выбрались на широкую улицу. Вдалеке виднелись вспышки красно-синих огней, однако здесь, где они вышли, было тихо. Джанки уверенно обнял Лету за плечи и направил в противоположную от милиции сторону, тихо пояснив:

— Весь район закрыт. Идём ко мне.

Лета согласно мыкнула.

Прошли немного.

— Про что с Милкой болтали? — вдруг спросил Джанки.

— Про всякое.

— И что там было за «всякое», когда вы чуть во мне дыру не протёрли своими гляделками?

А, вот он о чём.

— Милка сказала, если я тебе бухло налью, — буду иметь дело с ней. Заботится о тебе.

Парень ничего не ответил.

Поначалу они шли вот так в обнимку, для отвода глаз изображая парочку, затем — уже без обнимки — свернули

во дворы, то и дело срезали через какие-то тёмные подворотни, спешили быстрым шагом, и Лета еле успевала переводить дыхание. Сердце тяжело билось о рёбра.

Наконец добрались. Тёмный дом, подъезд с жёлтым светом и потёртые ступени показались Лете почти родными — целый второй раз здесь! Считай, уже местная.

На кухне Джанки достал банку шпрот и сделал бутерброды на двоих. Это было очень к месту, после забега по крышам Лета проголодалась как волк. Даже не обратила особого внимания, что табуретка жёсткая и неудобная. В конце концов, Лета уже поняла, что Джанки не особо следит за комфортом.

Когда утолила первый голод, можно было задать вопросы, давно крутившиеся на языке.

— А что за «справка»?

Джанки в ответ лишь скептически поднял бровь. Естественно, с чего ему доверять ей.

Так что Лета постаралась прояснить:

— Интерес чисто для себя. Может, мне тоже такую надо, а я не в курсе.

— Те не надо, — парень пренебрежительно дёрнул носом и откусил от бутерброда.

Но Лета не привыкла отступать так просто. Если намечается полезная тема, она обязана выяснить, что к чему: в жизни всё пригодится, ведь у неё прикрытия нет, родители самые обычные, так что нужно самой о себе заботиться и раз-

браться, как устроена эта жизнь.

Так что она внимательно следила, как Джанки жуёт. Около губ парня была крошка, по пальцам уже потекла дорожка масла со шпрот. Дождавшись, когда он прожует, спросила:

— Почему?

Джанки закинул в рот остатки бутерброда и слизнул каплю масла с пальца.

— У вас часто облавы бывают? Вот такие, — он кивнул на окно кухни, за которым темнела ночь.

Лета подумала.

— Нет. Только штатные проверки. Где-то раз в месяц.

— И что Камень за них говорит? Как ся вести?

— Не оказывать сопротивления. Показать документы и свободен.

— Настоящие? — Джанки многозначительно поднял брови.

И лицо у него было насмешливое — будто бы над её наивностью. Лете это не понравилось, хотя пока что она не могла сообразить, куда он клонит. Нехотя ответила:

— Да.

— А ты ж говорила, у вас по дворам шниль толкают. Колёса тоже?

— Ну да. Как везде, — Лета повысила голос несколько агрессивно. Захотелось оправдать свой район. — Да что там «шниль»... Ну, наушники, там, приставки бэушные... По мелочи. Не такая прям торговля, как *у вас*на Южном рынке,

— подколола она. — И таблетки простые. Парацетамол дешёвый, всякие эти лекарства обычные. Не то что прям «колёса». Ничего такого особенного.

Однако Джанки в ответ снова усмехнулся этой своей снисходительной улыбочкой.

— Ты скажи! — потребовала Лета. — Чем вот это вот ржать тут. Объясни.

— Я тогда, неделю назад, у вас пехом прошёл — дворы глянуть из интереса. И вот пока я шёл, знаешь, сколько разов мне химию предложили?

— Не знаю, — буркнула девушка, уже догадываясь по его тону.

— Четыре. И лирику, и замазку, и розовый, и всё на свете.

— Да не может быть! — возмутилась Лета. — Ни разу я такого не видела, и никто мне не предлагал.

— Ну, — Джанки смерил её взглядом, — будь я барыгой, тож бы тебе не предложил. Они ж не тупые.

— А тебе тогда почему? Хочешь сказать, ты похож на покупателя?

Он пожал плечами.

— Чувакам всегда больше предлагают. Дамочки и без розового могут получить что хотят. Замазку притащить на свиданку — тоже чуваку интереснее, больше шансов, что дадут. — Он взял из пакета кусок хлеба и макнул в масло от шпрот. — Да к тому же я по сторонам смотрю, вот они и думают, что ищу товар.

— Так а что «товар»... — упавшим голосом сказала Лета, всё-таки пытаясь возразить. — Замазка вообще-то легальная. Лирика тоже, её в аптеках продают.

— Да, — согласился парень. — Формально легальная. Но подсесть на неё — как два пальца.

— Ну так не надо подсаживаться, — высокомерно ответила Лета. — Надо же как-то головой думать. Так можно и аспирином до смерти убиться. Что же теперь, ничего не продавать?

— Продавать, конечно, — философски ответил Джанки. — И я так погляжу, у Камня неплохой гешефт, потому что предлагают любому-каждому. Обычно между своими это всё, а тут — меня впервой видят и уже готовы достать всё на свете, только бабки плати. При этом робоглазы по району трутся, как у себя в Малене. А облав почему-то нет.

Физиономия Джанки была всё такой же ехидной, и у Леты появилось желание оправдать Камня — будто эти сомнения бросали тень и на её собственную репутацию.

— Доктор говорил, у них всё прихвачено. Уговорено с милициями. Там, через кого-то. Это уж я не знаю. Почему ты думаешь, что так нельзя?

— Можно, — протянул Джанки многозначительно.

Эти расплывчатые намёки раздражали. Так что Лета бросила грубовато:

— Ну так и скажи прямо. Что ты знаешь за Камня?

— О-о... — тут уж парень заулыбался так, что на щеках

проступили ямочки. Откинулся спиной на стенку холодильника, посмотрел на Лету снисходительно. — А ты ему буквально передашь или своими словами?

— Чего?! Я вообще-то не из таких! И так-то если вспомнить, ты сам меня позвал, а теперь выделываешься, будто это я тебе на шею навязалась. Если есть что сказать — говори прямо.

Джанки стал серьёзным. Положил локти на стол, наклонился вперёд, но вместо лица Леты опустил взгляд на банку от шпрот, где теперь осталось лишь масло. Толкнул её пальцем.

— Те в «Ретве» химию предлагали?

Девушка подумала.

— Нет.

— Верно. Потому что запрет. На весь район. Замаску кое-как можно найти, но и то косо смотреть будут, а уж лирики вообще нет. Хоть она легальная, хоть как, но Леший сказал — чтоб не было здесь этого дерьма. А у Хмурой в районе была?

— Да.

— И как там?

— Ну... Мне не предлагали. Но я просто людей не знаю. Если знать, так, уж наверное, достать можно.

— Ты доставала?

— Нет, — Лета возмущённо дёрнула плечами. — Так мне и не надо. Но все знают, что у Хмурой самый большой бизнес

в городе.

— А в районе химии нет, — Джанки смотрел на неё серьёзно. — Ты ж в курсе, что я у неё был. У Хмурой в лабах правило: выносить ничего нельзя. Для себя, для друзей, для брата, для свата — нельзя и всё. На выходе шмонают, кого поймают, тому Хмурая лично руки укорачивает. При мне двоим пальцы подрубила. Остальные сами поняли.

Джанки напоследок дал щелбана шпротной банке и ослабленно откинулся на холодильник.

Лета нахмурилась.

— То есть ты прям хочешь сказать, что именно у нас в районе больше химии, чем у других?

— Не «хочу», а так и есть.

— А с чего тогда у вас эта облава? Почему это у нас продают всякое и нет облав — ну, я поняла, что ты имеешь в виду, типа, Камень какие-то знакомства имеет, — но у вас то тогда с чего?

Джанки слегка улыбнулся себе под нос. Но всё же ответил:

— С того, что у Лешего есть определённый интерес, который не нравится маленовским шишкам. Вот они шавок на него и спускают.

— Это какой, например? — Лета нахмурилась. — Ещё хуже, чем химией торговать? Что, Леший ворует прокурорских дочек из Малена и продаёт на органы?

Джанки цыкнул.

— Хорош болтать. Спать пошли.

Вздохнув, Лета нехотя поднялась. Жаль, что напоить его нельзя, пьяных гораздо проще развести на болтовню. А то интриги напустил, про справку не рассказал — и всё, «спать пошли».

В комнате Джанки разложил диван, по-быстрому застелил простынёй, бросил подушку у стены. Указал приглашающе.

Лета с уверенностью бывалой уточнила:

— Футболку дашь?

Но он посмотрел с недоумением:

— Завтра никто не придёт.

— А вдруг придёт? Палятся всегда на мелочах.

— Хм. Есть такое. — Парень смерил Лету взглядом. —

А ты дошлая.

— Спасибочки. — Она игриво изобразила книксен, двумя пальцами придерживая подол невидимого платья.

И не стала уточнять, что просто не против ещё раз поспать в его футболке. А может, и посветить голыми ногами. Ох уж это чувство противоречия! Чем больше парень обещает «не лапать», тем больше хочется испытать его границы!

Лета легла, завернувшись в покрывало. Джанки выключил настольную лампу и тоже лёг — в одежде, на самом краю дивана, спиной к ней.

Вот только время-то детское! Даже двенадцати нет. Спать Лете совершенно не хотелось. Парень тоже дышал обычно, не сонно.

Так что она сказала:

— Ещё Милка сказала, что у тебя вроде родителей нет.

— Нет.

— Давно?

— Давно.

Да уж, ну и беседа.

— А что ты любишь?

— Чё?..

— Ну, там... еду. Вещи какие-нибудь. Любимый цвет.

Должна же я хоть что-то про тебя знать. А то спросят, а я вообще не в курсе.

— Считаешь, Милка спросит мой любимый цвет? Пф! Ну скажи — зелёный.

— То есть тебе нравятся мои волосы?

— Как-то похеру.

Лета вздохнула шумно, с показательным раздражением.

— Ты этими техническими штуками давно занимаешься?

Джанки помолчал. Лета уж было обнадёжилась, что в нём проснулась совесть и сейчас он сформулирует более развёрнутый ответ, однако нет.

— Давно.

Девушка цыкнула:

— С тобой ахеренно сложно разговаривать.

— Так и не говори.

— Вот поэтому у тебя и подружки нет.

— По чему «поэ-этому»? — протянул Джанки угрожающе и даже повернулся на спину.

— Потому что ты... — Лета подумала, как бы это получше сформулировать. — Сам по себе. Вот точно тогда сказал: сам за себя.

— А кто за меня будет? Ты, что ли?

Девушка обдумала такой вариант и честно сказала:

— Я могла бы. Но ты же сам не позволяешь. Закрылся и всё. Не говори с ним, ничего.

Джанки окончательно повернулся к ней, привстав на локте.

— Хорош заливать, — выплюнул ядовито, — *дамочка*. Ты тут лежишь чисто за бабки. И мне эта болтовня по душам нахер не упала.

От возмущения Лета тоже приподнялась на локте.

— Хорош мудака из себя кроить! — она передразнила противным голосом: — «За бабки»...

— А что, не так?

— Ну, знаете! Бабки мне, ясно, нужны, пожрать никто бесплатно не даст. Но я не всякую работу беру и не у каждого.

— Разборчивая? — прозвучало максимально ядовито и едко.

— Знаешь что? — Лета полностью села. И начала быстро пробираться в низ дивана, чтобы не перелезть через парня. Спокойно постановила: — А иди-ка ты. И бабки твои я верну. Раз для тебя это самый главный в жизни вопрос.

Схватив в потёмках свою одежду, Лета рванула на кухню.

Щёлкнула выключателем. Но не успела понять, с какой стороны совать ногу в легинсы, как в дверном проёме показался Джанки. Остановился как обычно — равномерно на обеих ногах, руки в карманы, — глядя на неё исподлобья.

— Куда собралась? — прозвучало с наездом.

— Домой.

Всё ещё с легинсами в руке, Лета подошла, встала перед ним и вскинула подбородок. Честно говоря, было некомфортно — с голыми ногами, с одних лишь трусах и его собственной футболке, но одёргивать подол она не будет. Подумаешь!

— Весь район шерстят.

— И что? Тебе, вообще, какое дело? — Лета помолчала, однако никакого ответа не получила, так что решила продолжить: — Мож, выйдешь? Я тут одеваюсь.

Однако Джанки так и стоял. Недовольство в его взгляде давило буквально физически.

— Нельзя тут у нас милициям попадаться. Поставят на карандаш — проблемы будут.

— Ну и? Тебе что? Или... — Лета вдруг сообразила: — Думаешь, про тебя настучу? Про «Ретву»? Ну так не шуешься, я не шелупонь какая-нибудь, чтоб людей вместо себя сдавать.

Парень сделал шаг к ней, впритык. Хотя ростом он был ненамного выше, умудрился нависнуть сверху вниз. Процедил с раздражением:

— Иди ляг. Утром пойдёшь.

Лета хотела было сказать: «Или что ты мне сделаешь?»,

— но вообще-то ей и самой не хотелось тащиться куда-то посреди ночи. Однако и так просто сдаться, молча уступить она не могла. Так что девушка тоже подалась вперёд — вовсе она не боится и не смущается ткнуться носом прямо в его нос, пусть не воображает о себе! — и, глядя в его карие глаза, сказала:

— А ты извинись.

— За что? — опешив от такой наглости, Джанки даже подался назад и вытаращился на неё.

— За то, что я вообще-то по работе спрашивала — по твоей, которая тебе же и нужна. Чтобы выглядело реально. Чтоб было похоже, что мы вместе и я что-то про тебя знаю. Как с той едой в «Трале».

Он нахмурился с недоумением:

— Какой ещё едой?..

— Ну, тогда. Макароны твои. Всегда подружки едят у своих парней из тарелки, все парни на это жалуются. Вот я и изображала. Чтоб выглядело реально. Правдоподобно. А ты мне предъявил за это.

Парень помолчал, глядя ей в лицо, — теперь уже не шурясь раздражённо, а удивлённо распахнутыми глазами. Словно такая мысль не приходила ему в голову, а теперь он вдруг понял суть произошедшего.

В итоге опустил взгляд и отодвинулся, дав ей простран-

ство. Буркнул:

— Просто мне не нравится. Расспросы эти.

— Вот мог бы с самого начала так и сказать. А не тыкать мне за бабки.

Джанки зыркнул на неё с неожиданной ухмылкой, и Лета в ответ нахмурилась в недоумении. Чего это он развеселился?

— Ладно врать-то, я уговор держу, — парень старался сдержать улыбку, но она расплзалась всё шире. Видя недоумение Леты, пояснил: — А уговор был те не тыкать — ни за бабки, ни так.

И тут до неё дошло. Вот же дурак! Но, к сожалению, у неё сдержать улыбку тоже не вышло, так что в итоге они стояли уже как два дурака, вместе хихикая над совершенно тупой шуткой.

— Ладно, — милостиво сказал парень. — Прости, что наехал.

При этом лицо у него было такое, словно одолжение ей делает. Но чёрт с ним, Лета не стала придираться, сойдёт и так.

— Ты тоже прости. За общее дело? — она протянула кулак.

— За общее, — Джанки ткнул своим в ответ.

Девушка положила легинсы к другой своей одежде, лежащей на табуретке, и пошла в комнату. Забралась под покрывало. Всё-таки лежать здесь, в тёплом сумраке, было гораздо

приятнее, чем если бы она тащилась сейчас до дома. И стало вдвойне приятнее, когда Джанки лёг рядом.

Вдруг сказал:

— Сама ж, небось, допетрила, что справка — это липовая ксива.

— Ну, допетрила.

— Так чего спрашиваешь?

— Думаешь, мне такую не надо?

— Зачем?

Лета подумала.

— Мм. Наверное, незачем. — Но всё же захотелось набить себе цену: — Ну, мало ли, вдруг всё же возьмут в шоблу. Камень, конечно, не так уж берёт девушек, но вдруг.

— И нафига оно тебе?

Лету задел этот спокойный рассудительный тон. Тоже мне, опытный и многознающий!

Так что она взбрыкнула:

— А тебе нафига?

— Мне надо было. А тебе что шобла даст?

Девушка подумала. Вопрос был неприятный. Какой-то забирающийся под кожу и не находящий там ответа.

Но она всё же попыталась:

— Ну... Сам же знаешь. Городских особо за людей не считают.

— Думаешь, шестёркой ты будут за человека считать?

— Так а какие есть варианты? Что, есть какие-то иные

перспективы?! — Лета почувствовала, как мгновенно завелась и закипела.

Очень уж этот разговор напоминал разговоры с матерью, которая настаивала, что нужно поступать, и не куда-то, а в университет — как будто не она сама пролетела с экзаменами, сложила лапки и сдалась. А теперь поучала и рассуждала! Как будто Лета должна была в одиночку превозмочь все жизненные обстоятельства, победить все бури, стать сверхчеловеком и вознестись из их семейки неудачников прямоком в сияющие выси «не хуже, чем у людей».

— Нет, ладно! — выпалила девушка, испугавшись, что сейчас они с Джанки поссорятся. — Хреновая тема, давай сменим. Просто у меня там... в семье... тоже эту тему любят — и ну его.

— Давай сменим, — легко согласился парень. — Так с кем ты за меня раньше триндела? Что за «хмуровский чувак»? Так меня разрекламировал, что ты при встрече аж три раза повторила, что не дашь. Уже там мечтала заранее, что ли? — он усмехнулся.

Лета тоже смешливо фыркнула. Сменить тему было хорошо, тем более на такую — наполовину шутовую, а на другую половину уводящую внимание Джанки с её персоны на левого чувака.

— Ну да-а, — протянула девушка с иронией. — Расписал в лучшем виде. Что ты вообще неадекват, особенно если выпьешь. Но и без бухла не особенно мозги в пазы встают.

Хотя, вообще, мне так показалось, что он сам тебя не знает, а с чьих-то слов говорит. Шлам — знаешь такого?

— А-а-а, бля, Шлам! — Джанки рассмеялся так искренне, что Лета даже удивилась. Обычно он больше иронизировал, пряча усмешку в углах губ, а тут заржал от души. Насмеявшись, проговорил: — Да, знаю Шлама. Бля... Это он ещё неплохо про меня сказал.

— А что было?

— Ну... — Джанки помолчал, словно раздумывая, говорить или нет. Но в итоге всё же выдал: — Я его отпиздил за дерево.

— Чего?.. Какое ещё дерево?

— Ну там, понимаешь, росло дерево. То есть так: мы сидели бухали. Потом я пошёл отлить, зашёл под какое-то дерево. Типа большого куста, только лучше. И вот я смотрю на него — а оно офигенное. Я таких никогда не видел, у нас таких не растёт нигде. У него листья такие необычные были. И вот оно в темноте стоит передо мной, и я думаю — оно мне нужно.

— Дерево?..

— Да блин, ты не понимаешь, — оживился Джанки. — Оно было такое красивое! Просто... самое красивое, какое я видел в жизни. И я понял, что хочу его.

— Ну да. Понятно. Почему бы и нет, — серьёзно сказала Лета, внутренне иронизируя над этой странной историей.

Но парень её иронии не заметил, потому что был погло-

щён воспоминаниями и, кажется, до сих пор находился под впечатлением тех событий.

— Вот, — серьёзно подтвердил Джанки. — И я начал его тащить. Но тока его ж хрен вытащишь. Позвал Шлама. Он пришёл, говорит — ты что, дурак, нахрена оно тебе? Ну, я ему и вломил пизды.

— За дерево, — уточнила Лета.

— Ага. Чтоб не оскорблял его и вообще. Потом мы вдвоём его всё-таки вытащили. Копали там... Тянули. И вытянули. И понесли ко мне домой.

— Вы со Шламом? Вы такие прям друзья были?

— Да не, я его впервой видел. Просто бухали. Остальные разошлись уже, а он один остался. А тут — дерево. Он сначала не хотел, но я популярно объяснил, что или он копает дерево, или я его самого ща под этим деревом закопаю. Так что он бросил мекать и стал помогать, — Джанки рассмеялся. — Ну и вот. Дальше понесли домой. Сначала в лифт его толкали, оно не лезет. Забили, понесли по лестнице. На шестой этаж. А время уже ночь. Я тогда снимал комнату в коммуналке, там хозяйка была злющая, не разрешала вообще никого приводить, особенно с ночёвкой. И вот прикинь: два часа, все спят, а тут мы вваливаемся — бухие и с деревом. В общем, хозяйка меня выставила к херам. Вещи в окно выкинула и говорит: «Пиздуй отсюда вместе со своим кустом».

— Даже так? — удивилась Лета. — Как-то жёстко.

— Ну... — Джанки скривился. — Мы сначала пошвари-

лись, и меня слегка занесло.

— Прямо «слегка», — с иронией уточнила девушка, уже догадываясь, что в его рассказе самая нелюбимая часть истории пропущена.

— Ладно, сильно. Вообще накрыло, я уже реально был готов всех зарешать за это дерево. Там уже остальные вышли в коридор, стали разнимать нас с хозяйкой, милицаев вызвали...

— До такого?.. — Вот теперь Лета начала понимать, что Шлам не так уж и преувеличивал свой рассказ. Милицаи-то в Порту были, просто к ним старались не обращаться, предпочитая решать между собой, а если уж тут дошло до такого, значит, история была реально швах.

И следующие слова Джанки это подтвердили:

— Ну я вроде как закрылся в комнате — с ней и с ножом. Хотя это я чё-то даже не очень помню. Но в протоколе написали — взял в заложники с угрозой для жизни. В общем, повезло, что хозяйка не стала раскручивать эту тему, а просто выкинула меня и всё. То есть вещи в окно выкинула, а меня милицаи вниз стащили — суки, бля, все ступеньки спиной пересчитали. В бобик сунули и в трезвяк увезли.

— А дерево? — обеспокоенно спросила Лета.

Почему-то её охватила печаль от такого финала. Да и Джанки больше не смеялся, от его оживления в начале рассказа не осталось и следа. В комнате словно бы разлилась грусть.

— Не знаю, — тихо ответил парень. — Пока меня выпустили, там уже и вещей не осталось. Ну, чашку битую нашёл в кустах, а больше ничего. И дерева не было. Я и на мусорке смотрел, и везде. Может, его уже увезли на свалку. Ну, то есть я и на свалку ходил. Но там местадохрена, хрен найдёшь одно дерево. Ну, зато встретил знакомого чувака, пожил у него какое-то время.

— Да уж, — невесело сказала Лета. — История, однако. Как-то так сразу всего лишиться... А главное — дерево жалко.

— Это да. — Джанки вздохнул. — Ладн, давай спать.

14. Шобла Камня

Утром Лета проснулась на удивление свежей и отдохнувшей. Открыла глаза, покосилась на Джанки рядом. Он прилег на краю дивана, спиной к ней, натянув поглубже капюшон болотно-зелёного худи и подложив под голову руку. Дыхание медленное и равномерное. Спит.

Девушка обвела ленивым взглядом комнату, некоторое время разглядывала качающиеся за окном зелёные ветки, трещину на потолке и тёмные пятна на бежевых обоях, обрисовывающие силуэт диванной спинки: видимо, и до Джанки здесь жил холостяк, спавший в основном на сложенном диване.

В конце концов Лете окончательно стало скучно. Она покосилась на болотную кофту. Прислушалась к тихому сопению. Может, удастся выбраться осторожно, чтобы не разбудить?

Медленно и аккуратно поползла к низу дивана. Опустила на пол ногу, затем вторую — диван громко и противно скрипнул, и девушка замерла, глядя в лицо Джанки, видимое под капюшоном. Его дыхание вроде бы не изменилось. Отлично!

Взяв свою одежду, Лета на цыпочках прокралась на кухню, переоделась. Тихонько обулась. И, стараясь щёлкнуть замком как можно тише, выскользнула в

подъезд.

Настроение было отличное. На улице стояло тёплое июньское утро, бодрящий и освежающий ветер налетал порывами — он так сильно пах морем и водорослями, что даже перебивал извечный запах Затопа, — в просветах облаков виднелись насыщенно-голубое небо и даже солнце. Погода была пусть не идеальная, но вполне ясная для приморского города, и лето было ещё впереди. Сейчас она зайдёт домой, примет душ, сделает маску для лица и парфюмерное обёртывание для волос, а дальше — по настроению. Может, погуляет, вся из себя красивая, а может, поваляется на кровати с любимой музыкой.

В поезде наземки Лета села у окна и жмурилась под жаркими через стекло лучами солнца. Утром понедельника и в транспорте, и на улицах народу было совсем мало, все на работе.

Однако в своём дворе её поджидал неприятный сюрприз в лице Пасты, который, чуть Лета появилась на горизонте, поднялся со скамейки и встал на траектории её движения, недвусмысленно уставившись. Пришлось подойти.

— Тя Доктор спрашивал.

— Зачем? — скорее риторически буркнула Лета и, не сдержавшись, изобразила утомлённое лицо. — Я домой хочу.

— За *милуша* твоего, — тон у Пасты был ядовитый. — Сказал, чтоб сразу подошла, как с блядок явишься.

Лета и хотела бы сказать: «*Ты*, конечно, стуканул на меня Доктору — чтоб подлизать?» — но связываться с бугаём Пастой себе дороже, ещё в морду даст. Понятно, что по уставу не имеет права, но — в этот момент Лета вдруг очень остро это осознала — у них в районе давно уже живут, ориентируясь не на устав, а на волю Камня и его мичманов. Придётся проглотить язык и идти.

Тем не менее, Лета всё равно попыталась сопротивляться. Поколебавшись, пробормотала сквозь поджатые губы:

— Сначала домой зайду, поем.

Шагнула в направлении своего подъезда, но Паста быстро заступил ей дорогу.

— Сказано: сразу.

— А я сказала: есть хочу!

Лета попыталась обойти, но парень схватил её за плечо.

— Иди давай!

— Отстань! — она вскинула взгляд на лицо Пасты, сжала кулаки.

— Э-э-э! — раздалось слева вместе со звуком приближающихся шагов. — Паста, девку пустил.

— Пастораль! — оскалился парень. Он терпеть не мог, когда его сокращали до небрежного «Паста», так что на это мало кто решался.

Разве что Шоха, который, приближаясь к ним, лишь отмахнулся:

— Ага. Слышал меня?

Щёки и подбородок Шохи заросли неопрятной щетиной, тёмные лохмы на голове местами были слёжаны, как после подушки, а местами торчали абы как — в общем, было ясно, что у него очередной период запоя. Это подтверждал и запах: от подошедшего мужчины разило перегаром, несвежей одеждой и душным запахом ячменного пива — на светло-голубых джинсах виднелись какие-то разводы, и Лете хотелось верить, что это как раз пролитое пиво, а не *что-либо другое*. Она непроизвольно задержала дыхание, борясь с чувством отвращения. Однако сейчас Шоха был вроде как трезвый: с виду адекватный и даже не шатался.

— Доктор сказал, чтоб она подошла. — Паста и не подумал разжать пальцы.

— И что с того, что сказал? — Шоха все гласные развязно тянул, а согласные произносил нечётко, словно стиль «пьяной речи» уже вьелся в него намертво. — Он тут не мэр — командовать. Мэры все в Малене.

— Я сказала! — Лета снова дёрнула плечом. — Сначала поем, потом пойду.

— О, видишь? — тон у Шохи был добродушный. Всего лишь обычная болтовня во дворе. — Она потом сходит.

Лета, ободрённая его поддержкой, отступила назад, дёрнула руку сильнее и наконец-то вырвалась.

— Надо сейчас! — Паста, разозлившись, раскинул руки и двинулся на девушку, пытаясь поймать её в охапку.

— Так, блядь. — Помимо резко похолодевшего голоса

Шохи по двору разнёсся металлический звук взведённого курка. — Отошёл от неё.

От Шохи Лета всегда старалась держаться подальше — в буквальном смысле, — поэтому его револьвер настолько близко видела впервые. Он был *огромный*. Даже по сравнению с головой Пасты, куда сейчас было направлено серо-стальное дуло.

Паста в самом деле отступил на пару шагов, хотя с виду был не такой уж испуганный. Наверное, не верил, что Шоха выстрелит.

— Во. Молодец, — шуга вернулся к доброжелательному тону, хотя револьвер не опустил.

— Доктор с тебя спросит, — буркнул Паста.

— За что, интересно? За шушеру дворовую, которая перед всеми девку лапает? Так я с него тоже спрошу — что беспредел допускает. По-хорошему, голосовать бы против тебя на приёме. Нам в шобле такая шелупонь не нужна.

— Посмотрим, — процедил Паста.

— В трусы се посмотри, вдруг что интересное увидишь. А мы так-то без тебя разберёмся. — Шоха наконец опустил револьвер, крутанул его на пальце, как в старых вестернах, и сунул в кобуру на бедре. Посмотрел на Лету: — Давай, куда там те надо.

— Спасибо, — девушка на всякий случай опустила взгляд и даже смиренно склонила голову. — Я сейчас домой зайду и потом сразу схожу.

С тем же скромно-почтительным видом начала отходить в сторону своего подъезда. С непредсказуемыми алкашами никогда не знаешь, чего от них ждать и от чего их может сорвать в любую минуту. Лучше вести себя уважительно.

А ведь как всё начиналось десять лет назад! Лета даже помнила те выборы. Выбирали мичмана из троих шуг — молодых и активных, которые ей, в силу возраста, казались невообразимо взрослыми, но на самом деле всем им было лет по двадцать. Лета хоть и не голосовала, но искренне болела за Доктора, тогда он казался ей действительно хорошим парнем — улыбчивым, верящим в идеалы и честь. Шоха тоже был неплохим, однако производил впечатление более мрачного, более агрессивного, местами болезненно-самолюбивого: даже Лета, будучи мелкой, поняла, что его сильно задел проигрыш в выборах. Третьего кандидата Лета помнила смутно, он был тихоня, и через несколько лет уехал. А вот Шоха так и остался в их дворе — в чине шуги, который некоторым казался высоким и уважаемым, однако самому Шохе, по ходу, постоянно напоминал о том, что он мог бы стать мичманом... но не стал.

Тем не менее, поначалу Шоха старался не показывать чувств, а может, в самом деле хотел отвлечься от мыслей о проигрыше: держался подтянуто, не протирал штаны на лавке во дворе, а регулярно куда-то ходил, гулял каждый раз с новой девушкой. Неожиданно женился, через год развёлся, после этого запил, да так и покатился по этой линии. То

подшивался, то срывался, то перед всем двором извинялся и обещал измениться — Лета помнила одну такую сцену, Шоха чуть не плакал и говорил с таким надрывом, ему настолько хотелось верить, что она сама расчувствовалась и чуть не заплакала, — то уходил в запой и в три этажа посылал всех, кто пытался его урезонить. Конечно, при таких делах мичманом его бы уже не выбрали. Шоха, наверное, тоже это понимал, поэтому и пил всё злее. Во всяком случае, Лета со стороны видела эту ситуацию именно так, а лично с Шохой никогда не разговаривала.

В том числе из-за револьвера. Неизвестно, где Шоха его достал — Лета такие разве что в кино про ковбоев видела, — но револьвером он очевидно гордился. Так и норовил достать из кобуры. А если уж достал — нужно выстрелить, таково мужское правило. Шоха регулярно палил по бутылкам, спутниковым антеннам и прочим целям, попадавшимся на глаза, но в людей не стрелял, во всяком случае, Лета о подобном не слышала. Вообще, её удивляло, как при такой любви к бухлу и пальбе во все стороны Шоха в самом деле не попадал по случайным прохожим. Может, всё дело было в хорошей меткости: по брошенной в воздух банке пива Шоха попадал всегда, и банка эффектно лопалась, обдавая брызгами стоящих внизу людей — обычно это были девушки в обтягивающих майках, которые визжали от восторга так, словно видят этот трюк впервые.

Ещё одним пунктом для удивления был тот факт, что все

эти годы Шоху продолжали переизбирать и за всю придурь чин так и не сняли. Ходили слухи, что его поддерживает сам Камень, поэтому народ и соглашается каждый раз с его переизбранием: мол, нормальный шуга, устраивает, другого выбирать не будем. Лете было странно, что Камень не поддерживает Доктора и не спешит исполнять его желания — наверняка ведь мичман все эти годы мечтал избавиться от конкурента и намекал Камню об этом, — и поддерживает как раз Шоху, который с каждым годом всё больше и больше выступает против Доктора по каждому поводу. Вот и сейчас: Шоха, может, не столько за неё вступился, сколько хотел щёлкнуть по носу Пасту — назло. Но ладно, его мотивы значения не имеют, помог и хорошо.

Так что Лета неторопливо, с чувством собственного достоинства — выбила себе право! — дома поела и только потом отправилась к мичману.

Доктор

Соседний дом, пятый этаж. Лета бывала здесь несколько раз: Доктор предпочитал вести деловые разговоры наедине, а не на виду у всего двора.

Дверь открылась быстро, за ней оказалась Бабетта — костлявая блондинка с густым чёрным макияжем, уже неопрятно поплывшим, и длинными волосами, собранными на макушке в растрёпанный валик. Она не то чтобы считалась девушкой Доктора, но тусовалась с ним регулярно и чаще других. Устало опершись на косяк приоткрытой двери, Бабетта оглядела визитёршу совершенно безэмоциональным взглядом. Её лениво-сонные повадки всегда наводили Лету на мысль, что с ней что-то не то. Может, принимает слишком много успокоительного.

Из глубины квартиры раздался голос Доктора: «Кто?»

Бабетта не реагировала, продолжая равнодушно смотреть в лицо Лете. Пришлось самой подать голос:

— Лета. Александэр.

— Наконец-то.

Лета уставилась на Бабетту, которая всё так же подпирала дверной косяк. Та смотрела в ответ и отодвигаться не спешила. В конце концов Лета раздражённо цокнула и, толкнув дверь пошире, протиснулась мимо блондинки.

В квартире Доктора всегда терпко пахло его одеколоном. В той комнате, что служила гостиной и приёмной для визитёров, как обычно, царил беспорядок: пустые бутылки, полные пепельницы, рваные женские трусы на полу. Хозяин, в одних чёрных джинсах раскинувшийся на затёртом коричневом диване, кивнул Лете приветствие и указал Бабетте на дверь. Та молча стала собираться.

Лета стояла, скучаяще озирая комнату. На полуголого Доктора с развязно расставленными ногами смотреть не хотелось. Вроде объективно он хорош: правильные черты лица, можно сказать, даже красавчик, и фигура классная, и пресс спортивный, и при деньгах, и серьёзные дела у Камня решат. Но такое ощущение от него паршивое! От его типа-крутой усмешки Лете почему-то было неприятно, а его взгляд как будто оставлял грязь на теле, его хотелось смыть.

Лета и Доктор оба проводили взглядами блондинку, шмыгнувшую в прихожую. Хлопнула входная дверь.

— Ты не отчиталась по Цэ-Мэ-Мэ.

Лета переступила с ноги на ногу.

— Там ничего нет. Ни людей, ни техники. Вообще пусто.

Доктор медленно — очень медленно — ощупал её взглядом сверху вниз и обратно. Девушка почувствовала себя как на уроке — когда стоишь у доски под взглядами всего класса и не знаешь ответ. Или, того хуже, мямлишь что-то заведомо неправильное.

— Как клеила Джанки?

— Просто. Познакомились. Это моё личное дело, никого не касается.

Мужчина поднялся с дивана. Подошёл к ней впритык, склонил голову по-бычьему, навис угрожающе.

— Давай ты не будешь говорить *мне*, что меня касается. Как тёрки с милициями, так все бегут ко мне, к Камню, а как тихо — все смелые?

— Нет, — Лета старалась говорить уверенно. — Я очень ценю твою помощь. Но это действительно просто... ну... любовь у нас и всё.

— С Лешевской шушерой? Своих тебе мало, что по чужим шоблам шлёндрешь?

Не сдержавшись, Лета усмехнулась презрительно.

— Да кто у нас? Особо не с кем гулять. Или швартовые уже.

— Вот я свободный. Или что, я не удовлетворяю твои *высокие* запросы?

Лета так и обмерла от неожиданности — особенно от того, что вдруг остро почувствовала: они одни в его квартире, Доктор стоит слишком близко, нависая над ней голым торсом, он вполне может схватить её за плечи и бросить на диван. Но раньше ей даже не приходило в голову, что она способна заинтересовать его в подобном смысле, она всегда воспринимала Доктора как очень взрослого, серьёзного человека, и рядом с ним всегда были какие-то девушки, и всё это не имело никакого отношения *к ней*. Лета исподлобья, с

опаской, покосилась на мужчину, пытаясь сообразить, сколько ему лет. Получается, не так уж много — тридцать, может, тридцать два. Теперь, когда она выросла и закончила школу, они вполне могли бы встречаться. То есть если бы Доктор не был такой сволочью.

Так что ему ответить-то?

— Я думала, тебе нравятся девушки другого плана. Я... обычная. А ты... *такой*, — Лета постаралась мимикой изобразить степень крутизны, которой она явно не достойна.

К её облегчению, мужчина отступил от неё, вернулся обратно к дивану и сел, расставив колени и закинув локти за спинку.

— Ты, конечно, не фонтан, но пригреть могу. Если ночью заскучаешь.

Лета поморгала — было ощущение, что глаза как выпучились от столь «щедрого» предложения, так и не могут вернуться к нормальному состоянию — и с опаской сказала:

— Спасибо. Но у меня всё нормально.

— Не скучаешь, значит. Угу-у, — многозначительно протянул Доктор, щупая её оценивающим взглядом. И мгновенно отвлёкся, переключился на деловой тон: — Я рассчитываю, что ты не просто так решила шляться по чужим шоблам, а думаешь о пользе для своих. Дома у него комп есть?

— Ну. Так он запароленный.

— Ой, что ты мне рассказываешь, — мичман устало усмехнулся. — Постарайся! Поищи. А как найдёшь что ин-

тересное, кидай напрямую мне.

Он набрал что-то на экране электронного браслета и качнул рукой в её направлении. Код быстрого доступа к мессенджеру.

У Леты внутри всё разочарованно упало. Ну вот. Буквально вчера Джанки заподозрил, что она сливает его слова, а уже сегодня — пожалуйста.

Она не подошла, застопорилась в попытке возразить.

— Стучать на своего парня — не по уставу. И не по чести.

— А ты у нас сильно честная? — гоготнул Доктор. Но тут же стал серьёзным: — Ты кто такая, вообще? Шушера дворовая — и я ещё подумаю, брать тебя в шоблу или нет. Батя твой — никто, шестёрка. И ты стоишь тут и ставишь, что честнее меня? Может, ещё Камня поучишь за устав, а?

Под его взглядом Лета стушевалась, опустила голову. Злым собакам и злым мужикам нельзя смотреть в глаза. Однако в глубине души она не настолько уж испугалась. С этим самодовольным придурком проще согласиться, а стучать её всё равно никто не заставит!

Так что она вежливо и ровно ответила:

— Нет. Вам всё виднее.

Доктор кивнул милостиво.

— Молодец. Живёшь с людьми — надо ставить общий интерес повыше своего. А то нам тут такие не нужны — сами себе честные против шоблы.

Он недвусмысленно протянул ей руку с браслетом. Де-

ваться было некуда. Лета подошла, скопировала контакт.

— Ну... я пойду?

Однако Доктор не спешил её отпускать. Склонив голову к плечу, продолжал ползать взглядом по её телу.

— Я так-то забочусь о своих. И хоть ты не у Камня — надеюсь, пока, — я дам тебе совет взрослого и умного человека. Завязывай с этим Джанки. Неполезное это знакомство.

— Почему вдруг?

— А по кликухе не ясно?

Лета недоумевающе пожала плечами, и мужчина фыркнул насмешливо.

— Чё ты, блин, даже не интересуешься, с кем спишь? Ну, придётся хоть мне тебя просветить. Сама-то как думаешь? Отбитый твой Джанки на всю башку, чо неясного. Небось, любитель дамочек розовым охмурять, вот и сам заодно с рельсов съехал.

— Не такой уж он отбитый. И по розовому не прикалывается.

— Пф-ф, так он те и сказал, — Доктор закатил глаза.

— Видно же сразу.

— Что там тебе видно? По делам надо судить. А дела у него такие, что не первый год на учёте стоит — и не за то, что жвачку шнырил у малышей, а за кучу тяжких. И мокруха, и «тридцать первая».

— За «тридцать первую» сажают пожизненно, какой «учёт»? — возразила Лета уверенно. В этом вопросе она раз-

биралась, да и не хотелось, чтобы это мурло Доктор трепал языком про Джанки, который на данный момент уж почестнее него выглядел. — Если только по подозрению? Так на подозрение ставят за любую болтовню — кто угодно сказал что угодно, вот уже и «учёт».

— Смотрите-ка, она ещё и юристка получше многих, — Доктор скривился разочарованно. Поднял ладони, словно отгораживаясь. — Не, раз ты своим умом — мне-то похеру. Я это... умываю руки. Только потом не плачься. Хотя если он тебя на фарш покрутит и котлет нажарит, плакаться уже не сможешь, — мужчина рассмеялся.

Затем, потеряв к Лете интерес, потянулся за сигаретами и лишь махнул ей рукой на дверь.

Девушка вышла в подъезд, пошаркала вниз по лестнице. На душе кошки скребли. Конечно, перед Джанки не хотелось признавать, что дела в их районе не особенно правильные, но в глубине души Лета и сама это подозревала.

Интересно, почему Камня так интересуют дела Лешего? И что у последнего за интерес, который не нравится каким-то высокопоставленным шишкам? Ещё и болтовня эта — про мокруху, про «тридцать первую»... Тяжкие телесные представителю власти, скорее всего милиционеру. Или даже убийство, зависит от пункта. Звучит очень плохо. С другой стороны, даже с обоснованным подозрением на такое Джанки уже б сидел, милиция подобное не прощает. А он по улицам свободно разгуливает. Значит, доказательств со-

всем нет, чисто подозрение на словах. А на словах можно про любого сказать что угодно. Например, явился какой-нибудь Доктор в отделение и говорит: «Я на вписке краем уха слышал, что такой-то Джанки хвалился, будто милиция пришел», — вот уже и «учёт по подозрению». Да и вообще, откуда сам Доктор в курсе за какого-то чувака из чужой шоблы? Выдумал всё, небось.

По дороге к своему подъезду Лета уже не замечала прозрачно-высокое небо с нежными солнечными лучами, играющими среди тонких перистых облаков. Настроение было безвозвратно испорчено. Ещё несколько часов назад девушка радовалась, что теперь у неё есть увлекательная миссия в чужом районе, есть симпатичный парень — во всяком случае, все вокруг считают их парой, — намечается дружба с классными девчонками, и благодаря этому все у Леты и самооценка стала повыше, хотелось расправить плечи и улыбаться окружающему дню...

А теперь перед глазами стояла самодовольная усмешка Доктора, а на душе скребли кошки. Блин, ну почему от него такое мерзкое ощущение? Вроде он внешне привлекательный, и уважаемый мичман, и при деньгах, и даже нельзя сказать, что тупой. Нет у Доктора очевидных недостатков, сплошные достоинства. Но почему после каждого разговора с ним — ощущение, будто в грязи извалялась? Противно. И на душе — тяжеленный камень. Лета горько усмехнулась, впервые заметив эту игру слов. Под властью Камня и

его мичманов она в самом деле чувствовала себя придавленной к земле.

15. Шитьё

«Ретву» прикрыли, вроде как на время, но Милка сказала, что ждать не стоит, бумаги могут специально тянуть до полугода. Пилви страдала, что «поганые шавки» сорвали ей и юбилей, и помолвку: Хек не успел сделать предложение, а теперь почему-то отмалчивался.

Сидели теперь преимущественно в «Трале», хотя там и места маловато, и левых посетителей полно, про дела шоблы не поговорить.

Последний факт был Лете на руку: не хотелось ей стучать на Джанки, неправильно это. И кому? Доктору! Нет, по разумным соображениям ей нужно было подчиниться и даже радоваться, что выпал шанс показать себя перед уважаемыми людьми, — может, наконец-то примут в шоблу, а это социальная защита, какой-никакой статус, и, глядишь, больше работы перепадать будет. Лете под властью Камня ещё жить и жить, может, вообще всегда, а Доктор давно уже был его мичманом и перемен не предвиделось, так что нужно было смириться и выслуживаться перед ними. Но просто не нравился ей Доктор и всё! Хамло выпендристое. Однако деваться-то некуда... Если только не отсвечивать этот месяц, мелькать поменьше, а там уж она скажет, что с Джанки разошлась и конец истории.

Но пока ещё эта «история» была в самом разгаре — горя-

чем, летнем и полном тайных фантазий о поцелуях, — так что, когда в воскресенье сообщение со скрытого номера позвало её в «Трал», Лета скатилась с дивана очень даже радостно, схватила рюкзак со стандартным набором: шоколадка, маленькая пачка печенья, сменные трусы, бутылка воды, — и сказала отцу, как обычно увлечённому новостями, что будет ночевать у подружки. В ответ раздалось лишь рассеянное:

— Ага.

В подъезде девушка поднялась на чердак и втихаря сбежала по крышам, спустившись лишь через два двора — там, где её уже не могли увидеть ни Доктор, ни Паста, ни их шестёрки. Лета пользовалась этим путём редко, стараясь не спалить его, но вот сейчас был именно тот случай, когда никого не хотелось видеть.

В «Трале» Лета весь день крутилась около Джанки, обнимала его, сверкала счастливой улыбкой и очень даже к месту хихикала над его шутками. Работа шла отлично. В принципе, смотреть на парня влюблёнными глазами было не так уж сложно, даже не надо было притворяться, особенно когда он обнимал её или она сама целовала его в щёку, задерживаясь губами на чуть шершавой коже, — и тут же сама собой появлялась улыбка, которую Лета не могла сдержать. Конечно, всё это по работе, но... Нет, девушка то и дело напоминала себе, что нельзя терять голову и верить в этот спектакль, но так хотелось... И казалось, что Джанки тоже обнимает её

вполне охотно, и не только за плечи, но даже и за талию, и чувствовать тепло его рук здесь было очень приятно, а иногда при этом он ещё и улыбался ей, и они вместе смеялись над какими-то шутками, склонив головы друг к другу, и Лета иногда утыкалась носом ему в шею и вдыхала его чудесный тёплый запах, и так хотелось прижаться здесь губами...

А вот когда они вечером пришли в его нору — надо ведь изобразить, будто у них есть интим, — здесь уже разошлись по углам, не улыбаясь друг другу и даже не разговаривая. Задёрнули шторы — интим же! — Джанки сел за стол и занялся очередной работой, Лета села на диван. Блин, почему она до сих пор не догадалась взять с собой какое-либо развлечение, раз электронный браслет нельзя? Просто отвыкла уже от всех других вариантов. Может, бумажный журнал в ларьке купить? Интересно, они до сих пор продаются? Или всё уже только в электронном виде?

Лета втихаря покосилась на Джанки, профиль которого был освещён настольной лампой — хоть вечернее солнце ещё светило из-за домов, но шторы-то закрыты — и тихонько вздохнула. Всё же на улице гораздо лучше, там он её обнимает, улыбается ей и даже иногда кажется, что вот-вот поцелует... А дома, наедине — ничего. Получается, это и есть правда: ничего у них общего нет. Наверное, Джанки прав и молчать разумно, хотя бы не пошварятся, как в прошлый раз.

Но всё равно было обидно, что он сидит себе в наушниках, весь в своих делах, и совершенно не обращает на неё

внимания. Словно её и нет.

Как же скучно без браслета! Ни в игрушку не поиграть, ни сеть не полистать! Только и остаётся, что тихонько слоняться по квартире и выглядывать в окна — аккуратно из-за занавески, стараясь не спалиться, а то вдруг соседи из дома напротив заметят, что девушка Джанки вместо кувыркания с ним на диване весь вечер скучает возле окон. Нельзя так бездарно порушить тщательно выстраиваемый образ.

Лета покосилась на парня. Что за обидная глупость это её дежавю... Внушает всякие чувства, желания, фантазии, тянущие душу тоской... А поддаваться им нельзя, если не хочет окончательно оттолкнуть Джанки какими-то странными обнимашками не к месту. Лета тихонько вздохнула, бросила ещё один вороватый взгляд на загривок парня: а вот бы всё равно подойти со спины, обнять и прижаться губами у основания шеи, вдыхая запах тела, — и принялась смотреть на стоящие возле шкафа коробки. Десяток одинаковых, с заводскими пломбами. Очередная техника. Дела идут, работа кипит. Интересно, почему при этом у Джанки такая бедная квартира? В голове против воли всплыли обвинения Доктора: мол, Джанки прикалывается по химии и наверняка все деньги туда спускает. Да нет, чушь это! Абсолютная чушь! Это уж было бы заметно, химические — обычно отбитые на голову и не особенно скрывают свои увлечения, да и в комнате что-нибудь было бы, какие-то следы, пакетики с остатками розового порошка... А тут ничего подобного нет. Но

всё же странно. Ведь за шлыгу должны платить — и неплохо, судя по количеству и разнообразию коробок, которые постоянно меняются у него в комнате. А у Джанки из всей роскоши — лишь компьютерное кресло. Одежда простая, да и потрёпанная, уже не новая. Еды на кухне вообще нифига нет. Куда он деваает деньги?..

Вспомнив о кухне, Лета поняла, что проголодалась, так что именно туда и направилась. На этот раз нашла в ящике десяток бич-пакетов, но прям так уж заваривать себе полноценный обед постеснялась: они на всю квартиру будут ароматизировать запахом дешёвой лапши и глутамата, палевно как-то — что она, жрать сюда пришла? Так что заварила себе лишь чай. Изучила скудное содержимое холодильника. Там обнаружилась новая, закрытая пачка сырных шариков с сине-зелёными вкраплениями плесени, из чего можно было заключить, что это не испорченная еда, а так задумано. Тем не менее, пробовать эту странную вещь по-прежнему не хотелось — тем более без хлеба, без ничего, — так что Лета взяла ту початую пачку крекеров, которая до сих пор лежала в холодильнике.

Погрызла, глядя в окно, считая редких прохожих и пролетающих птиц. Обратила внимание на голубей, бродящих возле подъезда, вытянула шею, от скуки отслеживая птичьи занятия так внимательно, будто это невесть какое важное дело. Затем на помойку неподалёку прилетела огромная чайка и принялась дербанить пакеты с мусором. Троица ворон то-

же интересовалась переполненными контейнерами, они топтались вокруг, но подступить ближе опасались: белая чайка возвышалась на вершине мусорной горы как королева, иногда размашисто хлопая крыльями и вскрикивая противным голосом — то ли отпугивая конкурентов, то ли призывая сородичей на сытное место.

В коридоре позади раздался шум, Джанки включил свет на несколько секунд, погасил... И хлопнула входная дверь. Лета прислушалась к повисшей в квартире тишине. Куда он ушёл? А как же она? Может, вышел покурить в подъезд?

Лета подождала. Однако хозяин не возвращался. Пошёл в магазин? Или... или он просто забыл, что она в квартире? Она тихонько сидела на кухне, и если Джанки погрузился в свои мысли, то вполне мог забыть про неё.

Девушка прошла в комнату, по-прежнему освещённую лишь настольной лампой. Посидела на диване. Скучно! И долго ей тут торчать? Что, если Джанки не вернётся до ночи? В принципе, она может уйти в любой момент, замок-то самозакрывающийся. Успокоенная, Лета решила подождать ещё немного. Что толку спешить домой?

Обвела взглядом комнату. Почему-то, когда нет хозяина квартиры, всегда чувствуешь себя неловко, даже если не лезешь в личные вещи, а чинно-благородно сидишь на диване. Есть в этом что-то интимное — остаться вот так наедине с его вещами... В шкафу — одежда с его запахом, в компьютере — переписки, и всё до непристойности доступно, по-

ка Джанки ушёл. Можно было бы подсмотреть, заглянуть в его жизнь хоть чуть-чуть... Ну так, для себя и своих тайных мыслей о том, что он ей нравится...

Однако, как только Лета, смущённо заулыбавшись, представила, что и в самом деле откроет шкаф и увидит содержимое полка, тут же вспомнила про Доктора и его запросы порыться в вещах Джанки. Ч-чёрт!..

Игривую улыбку как ветром сдуло, Лета вернулась из мира грёз в гадкую реальность, и её плечи поникли. Доктор ведь не отстанет! А всё из-за того, что Джанки открыто явился к ним во двор и назвал себя этому идиоту Пасте! Честный, блин, промолчать не мог! А она теперь промеж двух огней. Лета посмотрела на компьютерный стол. Там тумбочка и два ящика. Порыть?.. Найти какую-нибудь мелочь. Вон, Кальмар же вместе с партией телевизоров давал Джанки что-то вроде товарной накладной на поставку, потом отдал дубликат с подписью. У Джанки, наверное, должна быть пачка таких бланков. Если взять пару штук, он и не заметит. Если Доктор прицепится — она отдаст в качестве добытой инфы, а если закрутится в делах и забудет про неё, то она напоминать не будет.

Лета поколебалась, морща лицо как от боли. Чёрт, ладно, если уж решила, нужно действовать быстро!

Она вскочила и с колотящимся сердцем поспешила к письменному столу. Хорошо, что шторы закрыты, через окно никто не засечёт. Лета осторожно взялась за ручку второ-

го ящика и потянула — втихаря надеясь, что там замок. Но нет, ящик поддался. От этого Лета сморщилась ещё больше, чуть ли не зажмурилась: смотреть в ящик не хотелось, хотелось скулить и ругать Джанки за то, что не догадался поставить замки от мерзких обманщиц вроде неё, за то, что так легкомысленно ушёл, за то, что или забыл о ней, или слишком доверяет...

Резко выдохнув для храбрости, Лета открыла глаза и аккуратно — стараясь буквально не касаться взглядом — осмотрела содержимое ящика. На сердце было паршиво. Вот же блин! Прав был Джанки, что с неё потребуют стучать. А она, наивная дура, защищала Доктора и прочих: мол, ничего подобного, в нашей шобле тоже по уставу живут. А вот и весь устав — роется в чужих вещах, как воровка.

И тут взгляд девушки зацепился за большую белую тубу с крупной и броской надписью «СМАЗКА» — и ниже что-то про пальцы. Лета аж снова захлопнула глаза, чувствуя, как кровь густо бросилась в лицо. Стыд-то какой!..

Но ладно, это было предсказуемо. Так-то у неё самой в комнате есть всякие интересные штуки — если бы кто-нибудь захотел порыться в её вещах.

Но что это за «смазка для пальцев»? Что-то она про такое раньше не слышала. Сидя с закрытыми глазами, Лета пыталась понять — почему именно для пальцев, а не для рук в целом?

А может, это вообще не то, что она подумала? Может, это

что-то медицинское, лечебное? Джанки ведь постоянно лезет в драки, от такого пальцы как раз могут болеть: вывихи, там, и прочее. Но тогда это называлось бы «мазь для суставов», разве нет?

Надо посмотреть! Хотя бы просто с познавательными целями. Может, ей тоже нужно подобное средство? Интересно ведь.

Лета осторожно открыла глаза и бросила взгляд на белую тубу. Ниже огромной надписи «СМАЗКА» значилось что-то непонятное: «Водостойкая смазка для втулок, пальцев и катков». А вот следующая строчка и вовсе почему-то гласила крупными буквами: «экскаваторов». Что?..

Вытащив тубу, Лета принялась читать мелкий шрифт с обратной стороны. «Продукт рекомендуется для втулочно-пальцевых соединений и опорных катков экскаваторов, работающих во влажных и/или пыльных условиях». Эм. Кхм. У экскаваторов бывают пальцы? Это уж точно была новая и познавательная информация.

С каменным лицом девушка положила тубу обратно в ящик.

Продолжила искать документы. Ничего подходящего не было. Какие-то непонятные бумажки, пачка сигарет, фантики от шоколадных конфет, погрызенный карандаш, россыпь зубочисток без упаковки и очень много инструментов — в основном новые, в кейсах, хотя в дальнем углу завалилась побитая жизнью одинокая отвёртка с ручкой, обмотанной

изолентой.

Лета оглянулась на большой шкаф. Может, там?.. И что, она будет копаться в одежде? Серьёзно? Искать тайные сведения о делах Лешего среди трусов? Вообще уже... Лета заставила себя подумать о таком варианте, но в итоге рыкнула со злостью. Она не воровка! И всё это мерзко! Скажет Доктору, что Джанки не оставляет её одну дома, что она ничего не нашла...

В прихожей щёлкнул замок. Лета в ужасе толкнула от себя ящик стола, от резкого движения он застопорился, пришлось вытащить обратно и — молясь всем богам — задвинуть аккуратно. Получилось! Но входная дверь уже открылась, и в прихожей раздались шаги. Девушка вскочила, успела только сделать шаг прочь, по пути ещё запнулась о компьютерное кресло... Чёрт, какое же палево!.. Только бы пронесло, пожалуйста...

Но Лета не успела дойти до дивана. Так и замерла посреди комнаты — слишком уж близко к углу стола, — глядя на полутёмный дверной проём. Там стоял Джанки. Однако было в нём что-то странное. Взгляд тяжёлый, исподлобья, какой-то стеклянный, грудь вздымается тяжело... Ещё и в ботинках, не разулся. Пьяный?.. Взгляд Леты спустился ещё ниже, и она непроизвольно сглотнула от страха.

Потому что Джанки расстёгивал ремень штанов.

Девушка отступила на полшага назад.

— Ты чего?.. — ей удалось справиться с волнением, и го-

лос звучал вроде бы нейтрально.

В голове лихорадочно крутились возможные объяснения. Он всё же напился. Засёк её тень в окне и понял, что она роется в его вещах. Решил наказать. А может, он спьяну озабоченный и ко всем лезет. Но что делать-то? Попробовать уболтать? Прикинуться дурочкой, сказать, что хотела взять у него в столе сигареты? Главное — не показывать страх, это сразу выдаст, что она действительно виновата.

А не показывать было трудно.

Потому что, помешкав, Джанки шагнул к ней. Лета опустила взгляд на звякнувшую пряжку ремня — закончив с ним, парень взялся за молнию штанов.

— Всё в порядке? — девушка вполне правдоподобно изобразила жизнерадостный тон.

Не выдержав, отступила ещё немного, сзади в ногу упёрлось кресло. Всё так же тяжело дыша — чем ближе, тем больше это было слышно, — и уже спуская растёгнутые штаны вниз по бёдрам, Джанки сказал что-то тихо, сквозь зубы. Что-то похожее на... «свали»?

— Что?..

И вдруг он рявкнул:

— Свали, бля! — И уже тихо, словно потратил на эту вспышку последние силы: — Распёрлась поперёк...

От громкого звука с Леты словно спал гипнотический транс, она отпрыгнула в сторону — как раз, когда Джанки отпустил штаны и они окончательно упали на пол с громким

«бух» тяжёлой пряжки. И тут оказалось, что шёл он вовсе не к ней. К креслу. Куда и опустился тяжело, закусив губы так, что они побелели. Да и в целом его лицо было очень бледное, с синяками под глазами — теперь, в свете настольной лампы, это стало заметно.

А ещё оказалось, что его левая нога ниже колена вся покрыта кровью.

— Хэй... Ты чего это?.. — забормотала Лета встревоженно, теперь уже подступая обратно.

Света лампы не хватало, ничего не понять, но большое количество крови пугало. Штанина сзади была насквозь мокрая, с неё аж на пол потекло. Теперь тяжёлое дыхание парня уже не пугало, а казалось вполне естественным. Ещё бы, при такой кровопотере!

— Ты чего?.. — снова произнесла Лета, не зная, что ещё сказать.

Джанки её игнорировал. Открыл тумбочку стола, достал упаковку бинта и какой-то свёрток мягкого прозрачного пластика, словно бы с инструментами. Смахнув всю мелочёвку на край стола — какие-то детальки упали на пол, покатались, — парень раскатал свёрток перед собой. Внутри действительно оказались инструменты — но не технические, а хирургические: ножницы, иглы, пара скальпелей. Достав бутылку с прозрачным содержимым, Джанки скрутил крышку, ливанул себе на руки. По комнате распространился резкий запах спирта.

Лета всё ещё стояла в растерянности и лишь наблюдала за действиями парня: движения у него были уверенные, это успокаивало — словно всё под контролем.

— Вообще, почему ты тут, а не в больничке? — пробор-мотала Лета с искренним недоумением. Ведь у Лешего наверняка должен быть врач на подхвате. Но тут ей пришла в голову следующая мысль: — Ты что, не сказал никому?

— А ты почему тут? — не глядя на неё, бросил Джанки сквозь зубы. — Сказал же, свали.

Он был занят тем, что, открыв бинт, сделал из него моток, полил спиртом и прижал к ране — на задней поверхности бедра, повыше колена. Зашипел сквозь зубы, свободной рукой сжал край стола. Постарался протереть и ниже по ноге, хотя это не особенно помогло: видимо, кровь текла давно и уже успела подсохнуть. Затем уверенно достал из хирургического набора толстую, изогнутую полукругом иглу с длинной нитью...

...И только тут наблюдавшая за его манипуляциями Лета догадалась уточнить:

— Э-э-э... Ты... Ты что, сам собрался шить?..

Парень не ответил, глядя на хирургическую иглу с сомнением, словно прикидывая, хватит ли длины нити.

И что это за варварский метод — шить иглой? Лета не особо разбиралась в хирургии, но даже она была в курсе, что есть такие типа как степлеры — чик-чик, и рану скобами стянуть, — и биоклей, а если брать подороже, то и какие-то

регенерирующие лазеры. Конечно, самые крутые приبلуды были в Малене, но ведь Леший заведует нелегальной техникой, неужели в его районе нет доступа к продвинутым хирургическим инструментам?

Но Джанки, по ходу, действительно собрался шить так. Он провёл пальцами по ноге, нащупывая рану, поморщился...

И Лета сжала зубы за компанию, словно тоже чувствуя боль. Нет, это невозможно, что за нафиг! И пусть прав у неё тут немного, но... Но так же нельзя! Она схватила парня за руку, потянула прочь от раны. Пальцы у него были в крови.

— Так! Ну ты точно шибанутый? Теперь ясно, с чего у тебя швы такие кривые — если ты сам их шьёшь!

Джанки вырвал руку, впервые посмотрев на девушку. Дышал он тяжело, устало.

— Чё ты лезешь? Твоё какое дело?

— Моё... Я, типа, шмара твоя, забыл? — от смущения тон у Леты получился грубоватый.

— Ага... — выдохнул парень с иронией. — Домой вали. «Шмара»...

— Сам вали! — Лета запоздало сообразила, что Джанки и так у себя дома, так что добавила уточняющее: — Нафиг. Никуда я не пойду.

Она посмотрела на его ногу, там возле лежащей на полу штанины медленно расплзалась лужица крови. Девушке вдруг пришла в голову странная мысль, что именно поэтому в комнате нет никаких ковров, а только голый пол, который

легко помыть. По ноге парня тоже всё ещё текло. Лета не то чтобы боялась вида крови, но от этого зрелища как-то мутило.

— Ну-ка, дай сюда! — не выдержала она.

Схватив со стола вторую половину бинта и бутылку со спиртом, организовала ещё один дезинфицирующий моток и сильно прижала к бедру парня, надеясь, что попала правильно.

Джанки скривился от боли.

— Прижми, — уже деловито забормотала Лета. — Я сейчас, руки помою. Нет, лучше давай на диван, кто сидя шьёт... Давай.

Вообще говоря, Лета никогда никого не зашивала и была без понятия, как это делается, но решила, что сейчас необходимо вести себя уверенно. Так что она крепко обхватила лодыжку парня и потянула ногу вверх, чтобы освободить от штанов. Тут вдруг сообразила, что мешает ботинок. Начала расшнуровывать. Джанки сопел, однако не возражал.

Наконец-то освободив парня от ботинок, штанов и мокрого от крови носка, Лета потянула его вверх, подняться с кресла, однако он не поддался.

— Диван залью.

— Точно. — Отпустив руку парня, Лета поискала взглядом по комнате. — Надо чем-то застелить.

— В шкафу. Пакеты. Чёрные.

— Ага.

Метнувшись туда, порылась по полкам с хозяйственной мелочёвкой. Быстро нашла большой свёрток плотных мусорных мешков. Мелькнула мысль, что в такие и человека можно засунуть. Распрямила — пакеты сильно пахли пластиком, — отнесла к дивану, застелила.

Джанки за это время успел снять худи, так что теперь остался во всём чёрном — безрукавке уже знакомого фасона, трусах-боксерах и одном носке. В любой другой момент Лета хихикнула бы над этим одиноким носком, но сейчас было не до таких мелочей — ситуация серьёзная! Девушка смазала взглядом по худощавому силуэту...

И против воли зацепилась за рельеф трусов. Да, она понимала, что сейчас это совершенно неуместно, даже возмутительно — такая ситуация, а она на трусы пялится! — но как туда не смотреть? Блин, у парней всё так на виду, как-то непристойно и от этого притягательно. Вдвойне любопытно от того, что совершенно неясно, что там к чему под чёрной тканью. Она, конечно, порно видела, уж там-то всё очевидно, но там ведь другое, а когда просто трусы — ничего не понять. Очень хотелось приглядеться внимательнее, но Лета кое-как заставила себя оторвать взгляд — надеясь, что Джанки не заметил её исследовательского интереса. По крайней мере, он этого не показывал. А впрочем, с дырой в ноге ему, наверное, было не до того факта, что она краснеет в адрес его трусов.

— Иди руки мой. Раз собралась, — Джанки направился к

дивану медленно, но вполне спокойно, не хромая. Поскольку моток бинта было держать неудобно, он пока что его убрал, и кровь снова потекла по ноге.

Отлично, он сам справится! Лета с некоторым облегчением направилась в ванную. Одно дело — обниматься на людях, но наедине тащить в обнимку полуголого парня, ещё и в крови, ей не хотелось. Слишком это неоднозначно, слишком непонятно, как себя вести. Лучше пусть он сам доберётся до дивана.

А она пока что помыла руки. Вернулась в комнату — подняв и растопырив пальцы, как показывают в сериалах про хирургов. Взяв бутылку спирта, на всякий случай плеснула на руки дополнительно.

— А где всё?..

— Здесь.

Игла, другие инструменты и бинт в самом деле лежали на табуретке рядом с диваном, где парень уже растянулся спиной вверх на подстилке из чёрных пакетов. Горел верхний свет — конечно, слишком тусклый для тонкой работы, но лучше, чем ничего.

Сердце Леты колотилось так, что сотрясало всю грудную клетку. В жизни она никого не шила, только в кино видела. Но ведь нельзя же этого дурака бросить вот так! Он бы там нашёл не глядя!

И раз уж она начала, придётся делать. Главное — уверенность! Всё так же держа руки поднятыми, Лета опустилась на

колени внизу дивана, рядом с ногами Джанки. Покосилась на волосатые икры. Вечно ещё у парней ноги такие мохнатые, непривычно: когда постоянно видишь только свои бритые, а потом — хоба, чужие волосатые. Прямо диссонанс. Но ладно, не отвлекаемся!

Оказалось, что ран на левой ноге даже две: сбоку небольшая, по касательной, а вот сзади — прямо глубокая, короткая, как будто нож воткнули. Эту рану наполняла кровь, которая всё ещё не хотела останавливаться, текла на чёрную подстилку, но хотя бы несильно и равномерно. Значит, не артерия. Так Лета успокаивала себя, надеясь, что её познания из фильмов хоть немного соответствуют реальности.

Девушка взялась за хирургическую иглу. Выдохнула ртом. Теперь и она дышала почти так же тяжело, как Джанки. Наклонилась над ногой парня, близко, чуть ли не легла на него, постаравшись левым локтем нащупать удобное положение — чтобы руки не дрожали. Обжигало ощущение, что она прижимается грудью к голой ноге парня. Так непристойно... Ещё и взгляд норовил переползти от раны выше, к чёрным трусам. Чёрт, Лета, хватит пялиться, займись делом!

— Глубже шей.

— Что?

— Втыкай глубже. Чтоб мясо захватить, а не кожу. Кожа порвётся и всё.

— Ага. Ясно.

Сердце колотилось от страха, руки дрожали, но Лета

очень старалась действовать чётко, быстро и уверенно. Воткнула иглу поглубже — Джанки мыкнул в ткань дивана, но она даже не замедлилась. Чем быстрее закончат, тем лучше. Вот уже металлический кончик иглы показался с другой стороны раны, теперь вытянуть всю нитку... И стянуть края... Рана булькнула кровью, словно протестуя против зашивания. «Неча! — злорадно подумала Лета. — Сейчас покажу тебе».

Ещё один стежок. Джанки молчал, только дышал торопливо и тяжело, всей грудью. Ещё бы, место, как назло, такое болючее — сзади выше колена. Там даже татухи бить больно, не то что прям иглой в мясо тыкать.

Уже предпоследний стежок. Лета затянула нитку, подумала, что, может, и так хватит, жалко Джанки...

Нет, нужно крепче, если разойдётся — придётся шить поновой, тогда будет даже больнее. Так что она смело воткнула иглу снова, поглубже. В ответ раздался судорожный и приглушённый вдох: парень прикусил руку, чтобы не стонать.

— Последний, — успокоила Лета. — Сейчас, почти всё.

Затянула нитку, завязала узелок. Может, неправильно, но уж как смогла. Закончив, Лета и сама почувствовала облегчение. Сердце сильно колотилось уже от радости, хотелось улыбаться. Получилось! Она справилась! Правда, руки и футболка оказались вымазаны в крови, но ничего, наденет сверху кофту, а дома быстренько сходит в душ, застирает, родители и не заметят.

Джанки тяжело дышал, обессиленно валяясь лицом в диван.

И тут...

...Лета кое-что сообразила.

Блин!

— Это... — от неожиданной мысли она выпучила глаза.

— А обезболы-то у тебя есть? Тыпил что-нибудь?

Наверняка, да?.. Ведь не мог же он всё это время терпеть её шитьё без обезболивающего? И почему она об этом не подумала, не уточнила перед началом процедуры? Ведь даже в кино сначала делают анестезию.

Но нет, вокруг никаких упаковок с таблетками не было видно, а Джанки махнул рукой в противоположный угол комнаты:

— Там, в верхнем ящике.

Лета бросилась к столу, распахнула ящик — уже с ощущением законного права и не чувствуя себя воровкой: Джанки не считает свой стол такой уж запретной территорией, наверняка тут и нет ничего секретного, какое облегчение!

Порылась среди смятых бумажек, погрызенных карандашей и таких же прозрачных кейсов с разнообразными инструментами, какие уже видела во втором ящике. Нашла! Пара блистеров с таблетками и целый блок одноразовых мини-шприцев с бледно-зелёной жидкостью и надписью «Пиралгин». Обезболивающее.

— Ага, вот эти, — донеслось от дивана.

Лета так же в темпе поскакала обратно, протянула медикаменты Джанки — надо же его скорее спасти от боли! Тот осторожно перевернулся на спину — по перемазанной ноге скатилась остаточная дорожка крови, накопившейся за время зашивания, — достал из блистера два шприца, вколол в бедро один и сразу второй, откинулся на диван и с облегчением выдохнул.

Посмотрел на таблетки в руках Леты.

— Эти тоже давай.

Девушка покрутила в руках блистер с надписью «Цефтазил».

— А что это? Для чего?

— Антибиотик.

Ну да, логично. Все ж держат в столе под рукой антибиотики! Во всяком случае, если судить по количеству швов тут и там, Джанки они точно были нужны регулярно.

Парень достал из блистера сразу две крупные таблетки, сунул в рот и принялся хрустеть ими, морщась от вкуса. Снова указал Лете на стол:

— Дай.

— Чё? — девушка удивлённо проследила за его жестом. Он что, имеет в виду подать ему ту бутылку с алкоголем? Уставилась укоризненно: — Совсем уже? Хочешь, чтобы Милка меня закопала?

— Дай, — веско повторил парень, но, увидев, что выполнять его команду Лена не торопится, возмутился: — Да не

пить, блин!

Девушка неохотно дошла до стола, взяла бутылку и принесла ему — глядя с подозрением. Джанки взял бутылку, демонстративно полил на ногу, поморщился, закрутил крышку и отдал Лете обратно — прищурившись с осуждением.

— Не надо на меня так смотреть, — возмутилась та и схватила бутылку. — Откуда я знаю! Мало ли...

— Да я уже понял, что ты меня и за алкаша держишь, и за химического. Прямо спасибо огромное.

— Ничего я не «держу» — проворчала под нос Лета, всё же чувствуя укол вины. Поставив алкоголь на стол, направилась на кухню, громко заявив: — Воды хоть принесу. Знаешь, вообще-то обычно таблетки водой запивают.

Вернулась, протянула парню стакан. Он молча выпил. Забрав стакан, Лета покосилась на его голые ноги. Было как-то не по себе.

— Может, штаны тебе дать?

— И как, ты видишь, я их надену?

— Ну... я бы помогла. А что, так сидеть? — от смущения Лета агрессивно повысила голос.

Джанки в ответ тоже добавил быковатого наезда:

— Как «так»? Я ж не голый тут. А то что ты прям, трусов не видала?

Он явно был замотан всей этой ситуацией, так что страдания Леты насчёт какой-то фигни волновали его меньше всего.

Девушка насупилась. Буркнула:

— Вообще-то не видала.

В комнате повисла пауза.

— По правде? — в голосе Джанки слышался скепсис.

— Я говорила! Шалавой не работаю. А милуша у меня тоже нет, как ты, небось, в курсе. Ты ж говорил, что спрашивал за меня.

— Спрашивал.

— И что сказали? — удивилась его намёкам Лета.

— Сказали, что на вписках бывала, хотя в последнее время не ходишь.

— Чего?! — от души возмутилась девушка. — Вообще-то я была один раз, и ничего там не было, я ушла. А больше не ходила.

— Ну, говорят, и так что-то было.

— И с кем же? — Лета аж глаза выпучила от такого наглого поклёпа. — Не, ты спроси конкретно. Я так-то по жизни в своём дворе, на виду у всех, и пусть эти твои *информаторы* назовут конкретно — с кем у меня что-нибудь было. С кем я хоть гуляла, — она пожала плечами, — или целовалась. Потому что ничего не было. Не, ты уточни!..

— Ладно, я понял, харэ пахтáть, — Джанки выставил ладонь в её сторону, словно отгораживаясь от этого потока возмущённых слов. — Покрывалой накроюсь.

Взялся было за покрывало на спинке дивана, но затем посмотрел с сомнением на кровь и передумал. Принялся дёр-

гать на себя чёрный полиэтилен, на котором лежал. Тот не поддавался. Устав от этого, Джанки дёрнул сильнее:

— Аргх! Бля... — Кое-как прикрылся углом пакета, ворча: — Если уж по правде такая ты нежная целка...

Лета в ответ состроила мину. Не удержавшись, пробурчала:

— Ну и необязательно ржать над этим.

— Я не ржу.

— Ага.

— Да не ржу я!

— Мм, — она поджала губы.

— Просто, блин, шалавой тя звать нельзя, — Джанки потёрся затылком о диван, видимо, нащупывая удобное положение, — целкой тоже нельзя...

— По имени можно, — Лета вздёрнула нос.

Покосилась на парня. Полиэтилен, прикрывающий бёдра, в самом деле выглядел несуразно. Как-то ещё больше привлекал внимание к теме трусов.

— Ну расскажи, что за имя у ты такое, — тем временем сказал Джанки. — «Алетья». Хэ-зэ, что это вообще. Если б я ты не видел, решил бы, что там фифа какая-то понтовая с Паркового кольца.

Парковое кольцо — это был исторический центр Малена, самый дорогой район для финансовых магнатов и наследственной аристократии. Наверное, там и в самом деле могла бы жить девушка с вычурным именем Алетья и красиво

звучащей фамилией Александэр, вот только по иронии судьбы реальная Алетейя Александэр жила в заводском общежитии семейного типа и не могла попасть на Парковое кольцо при всём желании: тех, у кого регистрация в западной части города, в восточную не пускали. Вот поэтому Алетейя не любила своё пафосное имя и ещё в детстве поспешила сама выдумать себе кликуху, лишь бы не слышать его больше.

— Обычное имя, — буркнула Лета. — Родители выпендирились. Мама училась на переводчицу с греческого. Ну, конечно, ничего не получилось, но... Зато вот, имя мне придумала.

— Типа, оно что-то значит?

— Естественно, — снова вздёрнула нос Лета. — Все имена что-то значат.

Однако Джанки прикрыл глаза и в целом выглядел не особо заинтересованным. Конечно, это можно было понять, странно было бы ждать, что сейчас он будет поддерживать оживлённую и эмоционально вовлечённую беседу, а может, уже и обезболивающее подействовало, даря благословенное облегчение после сильной боли и утягивая в дрёму. Но всё же Лету задело: ей померещилось пренебрежение.

Так что девушка настойчиво продолжила:

— Это переводится как «несокрытое», то есть «истинное». Настоящая суть вещей, как-то так. Из философии слово.

— Мм, — в самом деле по-сонному ровно ответил парень.

Сложил руки на груди. — Прикольно.

— Может, дать тебе одеяло?

— Хм-м, — он мыкнул вроде бы отрицательно. — Себя лучше дай.

Чего? Лета удивлённо подвисла. Подняв брови, оглядела Джанки, который выглядел так, словно намерен спать. Может, и засыпал уже. Но что это за странная фраза?

Подумав, Лета решила, что всё же шутка. Парни постоянно шутят в таком духе, это просто речевая привычка, и уж точно не стоит тут же радостно оживляться и лезть к нему с поцелуями. Наверное, эту фразу нужно расценивать как «нет, одеяла не надо».

Так что она продолжила нейтрально:

— Может, в аптеку сходить? Или за едой?

Но Джанки ответил всё так же негромко, с закрытыми глазами:

— Хошь сидеть тут смотреть, как я скулить буду? Вали давай.

Что ж, разочарованно вздохнув, Лета свалила.

16. Шурок

Всю следующую неделю Джанки её не звал. Ясное дело, отлёживался с ногой. Хотя вообще-то она могла бы помочь!
Продукты,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.